Виталий Дымов

Мордюкова, которой Безоглядно Веришь

Биографии великих
Неожиданный ракурс

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Редакционным советом британской энциклопедии «Кто есть кто» Нонна Мордюкова была признана одной из десяти самых выдающихся актрис XX века. Она снялась в 62 фильмах, ее героини самобытны, образы яркие, нестандартные и навсегда запоминающиеся. Спутать Нонну Мордюкову с кем-либо еще просто невозможно. Несмотря на безумную популярность, в биографии актрисы есть много «темных пятен», а официальные данные о ней зачастую расходятся с тем, что Мордюкова рассказывала о себе сама. Такой она была в жизни: немного странной, нелогичной и непредсказуемой; иногда слишком простой, иногда — слишком сложной. Но всегда — исключительно талантливой и до слез душевной…

- Виталий Дымов
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11

Виталий Дымов
Мордюкова, которой безоглядно веришь

Глава 1

25 ноября 1925 года в селе Константиновка появилась на свет Нонна Викторовна Мордюкова. А если точнее, по документам, то звали новорождённую Ноябриной Александровной Афоничевой. Как говорится, найдите три отличия… О «парадоксах» отчества и фамилии поговорим чуть ниже, а начнём с имени. Но перед тем — пару слов о дате рождения. Впоследствии в некоторые справочники закралась опечатка, что Мордюкова родилась не 25, а 27 ноября. Но это явная ошибка — дата рождения (25 ноября) зафиксирована в документах чётко.

А вот теперь — об имени. Имя Ноябрина теперь практически не встречается, да и в 20-е годы его давали детям не слишком часто. Считается, что честью носить такое имя будущая актриса должна быть благодарна в первую очередь своей матери Ирине Петровне. В семье передавался рассказ, что однажды та познакомилась с женщиной, которая ей очень понравилась, да ещё и среди прочего поведала матери будущей актрисы увлекательную историю, как встречалась с Лениным (подобные сюжеты в то время были достаточно популярны среди народа — Ленин воспринимался многими как народный заступник, который любого примет, выслушает, поможет). Женщину-рассказчицу звали Нонной. Когда через некоторое время в семье Ирины родился первый ребёнок, девочка, и мать пошла регистрировать её в сельский Совет, то сомнений относительно будущего имени у неё не было: разумеется, только Нонна — в честь доброй подруги. Однако сельсоветская «барышня», ведавшая регистрацией, гласит легенда, якобы не нашла в директивных именных книгах подобного имени и посоветовала назвать девочку Ноябриной — благо за окном как раз заканчивался последний месяц осени… Дескать, в сокращённом варианте Ноябрина и будет та самая Нонна, объяснила деловитая сельсоветчица. Совет был принят к сведению, и девочку назвали Ноябриной.

Семейное предание преданием, но вполне очевидно, что имя новорождённой носило явный политический подтекст. Отменив вместе с религией и религиозной моралью церковные «святцы», советская власть стремилась среди прочего создать и новую систему имён и названий. Тогда уже взрослые люди брали себе более «благозвучные» с революционно-советской точки зрения имена и даже фамилии. Конечно, логичнее было бы назвать девочку Октябриной, да и имя это было распространено всё-таки шире, чем Ноябрина. Но тут, похоже, и в самом деле сыграл роль месяц рождения ребёнка — ноябрь. К тому же годовщины

Октябрьской революции вследствие ещё одной большевистской реформы — перехода в 1918 году на григорианский календарь («новый стиль») — отмечались уже 7 ноября, и это стало достаточно устойчивой традицией в людском сознании. Так что имя Ноябрина по сути ничем не уступало Октябрине, да ещё и несло в себе некоторую информацию о дате рождения малышки…

В момент рождения Ноябрины её мать Ирина Петровна (урождённая Зайковская) была замужем за Александром Афоничевым, который и был отцом девочки, первенца в молодой семье. Однако трагические обстоятельства очень рано наложили отпечаток на судьбу новорождённой. Ноябрина была ещё совсем маленькой, когда отец её погиб в железнодорожной катастрофе. А через некоторое время мать с младенцем на руках отправилась в достаточно дальний путь — на Кубань. Минуя Ростов-на-Дону, перебрались в село Глафировка Краснодарского края, где и поселились.

Нынче Глафировка — небольшой курортный посёлок с населением менее двух тысяч человек, относящийся к Щербиновскому району Краснодарского края. Располагается курорт на восточном побережье Азовского моря, а точнее, Таганрогского залива. Найти Глафировку можно не на каждой карте. Но проще сориентироваться по обозначенной на картах Азовского моря песчаной косе протяжённостью свыше шести километров, которая отделяет Ейский лиман от уже упомянутого Таганрогского залива. Так вот, эта коса расположена к югу от Глафировки. Она и называется Глафировской, а о местной природе даёт некоторое представление название небольших островов, которые служат словно бы продолжением косы, — Птичьи острова. Недалеко от курорта лежит и Зелёный остров, носящий также название Ейского острова (или косы).

Как, вероятно, уже заметил внимательный читатель, названия населённых пунктов, в которых проходило детство Ноны Мордюковой, довольно часто связаны с именами конкретных людей. Глафировка не стала исключением. Известно, что своё название она получила от имени здешней помещицы Глафиры Романовой. Произошло это, как выразился Александр Сергеевич Грибоедов в бессмертной комедии, во времена «очаковские и покоренья Крыма»… А если быть более пунктуальным, то основали Глафировку в 1784 году, и относилось село в то время к Ростовскому уезду Екатеринославской губернии. Прежде здесь вольготно чувствовали себя хозяевами кочевые татары, подданные крымского хана. Но русские штыки своими победами изменили здешний «геополитический расклад». А вскоре на присоединённые к Российской империи плодородные южные

земли потянулись в поисках лучшей доли поселенцы — русские и украинские крестьяне (в том числе бежавшие от помещиков крепостные), казаки, а также армяне и греки (многие из которых переселились к православным русским единоверцам, чтобы уйти из-под гнёта турок-османов). Да и хозяйственные немецкие колонисты, которым российское правительство давало немалые льготы и привилегии при освоении новых земель, рассчитывая на их трудолюбие и всем известную хозяйственность, тоже не минули здешних мест. Особенно активизировался процесс заселения кубанских земель в начале XIX века. А спустя почти сто лет, во время Всероссийской переписи населения 1897 года, в Глафировке насчитывалось полтысячи дворов с населением почти три с половиной тысячи жителей. Раз в год в селе проходила ярмарка, весьма популярная в окрестных краях и привлекавшая купцов даже из Таганрога и Ростова. Торговали преимущественно дарами кубанских степей и Азовского моря, проще говоря, зерном и рыбой. А оба местных маслобойных завода и почти десяток ветряных мельниц, нужно полагать, тоже без дела не простаивали. Не слишком мешало местной промышленности и торговле даже то обстоятельство, что Глафировка была несколько удалена от тогдашних «благ цивилизации» — например, ближайшая железнодорожная станция располагалась в станице Старощербиновской, а чтобы воспользоваться услугами почты, приходилось ехать в село Шабельское. И ещё один немаловажный по тем временам факт: в 1888 году Глафировку вместе со всем Ростовским уездом передали из состава Екатеринославской губернии в подчинении Области Войска Донского. Понятное дело, это не сделало автоматически всех обитателей Глафировки казаками, однако свой отпечаток на здешний менталитет наложило. И приехавшая сюда в младенческом возрасте вместе с матерью Ноябрина Афоничева уже могла с достаточным основанием считать себя жительницей казачьего края.

В кубанских краях Ирина Петровна Афоничева, молодая вдова с ребёнком на руках, встретила будущего второго мужа и отца своих восьмерых детей (правда, трое из них умерли в самом раннем возрасте). Виктор Константинович Мордюков, вступив в брак, официально удочерил Ноябрину, дав ей свою фамилию. Тогда же было изменено и отчество девочки. И именно с этого времени мы можем говорить о Нонне Викторовне Мордюковой.

А время начиналось бурное. Вслед за индустриализацией страны кремлёвское руководство провозгласило курс на коллективизацию сельского хозяйства, сопровождавшуюся массовым «раскулачиванием» наиболее зажиточной части крестьянства и казачества. Понятно, что на плодородных землях

Дона и Кубани этот процесс происходил наиболее драматично, обретая временами формы едва ли не «скрытой гражданской войны».

Коллективизация с её трагическими «перегибами» фактически расколола крестьянство и казачество. Часть его непримиримо отнеслась к нововведениям, саботируя их и порой даже поднимаясь с оружием в руках на стихийные, заранее обречённые на неудачу бунты. Большинство постепенно смирилось с новыми порядками, вступив в колхозы и взвалив на плечи тяжкий труд практически за бесценок. Но были и те, кто искренне, всем сердцем поверил в преобразование деревни, в её успешное развитие на пути колхозного строительства, в радости «коллективного созидательного труда». Ирина Петровна Мордюкова относилась именно к таким людям. И стала активисткой, настоящей энтузиасткой колхозного движения, а спустя некоторое время вступила в коммунистическую партию. Была избрана председателем колхоза, хотя женщина на такой должности в те времена была всё-таки довольно редким явлением.

Нонна Мордюкова, как мы помним, была старшим ребёнком в семье, к тому же с младенческих лет отличалась крепким телосложением. Девочка подрастала — и становилась шире в плечах, крепче в мускулах. Позже в мемуарах актриса чуть иронически, но и не без гордости сравнит себя с представителем такой явно не женской профессии, как грузчик. Да она и воспринимала себя в то время в некотором роде мальчишкой.

Семья жила бедно, хотя в трудолюбии и упорстве никому из Мордюковых отказать было нельзя. Взрослые выбивались из сил, стремясь свести концы с концами и хоть немного улучшить своё материальное положение, но сил и времени на все работы не хватало. Неизбежно приходилось привлекать к работе детей. Но Нонна от работы никогда и не отлынивала. Ведь к матери она относилась с любовью, порой даже плакала от жалости к её нелёгкой доле. И порученные дела выполняла безо всяких отговорок. Другое дело, что детский возраст всё же брал порой своё: так хотелось искупнуться в реке, сбегать в ближайший лес, поиграть со сверстниками, что Нонна иногда могла сделать вид, будто не слышала маминого зова о помощи.

А семья между тем становилась всё больше. Один за другим у Нонны рождались братья и сёстры. Маленькие, ничего ещё не умеющие и ничего не знающие в этой жизни, но настоятельно требующие к себе внимания и заботы. Получалось так, что нянчить малышей, носить их на руках, убаюкивать, носы вытирать приходилось, прежде всего, самой старшей из детей

сестре. А наносить топлива для растопки печки (на Кубани таким топливом служили чаще не дрова, а хворост), а притащить кукурузы для рассыпчатой мамалыги?.. По мере роста и прибавления силёнок Ноне пришлось заниматься всё более непростыми видами работ — вплоть до выходов в поле и ухода за скотом. А сколько тяжеленных вёдер с водой пришлось перетаскать, разве кто-нибудь сосчитает? Но работа в те времена воспринималась детьми из бедных крестьянских семей как неизбежность. Родился, получил имя и место жительства — так будь любезен, работай, помогай взрослым. Таков был жизненный уклад многих поколений, и изменить его при всём желании было невозможно.

Между тем Ирина Петровна была не слишком расположена к похвалам своей старшей дочери и прочим «сантиментам». И не по причине чрезмерной строгости или жестокости. Просто жизненные условия, суровая борьба за выживание не располагали к излишней мягкости. Материнская любовь и забота доставались маленьким на тот момент детям, а на старших возлагалась в первую очередь ответственность. Отголосок детской обиды слышится в воспоминаниях Нонны Викторовны, когда упоминает она, как мать ругала её за надкушенный пряник (лакомство, скорее всего, берегли к какому-то праздничному событию либо хотели побаловать им меньших детей). Даже «кобылой здоровой» обозвала Нонну. А когда та попыталась оправдаться, что не имеет никакого касательства к надкушенному прянику, то была сражена убойным аргументом: как же не ты, когда на нём следы твоих зубов остались?

А однажды посмотрела Нонна на свои ещё детские руки и увидела, что они уже напоминают во многом материнские, — такие же натруженные, утратившие данную природой красоту. И только вздохнула девочка, понимая, что не переломишь жизненные обстоятельства, не избежишь тяжёлой, но необходимой работы.

А как хотелось ей носить не перешитую-перелицованную одежду, где и размер-то далеко не всегда подходил, а что-то более красивое! В своих воспоминаниях Нонна Викторовна упомянула, как девятилетней девочкой зашла вместе с матерью в сельпо. Вообще-то детям там делать было нечего — денег на какие-либо невиданные лакомства им всё равно не давали. Да и не было в магазине этих самых конфет. На прилавке красовалась разве что сладкая патока, которой и угощали родители детей по редким праздникам, а в будни обычно — оставшимися после работы в поле кусками хлеба «от зайчика»… Но на сей раз Нонна увязалась за матерью, которая в этот день была в хорошем

настроении. Накануне из города ей привезли шифоньерку, о которой давно мечталось. Простенькая, но городская мебель заметно украсила хату. Отчим поставил шифоньерку в красном углу (икон в своём доме коммунисты Мордюковы, понятное дело, не держали), Ирина Петровна постелила рядом домотканую дорожку — и обстановка хаты преобразилась, повеселела. (Добавим, кстати, что Мордюкова-старшая всегда охотно перенимала приметы городского быта: стриглась коротко, духами пользовалась, завела симпатичное кожаное пальто — атрибут тогдашних советских активисток.)

А в сельпо Нонна узрела вдруг подлинное чудо — матросский костюмчик для девочки. Столько лет прошло с тех пор, а навсегда запомнились и кашемировая материя, а причудливое сочетание белой, синей и красной расцветок, и кофточка, украшенная флотским воротником. Кажется, даже в темноте светился этот неописуемой красоты наряд!

Не день и не два ходила девочка за матерью и канючила, чтобы та купила ей матроску. Бегала ежедневно в сельпо, чтобы посмотреть, не забрал ли кто-нибудь это чудо. Но матроска по-прежнему красовалась на своём месте… Наивной девчонке подумалось даже: не для красоты ли её тут повесили? А может, это образец для тех, кто хочет научиться шить?

И всё-таки юной героине автобиографического рассказа повезло обрести обновку. К матери в колхоз приехало начальство, и в степи нужно было показать для гостей небольшой концерт, где собиралась петь и сама Ирина Петровна, а старшую дочку попросила закончить выступление тоже песней. Вот тут-то Нонна и сумела поставить своё условие. Посокрушалась мама из-за цены матроски (не на взрослую женщину ведь платье), но затем тоже прониклась красотой этого наряда. Захотелось сделать дочери что-то приятное. И перед концертом Нонна покрасовалась перед сельчанами на улице и во дворах, охотно демонстрируя обновку…

Несмотря на все тяжести тогдашней сельской жизни и материнскую суровость, актриса вспоминает о маме с любовью. Между матерью и старшей дочерью словно существовала какая-то не всегда осязаемая, но от этого не менее прочная душевная связь. Может, кто-то из младших ребятишек и был более красивым, хорошеньким, кого-то матери приятнее было понянчить, но Нонна зато понимала мать больше, чем кто-либо из остальных детей. В различных делах и начинаниях Ирина Петровна привыкла в первую очередь полагаться только на старшую дочь.

И всё-таки, всё-таки… Взаимоотношения даже самых близких,

родных, любящих друг друга людей вряд ли могут оставаться всё время безукоризненно безоблачными, не замутнёнными обидами и горечью. Были такие моменты и у Нонны, что тут скрывать. И много позже в мемуарах вырвутся у неё искренние и в то же время горькие строки, что были у неё в жизни моменты, когда она свою мать ненавидела. И за её болезни (Ирина Петровна страдала от подагры на левой ноге), и за некоторую долю самодовольства, ибо председательница колхоза (возможно, подсознательно, а не преднамеренно) привыкла переносить жёсткий стиль руководства подчинёнными в семью, в отношения с детьми, считать своё мнение единственно верным и правильным. Как говорится о таких людях: слишком много она знает, слишком много на себя берёт. А тут ещё постоянные беременности (напомним, что после Нонны Ирина Петровна выносила и родила восьмерых детей, из которых трое рано умерли). Ведь нянчить-то детей всё время приходилось опять-таки Нонне!

Но не стоит думать, что в семье не было светлых дней, своих радостей и праздников. У матери будущей актрисы наряду с красивой внешностью был замечательный голос (настоящее меццо-сопрано и абсолютный слух, как позже отмечали знавшие Ирину Петровну актёры и режиссёры, друзья и коллеги Нонны), она прекрасно исполняла не только народные русские и казачьи песни, но и романсы, считавшиеся более городским жанром. Недаром в своё время с десятилетнего возраста Ирина пела в церкви на клиросе. И Нонна тоже с ранних лет разделила с мамой это её увлечение. Нередко мать и дочь пели вместе — и тяжкая работа казалась им тогда легче. Собственно говоря, вся семья Мордюковых была довольно музыкальная, петь здесь любили и умели. Пели, кстати, не только по-русски. Поскольку казаки в здешних краях издавна говорили преимущественно на «малороссийском наречии», то много пели и украинских песен.

Ирина Петровна одно время затеяла в колхозе даже такое необычное по тем временам дело, как самодеятельный театр, где пробовала ставить даже целые оперы. Конечно, оперная музыка — не совсем то, что подходило здешним самодеятельным артистам, но Мордюкову-старшую тянуло именно к этому музыкальному жанру. Видимо, его величавость напоминала ей собственное детство и пение в церковном хоре. Особенно любила Ирина Петровна исполнять арию из оперы «Наталка-Полтавка». Нонна уже в девятилетнем возрасте тоже не отставала в этом смысле — любимым её номером в концертах была песня дурачка — персонажа оперы «Сватанье в Гончаровке».

А разговоры по душам между матерью и старшей дочерью на самые разные темы? Другие дети были ещё слишком маленькими

для таких задушевных бесед-«философствований», а вот с Нонной мать могла порассуждать, рассказать истории из своей жизни… И временами вырывались у измученной тяжкой жизненной долей женщины мечты. Созвучные той эпохе, малодостижимые в те времена и такие будничные и приземлённые для нас теперь. Например, купить валенки с калошами, без которых трудно приходилось в зимние холода. Или съездить на курорт (а ведь, если вдуматься, Кубанское побережье и само по себе было местом курортным, но одной «географии» для полноценного отдыха мало, а позволить себе поехать в настоящий санаторий Ирина Мордюкова не могла). Увы, ни валенок с калошами мама так и не купила, с оттенком горечи вспоминает актриса, ни на курорт не поехала. Много лет спустя, незадолго до смерти, наступившей от рака, Ирину Петровну положили в больницу, где её проведывала старшая дочь. Не избалованной уютом и комфортом женщине очень нравился уход в довольно скромной больничке, она даже связывала с ним надежду на скорое выздоровление. Но не суждено было…

Едва ли возможно взвесить на каких-то гипотетических весах, что передала своей старшей дочери Ирина Мордюкова в наследство, какие черты характера, какие творческие способности и таланты. Несомненно одно: на дочь она оказала большое влияние. И недаром многие, кто знал её, считали, что у Ирины Петровны было артистическое дарование. Да, пожалуй, скромное, однако без него мог и не разгореться тот яркий талант, который прославил её дочь перед миллионами зрителей.

Отчима своего в мемуарах Нонна Викторовна вспоминала гораздо реже и сдержаннее, чем мать. Виктор Константинович был военнослужащим, поэтому дома появлялся только временами. Преимущественно занимался хозяйственными делами, да и жену с падчерицей и остальными детьми старался переключить с песенных и оперных затей на дела практические — например, на заготовку овощей, без которых перезимовать было бы сложно.

Неудивительно, что девочка, поглощённая заботами по дому и хозяйству, воспринимала школу не столько как образовательное учреждение, как место для отдыха. Училась будущая актриса, как она сама потом признавалась, не ахти. Зато с трудом дожидалась звонка с урока, чтобы через окно выскочить на улицу и вволю бегать, кричать, играть со сверстниками в разные детские забавы. Порой случались и чрезмерные по тогдашним пуританским временам шалости. Однажды тайно вытащила из материнского председательского портфеля, где та носила все важные бумаги, паспорт на породистую кобылу и подбросила в школе под ноги

учительнице, с которой была во враждебных отношениях. И тут же с невинным видом поинтересовалась, не преподавательница ли обронила «свою бумагу»… Или случай, когда Нонна, усаженная учительницей на первую парту, чтобы поменьше шалила и отвлекала других детей, тут же улучила подходящий момент и, когда учительница отвернулась к доске, с силой запустила калошей в стену класса…

Непростые отношения с педагогами энергичной и порывистой девочки, имевшей свои понятия о справедливости, не раз приводили к тому, что она была на грани исключения из школы. Собственно говоря, впервые её исключили уже в первом классе. Ирина Петровна, впрочем, отнеслась к происшествию со смехом и не совсем «педагогично». Сказала дочери, что её учительница сама не блещет особой учёностью, переменила множество работ, пока не устроилась в школу, поэтому особого морального права требовать что-либо с детей не имеет. В итоге через год Нонна повторно отправилась в первый класс.

Тем не менее были предметы, по которым извечная троечница получала хорошие оценки. Речь о русском языке и литературе. Сочинения писались легко. Собственно, чему удивляться, если класса с пятого по собственной инициативе Нонна начала записывать разные житейские истории — и смешные, и грустные казусы, случавшиеся в округе. Записывала на клочках бумаги — с тетрадями в те времена было непросто. Однако же клочки эти сберегла даже в годы войны и, как признавалась потом, они ей послужили и во время работы над мемуарами. Куда труднее давались математика и прочие точные науки. Выручала одноклассница, которая с математикой дружила и позволяла у себя списывать.

При всём своём порывистом и даже вспыльчивом характере Нонна не относилась, однако, к породе злостных нарушительниц дисциплины. Однажды в школьной уборной чья-то рука начертала матерное слово. Педагоги заподозрили Нонну. Та попыталась убедить их, что она непричастна к этому. Слёзы и просьбы, с которыми убеждала учителей, запомнились надолго. Настолько расстроилась, потому что ей не верили, что промелькнули в голове мысли о самоубийстве. К счастью, Ирина Петровна, узнав от дочери об этом проишествии, поверила Нонне и сумела убедить педагогов в её невиновности.

Зато когда нужно было сделать какую-нибудь работу по школе — в классах убрать, перетащить школьную мебель, то учителя обычно призывали на помощь в первую очередь Мордюкову. А та уже в темпе собирала дружину из своих сверстников и, засучив рукава, принималась за работу.

Педагоги признавали, что Нонна — человек общительный, пользующийся уважением и авторитетом среди ровесников. Но всё же со школой отношения у неё складывались непростые.

Всё больше и больше тем временем начал привлекать юную казачку мир искусства. О песнях, которые с мамой распевали дуэтом, уже говорилось. А какие ещё шедевры искусства можно было увидеть в небольшом селе? И всё-таки очаги цивилизации тут существовали. Во-первых, детвору, да и взрослых, привлекал большущий радиорепродуктор, из которого разносились по окрестным улицам не только новости народно-хозяйственного и идеологического фронта, но и выступления столичных певцов и актёров, вплоть до трансляции музыкальных спектаклей. Где-то там, за тысячи километров, кипела удивительная и насыщенная жизнь, выступали перед переполненными зрительными залами знаменитые артисты… Чем-то очень притягательным, манящим и в то же время пугающим веяло от радиопередач на девочку, застывшую на сельской улице рядом со столбом, увенчанным чёрной тарелкой.

Но ещё больший эффект оказал на неё мир кино. Хата, крытая камышом, старик-киномеханик, не так уж и часто крутивший привезённые из района картины, забитое зрителями тесное помещеньице — как далеко всё это было от роскошных по тогдашним понятиям кинозалов в крупных городах, не говоря уже о далёкой и таинственной Москве… Но тем сильнее была тяга к такому волшебному виду искусства, тем больше хотелось самой принять хоть какое-то участие в создании таких прекрасных произведений. И уже с двенадцати лет Нонна решила для себя, что обязательно свяжет судьбу с кинематографом. Во всяком случае, так она сама утверждала впоследствии.

Были у юной зрительницы, разумеется, и свои любимые артисты. Один из них сыграл значительную, хоть и косвенную, роль в дальнейшей судьбе девушки. В сорок первом году на экраны страны вышел фильм «Богдан Хмельницкий». Это было время, когда в Европе уже полыхала Вторая мировая война, чей пожар всё ближе приближался к советским границам. Экономика и весь уклад жизни страны постепенно переводились на военные рельсы. Важную роль в патриотическом воспитании молодёжи играли фильмы, в том числе на исторические темы. На экраны выходили кинокартины об Александре Невском, Суворове, других видных деятелях военной истории… В этом ряду был и фильм об украинском гетмане, поднявшем свой народ на борьбу с «ляхами» и в 1654 году перешедшем по решению Переяславской рады под покровительство московского царя. Исторически непростую и противоречивую фигуру Богдана Хмельницкого играл известный

актёр Николай Мордвинов (1901–1966). Правда, известен он был более как театральный актёр, его карьера в кино только начиналась, ещё впереди были награждения тремя Сталинскими и Ленинской премией, звание народного артиста СССР, однако главное, что игра его с самого начала (а это были фильмы «Последний табор» и «Маскарад») привлекала симпатии зрителей. Мордвинов к тому же выступал на радио с чтением художественных текстов, в том числе поэм Лермонтова, что также прибавляло ему популярности.

В некоторых статьях о Нонне Мордюковой утверждается, что она написала письмо Мордвинову, увидев его в фильме «Котовский», где актёр также играл главную роль. Но это ошибочное утверждение, потому что «Котовский» вышел на экраны только в 1943 году. Письмо же датируется сорок первым годом.

Актриса вспоминала, как увидела афишу фильма «Богдан Хмельницкий» и в тот же вечер решилась написать письмо своему кумиру: дескать, как попасть в сказочный мир киноискусства? Сочиняла послание вечером, при зыбком свете керосиновой лампы. Самое же удивительное, что через некоторое время безвестной глафировской восьмикласснице пришёл ответ. По одной из версий, случилось это утром 22 июня 1941 года. Мол, Нонна, ничего ещё не зная о войне, мыла пол в доме, как вдруг ей на голову упал конверт, брошенный почтальоном сквозь дверную щель. Несмотря на красочное описание деталей, перед нами явно более поздний и романтизированный вымысел. Однако действительно в июне 41-го Нонна получила ответ от Мордвинова. Рискнём предположить, что Николая Дмитриевича могло привлечь сходство их фамилий, благодаря чему он выделил письмо из своей обширной почты и решил ответить наивной претендентке на звание актрисы. Актёр ответил, несмотря на свою занятость, о которой упомянул в первых же строках письма.

Нонна не верила собственным глазам. В реальности происходящего её убедила бумага, на которой было написано письмо, — плотная, желтоватая, шелковистая на ощупь, схожая с теми листами, что встречались в старинных книгах… Мордвинов писал, что для обретения актёрской профессии желательно закончить ВГИК — Всесоюзный государственный институт кинематографии в Москве, но для этого нужно предварительно получить аттестат за десять классов. В любом случае, констатировал Николай Дмитриевич, среднее школьное образование необходимо для полноценной жизни и работы.

Нонна была тронута искренностью и добротой, которая

ощущалась в строках письма. К тому же Мордвинов приглашал её в будущем приехать в Москву и разыскать его там, рассказывал о ВГИКе… Счастливая школьница зачитывала присланное письмо всем знакомым и друзьям, при этом более всего старалась, чтобы важностью события прониклась Ирина Петровна.

Увы, в скором времени семье Мордюковых предстояло изведать совсем иные маршруты, чем поездка в Москву… Начало войны на несколько лет перечеркнуло планы Нонны стать актрисой. Хотя даже все ужасы военных лет не заставили её изменить своей мечте. Но обо всём по порядку.

Глава 2

Первый год войны, с лета 41-го до лета 42-го, воспринимался жителями кубанских станиц ещё как бы отстранённо, опосредованно, потому что эти края далеко не сразу стали ареной военных действий. Понятное дело, с первых же дней началась мобилизация военнообязанных. Немало было и добровольцев, у военкоматов выстраивались очереди из желающих попасть на фронт. Случалось, те, кому отказывали по каким-то причинам (возрасту или болезни, например), плакали. Наблюдая за происходящим, не могла сдержать слёз и Нонна. А однажды она увидела, как потеряла возле колодца сознание и упала на землю женщина, получившая извещение о гибели мужа. Нонне казалось в тот миг, что она живёт чувствами этой женщины, что это ей самой принесли похоронку на близкого человека. И это не было притворством или наигранностью — это было сопереживанием иной судьбе, иному человеку, своеобразным перевоплощением в него, без чего, по большому счёту, невозможна никакая актёрская игра…

Отчим Нонны Виктор Константинович, человек с армейским опытом, тоже ушёл на фронт, а на оставшихся трудоспособных членов семьи легла двойная нагрузка. Лозунги призывали: «Всё для фронта, всё для победы!» А в свободное от работы время были мучительные минуты неизвестности за судьбу своих близких и тревоги от кажущегося порой необратимым движения немецких полчищ в глубь страны. Когда пал Ростов-на-Дону, казалось, что вскоре оккупанты придут и на Кубань. Однако в конце сорок первого звучавшие по радио сводки Совинформбюро принесли радостные вести о поражении немцев под Москвой. Тогда же советскими войсками был освобождён от гитлеровцев Ростов, начались наступательные десантные операции в Крыму, направленные на снятие вражеской осады с Севастополя. Люди верили, что в войне наступил перелом. А вскоре в кубанских сёлах появились исхудавшие человеческие фигуры, мало чем напоминающие нормальных людей. Но это были люди, чудом вывезенные по ладожской «Дороге жизни», жители блокадного Ленинграда, переживавшего самую страшную зиму в своей истории.

Весна сорок второго года обещала вроде бы осуществление надежд на скорую победу. Красная Армия развернула ряд наступательных операций, в том числе под Харьковом. Однако через несколько дней наступили тяжкие дни — череда сокрушительных поражений. Советские войска были разгромлены

в Крыму, им пришлось оставить и Севастополь. Но главные события разворачивались севернее, в излучине Дона и Волги. Гитлеровцы рвались на восток, к Сталинграду, частью своих сил поворачивая на юг — на плодородные Кубань и Ставрополье, к горам Кавказа, за которыми уже маячил для них призрак бакинской нефти, столь необходимой для вермахта. Враг снова захватил Ростов-на-Дону. Вот-вот немецкие солдаты должны были появиться на Кубани.

Ирина Петровна, председатель колхоза, коммунистка и жена фронтовика, не питала иллюзий относительно своей возможной судьбы, если их село захватят фашисты. Было решено уходить на восток, в эвакуацию. Усадив детей на подводу, Мордюкова отправилась в страшный и трудный путь. В эти летние дни сорок второго пришлось узнать и голод, и изнуряющий зной, и налёты немецкой авиации на дороги и мосты, по которым передвигались колонны беженцев и отступающие красноармейцы. Под влиянием слухов и достоверных известий о военной обстановке, стремясь не попасть в руки немцам, Мордюковы постепенно отклонялись всё дальше на юго-восток, пересекая весь Краснодарский край и приближаясь к предгорьям Кавказа.

И всё-таки уйти от врага не удалось — слишком стремительным было продвижение немецких моторизованных частей. Позади остался Армавир, всё ближе была административная граница Краснодарского края и горной автономной Карачаево-Черкесии, прошли беженцы уже и станицу Отрадную, когда немцы настигли их.

Семья Мордюковых осела не в самой станице, а на хуторе Труболет, неподалёку от неё. Несколько необычно название хутора (впрочем, позже он стал называться Ново-Урупским). Не исключено, что связано словцо «труболет» с бытующим кое-где названием погорельцев, жильцов места, где был пожар, где всё достояние «в трубу вылетело»… Хутор Труболет, кстати, — место рождения писателя Ивана Бойко, прозванного позже «батькой кубанской частушки».

Как бы там ни было, нужно было привыкать к новым местам, а самое главное — к оккупационным порядкам. А порядки эти, кстати, на Кубани и Северном Кавказе были своеобразные. Оккупанты стремились привлечь на свою сторону хотя бы часть здешнего населения, полагая, что былые антисоветские настроения казачества и зажиточного крестьянства можно возродить и поставить себе на службу. Началось формирование местной полиции, казачьих подразделений, а также национальных отрядов горцев на службе у гитлеровцев. Фашисты щедро раздавали обещания: кому — предоставить автономию,

кому — наделить землёй. И в то же время сохранили колхозы, объявив их временным явлением, пока идёт война, а на самом деле полагая, что осуществлять контроль за работой подневольных людей, взимать с них налоги и всевозможные поборы будет проще при сохранении коллективного земледелия. Как бы там ни было, а Ирине Петровне пришлось идти работать в поле, Нонне — помогать ей и нянчить меньших детей. Некоторые из ребят пошли в школу, которую оккупанты решили не закрывать.

Однако в своей политике «задабривания» гитлеровцы просчитались. Большинство населения не принимало новую власть, хорошо успев рассмотреть её нечеловеческий облик. Оккупанты грабили местных жителей, практически подчистую изымая у них продовольствие, забирая тёплые вещи и многое другое. Голод стал постоянным спутником жителей некогда плодородного края. Случалось, что в дальнюю дорогу к родственникам или знакомым, у которых можно было разжиться кукурузой или тыквами, мать посылала не только старшую дочь, но и меньших детей (бывало иногда, что даже семилетнюю девочку), которых соглашались подвезти до нужной станицы знакомые… И никто из младших не роптал — понимали, что иначе останутся совсем голодными.

Не только взрослые, но и дети научились разбираться во время авианалётов по характерному завыванию бомб, где взорвётся смертоносный груз — рядом или поодаль.

С ненавистью и болью смотрели многие казаки и беженцы, как оккупанты казнили на виселице в станице схваченных ими партизан. Партизанское движение ещё не получило здесь большого развития, но гитлеровцы без суда и следствия расправлялись со всеми заподозренными в пособничестве «бандитам». А тут ещё вернулся к семье с фронта Виктор Мордюков. Вернулся инвалидом, без ноги. Передвигался на костылях. Приходилось прятать его от вражеских глаз, чтобы не забрали в лагерь или того хуже. Ведь сколько было случаев, когда вызывали людей в немецкую комендатуру, а оттуда они уже не возвращались.

Во время отступления советских войск некоторые отставшие или попавшие в окружение солдаты оказались во вражеском тылу. Теперь население по мере сил прятало их, нередко выдавая за своих родственников.

И всё-таки иногда молодость и жизнерадостность брали своё даже в таких нечеловеческих условиях, вспоминала позже Нонна Викторовна. Как ни старались оккупанты парализовать жизнь, запугать всех, им это не удавалось. Случалось, что собиралась

молодёжь в какой-нибудь хате, завешивала одеялами окна и при тусклом огоньке коптилки или лучины пела песни. Бывало, что кто-нибудь, умевший играть на гитаре, брал в руки чудом уцелевший от реквизиций инструмент. И в такие вечера казалось, что война с её ужасами и страданиями куда-то отступила. И неизменная кукурузная каша на столе (а иногда и её не было) казалась не такой приевшейся, даже без соли. Соль вообще стала острейшим дефицитом. Иногда удавалось у какого-нибудь немецкого солдата посердобольнее выпросить или выменять щепотку, и это был настоящий праздник.

Но в победу люди верили даже в самые трудные дни, отчаянию старались не поддаваться. Нонна ещё больше поняла в эти месяцы оккупации, что её родители — люди крепкой закалки. В холоде и голоде, под прицелом оккупантов, они верили, что Россия всё равно победит, что сильнее Советской страны нет в мире.

Бесконечно тянулись первые месяцы оккупации. Но в конце ноября 42-го донеслась весть о разгроме и окружении немцев под Сталинградом. И что-то изменилось в поведении немецких властей: прибавилось озлобленности, но в то же время ощущалось, что гитлеровцы уже и сами не рассчитывают остаться хозяева здесь, в предгорьях Кавказа. А первый месяц сорок третьего принёс долгожданное освобождение. Советские войска, развивая наступление, продвигались на Армавир и Ставрополь. Под угрозой окружения гитлеровцы начали отступление и из Отрадненского района. Перед уходом недавние «хозяева» ограбили людей, как только могли. Забирали уцелевших ещё кур, хлеб, вытаскивали из укромных местечек спрятанные куски сала. Все удивлялись, как быстро утратили германские солдаты свою выправку и надменность. Многие, судя по их виду, голодали — ведь снабжение войск нарушилось, а у населения брать было уже нечего.

В январе 43-го фронт откатился на север, в сторону Азовского моря, и жители Отрадной оказались на освобождённой территории. Несмотря на все трудности и лишения, вздохнули свободнее. Упрочились надежды, что рано или поздно настанет счастливая мирная жизнь. А Нонна в это время даже испытала первую в жизни влюблённость — в молодого партизана Володю. Но главное, что довоенная мечта о кинематографе, о карьере артистки разгорелась у неё с новой силой.

С сорок третьего года семья Мордюковых жила в станице Отрадной, перебравшись сюда с хутора Труболет. Станица, раскинувшаяся на берегу реки Уруп, была основана в середине XIX века на том месте, где ранее размещался адыгейский аул.

Однако победа русского оружия в Кавказской войне привела к смене владельцев этих мест. Богатые чернозёмные почвы и благоприятный климат привлекли сюда множество поселенцев, в первую очередь кубанских и донских казаков. Называлась станица поначалу Усть-Тигиньской. Через неё проходил почтовый тракт, а вот железнодорожные станции лежали несколько в стороне — до ближайшей из них, Невинномысской, нужно было ехать около 46 вёрст. Тем не менее Отрадная постепенно росла численно, часть прибывших основывала по соседству с ней хутора, где занималась преимущественно разведением овец. К началу XX века в Отрадной и соседних хуторах жило свыше 11 тысяч человек, имелось два училища. А число, выражаясь официальным языком той эпохи, «торгово-промышленных заведений» превысило полсотни. Так что Отрадная отнюдь не была какой-то глухоманью…

Понятное дело, что времена коллективизации, а затем войны и оккупации не очень благоприятно отразились на жизни станицы. И всё-таки даже в обстановке разрухи после изгнания с Кубани гитлеровцев жить здесь было, если можно так выразиться, веселее и интереснее, чем на хуторах типа Труболета. Особенно — молодёжи, к числу которой принадлежала Нонна Мордюкова. И если даже во время оккупации молодые люди находили время и возможность для отдыха и вечерних посиделок, то что говорить теперь, когда фронт ушёл из этих мест?!

Хотя обстановка вроде бы не слишком располагала к веселью… Жили голодно, донашивали ещё довоенные вещи, чиня и латая по мере их износа. Острее всего, пожалуй, по-прежнему ощущался дефицит соли. Счастливцы, у которых ещё оставались какие-то вещи на обмен, могли где-нибудь разжиться столь необходимым продуктом, причём свои условия диктовал, как правило, продавец соли. Бывало такое, что за небольшое количество соли приходилось отдавать, например, пальто или что-то другое из одежды. Позже актриса вспоминала, как её маленькие братья и сёстры, просыпаясь утром, тут же интересовались у матери: сегодня лепёшки будут посоленные или пресные?

В доме была всего одна кровать, считавшаяся едва ли не предметом роскоши. На ней обычно спали мать, отец-инвалид и кто-нибудь из счастливчиков — меньших детей. Остальным приходилось ночевать на полу, вповалку, на мешках из-под сена.

Суровые порядки военного времени не располагали к прогулам или отлыниванию от работы, но можно отметить, что и сами люди были достаточно сознательными, верили, что своим трудом приближают Победу, что выращенное и собранное ими зерно послужит для снабжения фронтовиков. Между тем

трудовые нагрузки были так высоки, что не хватало светового дня, зачастую приходилось работать ночью. Что же касается заработков, то о чём тут говорить? Скажем, такая работа, как собирание семечек подсолнухов из перезревших на солнце и осыпавшихся шляпок. Чтобы набрать одно ведро, каждый сборщик затрачивал около тридцати минут. А чтобы целый ящик? Когда приносили на склад этот ящик, колхозный учётчик рисовал на стене одну палочку. На трудодень нужно было выработать десять таких ящиков, отмеченных соответственно десятью палочками. А какая цена тому трудодню — смех, да и только! И когда ещё будет этот расчёт.

Кормились сборщики подсолнуховых зёрен тут же в поле, так сказать, подножным кормом — всё теми же семечками. Порой обеденный перерыв застигал всех посреди ночи. Но никто не плакал и не укорял свою скорбную долю, не требовал строго нормированного рабочего дня «от сих до сих». Молодёжь, поудобнее расположившись в поле, лузгала семечки — чем не замена регулярному трёхразовому питанию? К счастью, ещё хватало жизненной энергии и неистребимого оптимизма.

Выращивали в этих местах и коноплю, однако никто не воспринимал её как наркотическое, дурманящее средство. Была это важная для кубанских угодий сельскохозяйственная культура. Жали её серпами, сдавали в колхоз, зарабатывая всё те же «палочки» трудодней.

Наивно, однако, было бы полагать, что люди могли в те труднейшие времена выживать только на голом энтузиазме. Хотя законы тогдашние и до войны особым либерализмом и гуманностью не отличались, а в войну были помножены ещё и на дополнительные строгости, но голод и нищета вынуждали даже вполне лояльно относившихся к Советской власти колхозников идти на нарушения установленных порядков. Даже на преступление, пользуясь терминологией пресловутого закона 1932 года «о колосках», согласно которому категорически запрещалось собирать на колхозных полях даже осыпавшееся зерно, уцелевшие после уборки колоски. Нелюдские были порядки, вспоминала впоследствии актриса: пусть лучше остатки урожая сгниют под дождём или снегом, но и помыслить не моги, чтобы «похитить социалистическую собственность»! Как ни прискорбно признавать, но даже немцы не додумались во время оккупации до таких строгостей.

И всё-таки почти все семьи, а особенно те, в которых голодными глазами с утра на родителей смотрело множество детишек (семья Мордюковых, понятное дело, относилась к такой же категории), вынуждены были идти на риск и посылали детей

собирать оставшееся после жатвы зерно. Больше всего приходилось при этом бояться объездчиков, которые верхом патрулировали колхозные поля. Люди среди них были разные, но в большинстве своём такие, что упивались доставшейся им властью, хотя бы и небольшой. Любили, заметив малолетних «преступников», подлететь на лошади с истошными криками, гнать пойманных детей перед собой, принудить их высыпать из мешочков всё собранное, а напоследок ещё и хорошенько перетянуть по спине плетью или батогом. Ещё и благодарить их полагалось, что не дали делу ход, не заявили в милицию, а то ведь ребятам и девчатам постарше и тюрьмы было бы не избежать в таком случае… А ещё ведь и выстрелить могли — имели такое право. И случалось, накачавшись перед дежурством дармовой самогонкой, блюститель порядка спускал курок по расхитителям. Был случай, когда застрелили одного из школьников. Хоронили погибшего всей станицей, плакали, скрипели зубами, а что ещё могли поделать?!

Родители Нонны были коммунистами, а это ещё больше увеличивало ответственность в случае быть пойманной — ведь тогда отца и мать неминуемо исключили бы из партии, а дальше легко представить, какая бы судьба ожидала их. Исключение по тем временам являлось едва ли не высшей мерой наказания, потому что исключённый как бы автоматически лишался большинства своих гражданских прав, получал своеобразное клеймо изгоя, с которым можно делать всё что угодно… Поневоле можно было позавидовать тем ходившим подбирать колоски подросткам, у которых родители были беспартийными, — в случае чего с них и спрос был бы меньше.

Нонна с подружками, а то и с кем-нибудь из младших в семье детей наловчилась прятаться в соседней с полем лесополосе, пережидая, пока минует конный патруль. Тряслись от страха, но голод — не тётка… Зато, если удавалось удачно насобирать зерна, домой возвращались триумфаторами: вон сколько продовольствия в семью несём! Вечером Ирина Петровна пекла оладьи, которые вмиг исчезали со стола. И мама веселела в такие вечера, не отводила глаз от довольных и хотя бы на время сытых детских лиц, а наоборот, рассказывала всякие занимательные истории, под которые время коротать было быстрее и легче.

Хотя бы несколько оладий Ирина Петровна старалась оставить на утро, прятала в комод. Поэтому утром все дети норовили проснуться первыми, чтобы в один прыжок достичь заветной цели — верхнего ящика. Мгновение — и съестного в доме опять не осталось, нужно снова что-то придумывать, а скорее всего, вновь выбираться в рискованный поход на

колхозное поле…

Как-то раз Нонна направилась за реку Уруп, где, как донесла молва, у одной женщины-учительницы сохранилось много яблок. Яблоки удалось выпросить, но на обратном пути будущую актрису подстерегала опасность. Неожиданно в небе над ней показался немецкий самолёт — такие воздушные разведчики, именуемые за характерный двухфюзеляжный контур «рамой», иногда ещё показывались в здешних краях. К счастью, немцы стрелять не стали, лётчики только издевательски помахали замеченной ими девушке руками. Правда, когда принесла яблоки домой, то восторженная реакция детей, накинувшихся на лакомство, заставила забыть о только что перенесённом страхе. А как вкусно пахли эти разноцветные яблоки! Навсегда запомнилось…

В сорок четвёртом году произошло событие, снова изменившее жизнь семьи Мордюковых. Отец и мать окончательно разругались и решили расстаться. Отца, несмотря на инвалидность, отсутствие ноги (мужчины трудоспособного возраста в станицах были наперечёт!), районное начальство отправило в станицу Попутную — председательствовать в тамошнем колхозе, подымать хозяйство из разрухи. Ирина Петровна же с детьми стала задумываться о возвращении в родные места, на берег Азовского моря, на Ейский лиман. И через некоторое время Мордюковы оказались в Ейске.

Ейск, почётной гражданкой которого Нонна Викторовна была признана через много лет и где ей установлен памятник, заслуживает того, чтобы хотя бы вкратце рассказать о его истории. В наши времена это город с населением под девяносто тысяч человек, входящий в пятёрку крупнейших населённых пунктов Краснодарского края. А в прошлом он был известен во многом благодаря своему морскому порту. Но обо всём по порядку.

Ещё в XVIII веке в здешних местах существовал Ханский городок — одна из ставок крымского хана. Некоторые из претендентов на ханский престол в те времена вынуждены были искать поддержки у могучего соседа — Российской империи, а из здешних мест им было удобно поддерживать контакты с русскими военачальниками. Побывал на берегу Азовского моря и Александр Суворов, когда в Ханском городке в 1783 году был оглашён манифест о присоединении к России Крымского ханства, в том числе Таманского полуострова и правого берега реки Кубань.

Поселившиеся в этих местах казаки (было создано отдельное Черноморское казачье войско) быстро уяснили выгоды здешнего

местоположения и обратились с прошением о создании портового города к самому кавказскому наместнику Михаилу Воронцову. Наместник, проживавший в Тифлисе, идею поддержал. Так появился на свет императорский указ 1848 года об основании города и порта Ейск. Через семь лет, во времена Крымской войны, Ейск был уже достаточно крупным населённым пунктом и портом, чтобы им заинтересовалась хозяйничавшая на Чёрном и Азовском море англо-французская эскадра. Город был обстрелян из корабельных орудий и подвергнут атаке морского десанта. Однако, несмотря на разрушения и пожары, после окончания войны Ейск продолжал достаточно стремительно расти и развиваться. Тут открылись уездное и реальное училища, войсковая и женская гимназии, были замощены многие улицы. А через несколько лет появились даже уличные фонари — редкость для тогдашних провинциальных городов. Но удивляться тут нечему: по Азовскому морю в те времена проходили многие судоходные торговые маршруты, по которым вывозилась на экспорт продукция плодородного Юга России. В начале XX века, после реконструкции здешнего порта, торговля ещё более активизировалась, а вскоре, за несколько лет до начала Первой мировой войны, Ейск был связан с остальной Россией железнодорожной линией. Тогда же здесь открылись первые курортные учреждения и грязелечебницы (на основе насыщенной сероводородом воды и целебных грязей Ханского озера), быстро завоевавшие популярность у больных и отдыхающих.

Правда, Первая мировая война, перекрыв пути международной торговли, снизила значение Ейска как порта. А затем настал черёд Октябрьской революции и Гражданской войны, во время которой власть в городе менялась ни много ни мало — шесть раз. Окончательно советская власть пришла в эти места весной 1920 года. В 20-е годы в Ейске было сооружено несколько заводов. Но славу городу принесло в первую очередь передислоцированное сюда в начале 30-х годов военно-морское авиационное училище. Три сотни Героев Советского Союза и Героев России — такой вклад этого учебного заведения в историю и обороноспособность страны. Среди наиболее знаменитых выпускников училища — известный полярный лётчик Анатолий Ляпидевский (1908–1983), один из самых первых в стране Героев, будущие космонавты Владимир Комаров и Владимир Джанибеков…

Неудивительно, что город и порт во время войны подвергались яростным бомбардировкам со стороны германской авиации. А в 1942–1943 годах Ейску пришлось изведать все ужасы фашистской оккупации. Наиболее трагичной страницей

гитлеровских зверств стало уничтожение 214 воспитанников местного детского дома, больных костным туберкулёзом. Фашисты убили детей в специальных машинах-душегубках, отравив газом.

В феврале сорок третьего Ейск был освобождён от оккупантов. В разрушенный, наполовину уничтоженный город понемногу возвращалась жизнь. Многие ейчане ушли на фронт — казаки воевали в составе Кубанского кавалерийского корпуса, а сам Ейск стал базой Азовской военной флотилии. В память о тех событиях позже был установлен на постамент необычный памятник — торпедный катер «Ейский патриот». Кстати, Ейск связан с биографией ещё одного знаменитого человека — великого русского борца Ивана Поддубного, который жил здесь во время оккупации и имя которого впоследствии было присвоено местному парку культуры и отдыха.

Для семьи Мордюковых приезд в Ейск стал возвращением в родные места, ведь и этот город, и село Глафировка располагались по соседству. Тяжело трудиться приходилось Ирине Петровне и её детям и на берегах Азовского моря, а бытовые условия поначалу мало чем отличались от той нищеты, в которой пришлось жить в Отрадной. Впрочем, семье выделили комнату в коммуналке — в бывшем купеческом доме. А Нонне всё острее хотелось закончить среднюю школу. Запавшее ей в душу письмо Николая Мордвинова, где тот писал о важности 10-летнего образования для поступления во ВГИК, подтверждало: учиться нужно. Но как сложно было потерявшим из-за войны несколько лет «переросткам» садиться снова за школьные парты и вспоминать забытые азы школьных премудростей!

Ейский литератор Евгений Котенко вспоминает, что Нонна Викторовна пришла учиться в ту же среднюю школу номер 4 (бывшую женскую гимназию) в парке имени Горького, где до войны учился будущий известный актёр и режиссёр Сергей Бондарчук. Согласно мемуарам актрисы, её мать с детства дружила с матерью Бондарчука. А сама Нонна впоследствии подружилась с младшей сестрой Сергея Фёдоровича Тамарой.

Вообще-то Бондарчук — уроженец Херсонской области (из крестьян села Белозёрка), однако детство его прошло на берегах не Чёрного, а Азовского моря, в Ейске и Таганроге (где он закончил среднюю школу в 1938 году). На пять лет старше Нонны, Сергей свою актёрскую карьеру начал гораздо раньше, чем она: ещё до войны. Во время учёбы в ейской школе занимался в театральном кружке. А в 17 лет дебютировал в Таганрогском драматическом театре. Успел перед войной пару лет проучиться в Ростовском театральном училище. С началом войны оно было

эвакуировано, а Сергей некоторое время был актёром Театра Красной Армии в городе Грозном. Во ВГИК он поступил уже после Победы, являясь участником войны. А в 1948 году состоялся дебют будущего прославленного актёра и режиссёра в первом фильме — «Молодая гвардия», в котором дебютировал и Нонна Мордюкова.

Судя по всему, особой дисциплинированностью в ейской школе Сергей не отличался, чем и запомнился своим педагогам. А теперь в бойкой, чрезмерно энергичной девчонке учителя увидели своеобразную наследницу Бондарчука. И не раз пугали её: дескать, если не изменишься, вырастешь такой же непутёвой, как он.

Ирония судьбы: действительно, обоих выпускников ейской школы ожидала схожая биография. Схожая в смысле выпавших на их долю кинематографической славы и зрительского признания. Не случайно теперь Ейск украшают расположенные по соседству памятники двум знаменитым землякам.

Оказавшись за партой, Нонна убедилась, что её нелюбовь к математике и прочим точным наукам никуда не исчезла, а только усилилась. И это толкнуло её на довольно рискованный по тогдашним временам шаг. Подговорив нескольких одноклассниц, она сочинила коллективное обращение к самому Иосифу Виссарионовичу с просьбой, чтобы юных ейчанок освободили от уроков математики, химии и физики. Петиция была отправлена, но, к счастью, не возымела никаких организационных последствий.

Забегая чуть вперёд, отметим, что аттестат будущей актрисы к моменту окончания ею средней школы украшали восемь троек. Кто-то менее уверенный в себе всерьёз задумался бы, стоит ли подавать документы во ВГИК, но Мордюкова, к счастью для себя, по поводу плохой успеваемости не слишком комплексовала.

Уже практически взрослые старшеклассники-переростки не очень-то увлекались учёбой и по другой причине. Любовные романы возникали с неизбежностью и неотвратимостью, благо видных кавалеров у ейских девчонок хватало: в порту располагалась военная флотилия, поэтому бравые моряки и курсанты нередко прохаживались по ейским улицам в сопровождении очаровательных спутниц. Но не будем сетовать на распущенность тогдашней молодёжи. Как вспоминала впоследствии актриса, в отношениях между парнями и девушками соблюдались достаточно строгие моральные нормы и запреты, переступать которые не полагалось. Скажем, провожать вечером девушку до дому после танцев, положив ей руку на талию, считалось допустимым и вполне приличным. Но горе

моряку, если рука скользнёт чуть ниже — за такое вполне можно было схлопотать и по физиономии… Кстати, во время вечерних прогулок Нонна была начеку и по другой причине — Ирина Петровна вполне способна была подкараулить дочь с очередным провожатым и прилюдно высмеять: ты бы лучше свои двойки исправляла, чем под луной прохаживаться! В таких случаях незадачливого ухажёра словно водой смывало.

Любознательные журналисты, а точнее, журналистки, в годы славы Нонны Мордюковой бравшие у неё интервью для различных изданий, неоднократно интересовались, помнит ли она свой первый поцелуй. Актриса неизменно отвечала, что подобное не забывается. Правда, дальнейший её рассказ известен, по крайней мере, в нескольких вариациях. По одной из версий, в десятом классе Нонна каталась с друзьями на коньках по льду замёрзшей реки. По другой версии, прогулка эта проходила на катере, капитаном которого был её друг-моряк Николай Горский. Как бы там ни было, друг внезапно предложил Нонке согреть её под своей курткой, потому что девушка, дескать, вся от холода посинела. Набросил куртку ей на плечи, обнял и поцеловал. Нонна вырвалась и бросилась домой (а по другой версии, удалилась без особой спешки и со смехом). С улыбкой вспоминала, что первым делом подбежала к небольшому зеркальцу, висевшему на стене, и с любопытством уставилась на свои губы. Достаточно ещё наивной девушке казалось, что они теперь должны выглядеть как-то по-другому — ведь только что её поцеловали… А что касается Коли Горского, с грустью заключила актриса свой рассказ, то вскоре он ушёл на фронт, где и погиб.

Поцелуи поцелуями, но по мере приближения окончания школы не давало покоя настойчивое стремление «поступить учиться на актрису», уехать в Москву, в легендарный ВГИК. Нонна, как и прежде, до войны, не пропускала ни одного фильма. А их показывали в Ейске регулярно — город всё-таки как-никак, не деревня. К памятным довоенным кинокартинам прибавились те, что были сняты во время войны, которые Нонна не могла тогда же увидеть из-за жизни в оккупации. Демонстрировали и документальные фильмы, точнее, кинохронику о ситуации на фронтах, в стране, в мире. Показывали изредка и иностранные кинофильмы — разумеется, снятые в странах, союзных СССР по антигитлеровской коалиции. Зарубежные реалии казались чем-то совсем уж невиданным зрителям, оторванным от условий нормальной человеческой жизни. Кинозал чаще всего был переполнен — люди истосковались по радостной и красивой жизни (да и видели ли хоть когда-нибудь многие из них такую жизнь?). Это были счастливые мгновения, когда забывалась

окружавшая нищета, когда зритель уносился мечтами в туманные, но притягательные дали. Что ни говори, подлинная «фабрика грёз», как определили некогда кинематограф. И Нонну всё более тянуло проникнуть в этот неизведанный, но такой прекрасный мир. Пожалуй, она не была настолько наивна, чтобы не понимать: изображаемое в советском кинематографе далеко не всегда соответствует жизненной правде… Но девушке казалось, что так и должно быть, что кино призвано вселять в людей оптимизм, помогать им снять груз житейских забот.

Назначение киноискусства виделось ей совсем в ином свете, чем достоверное отражение мрачных будней. Наверно, именно поэтому ей хотелось стать частью сказки, вырваться из убогой действительности послевоенных будней… И она окончательно решилась на шаг, который, по здравом размышлении, должен был закончиться полным фиаско, но который, как ни странно, завершился её победой и достижением мечты…

Глава 3

Сознательно или нет, но многие знаменитости, вспоминая о начале своего творческо-карьерного пути, стараются преувеличить трудности, которые их поджидали на дороге к славе. Словно вступает в силу некий «комплекс Золушки» — чем труднее было на пути к вершине, тем более весомым кажется успех, тем более яркими гранями сверкает в глазах почитателей твой талант.

Собственно говоря, Нонне Мордюковой и не нужно было особо фантазировать, вспоминая свои первые шаги на пути к профессии актрисы. Ей действительно приходилось несладко, в первую очередь в материальном, бытовом плане… Однако, как мы увидим вскоре, актриса тоже не удержалась, чтобы кое-что не приукрасить, расцветить более ярким красками. А может, это просто свойство человеческой памяти — через много лет вспоминать не всё и не совсем так, как было на самом деле, находить наиболее выигрышные аспекты для показа собственной биографии?

Стал уже хрестоматийным рассказ, как будущая актриса добиралась в Москву через разрушенную войной страну с далёкой Кубани в товарном вагоне. На соломе, в компании таких же безбилетников, как и сама (поэтому приходилось то и дело прятаться от стрелков военизированной охраны и железнодорожных кондукторов, норовивших согнать «зайцев» с насиженных мест). Ехали, впрочем, весело, даже с песнями, подставляя лица встречному ветерку… Ирина Петровна напекла дочери на дорогу лепёшек из кукурузной муки — чуреков. Дала с собой 16 рублей — сумма даже по тем нищенским временам мизерная. Немудрёные пожитки Нонна сложила в фанерный чемодан. Хорошо хоть, что проблемы выбора нарядов перед девушкой не стояло: мол, какое платье надеть на вступительные экзамены? Ехала в простеньком платье из ситца, чей фасон, популярный в то время, именовался задорно-романтически: «татьянка». На ногах — мальчишеские галоши, да ещё великоватые по размеру. Однако те, кто повнимательнее всматривался в румяное и пышущее здоровьем лицо юной казачки, кто обращал внимание на две пышные чёрные косы, любовно заплетенные ею, уже меньше приглядывались к полунищенскому наряду. Молодость и красота были всё же неплохой компенсацией за неподобающее для столицы одеяние.

Как и положено сказочной героине, Нонне в Москве пришлось обращаться за помощью в поисках заветной цели —

Института кинематографии. С ярко выраженным кубанским акцентом она, выскочив из вагона на перрон, сразу обратилась к первому же встречному: как добраться до ВГИКа? Нонне казалось, что все москвичи должны радоваться вместе с ней: добралась до столицы, вот-вот станет актрисой! Прохожий, однако, не разделил радостного настроения будущей кинозвезды. Окинув её добродушным, но в то же время внимательным взглядом, рассмеялся: а может, девушка, лучше на завод пойдёшь? Бросай свои артистические мечты!

Но не на ту нарвался рассудительный прохожий. Какая-нибудь менее уверенная в себе провинциалка, впервые ступившая на столичную землю, могла бы и растеряться, поддаться на добродушные уговоры — и прибавилось бы полку токарей или ткачих-многостаночниц. Но Нонну уже было не остановить никакими предложениями. Только ВГИК!

Отвлечёмся ненадолго от стоящей на перроне девушки и вспомним, что же представлял в те годы этот самый ВГИК — Всесоюзный государственный институт кинематографии. Какое из четырёх слов ключевое? Правильно — «государственный»! Разве могло Советское государство, чей вождь некогда провозгласил кино важнейшим из искусств, оставить его вне своего бдительного надзора и идеологического руководства? Поэтому первая и долгое время единственная в мире государственная киношкола была открыта в Советской России через два года после Октября. Летопись отечественного киноискусства сохранила некоторые подробности: как в голодной, продуваемой ветрами гражданской войны Москве развесили на заборах и афишных тумбах незатейливые объявления о наборе кинонатурщиков для только что созданной Госкиношколы. Кастинг, что называется, был жестоким: из более чем полутысячи претендентов отобрали только каждого пятнадцатого.

В 1934 году киношкола была преобразована в институт, тогда же обрела свою прославленную аббревиатуру: ВГИК. Которую сохранила и до нынешних времён, разве что с заменой смысла первой буквы — со «Всесоюзный» на «Всероссийский». Хотя ВГИК с 2008 года является университетом, но при реформе было решено сохранить его прежнее сокращённое название.

Ныне во ВГИКе студенты занимаются не только на, так сказать, традиционных факультетах (режиссёрском, актёрском, кинооператорском, сценарно-киноведческом, художественном), но и на таких, которые показались бы во времена поступления в вуз Нонны Мордюковой дивом невиданным (продюсерства и экономики, анимации и мультимедиа).

Однако вернёмся к юной казачке, оставившей свой фанерный

чемодан в камере хранения и бодро направившейся с вокзала к заветной цели. Бодро-то бодро, но, как уверяла впоследствии актриса в своих воспоминаниях, она не имела никакого представления о сути вступительных экзаменов. Знакомые сельчане перед отъездом высказывали свои предположения — всякий по мере собственных знаний и представлений о кино. Одна старушка, например, полагала, что главное для актёров — иметь крепкие нервы. Значит, и на испытаниях будут их в первую очередь проверять. Водой холодной неожиданно плеснут на голову или ещё какую пакость придумают. Совладаешь с испугом, не дашь сбить себя с толку — возьмут в «актёрки».

В коридорах ВГИКа Нонна несколько неожиданно для себя увидела огромное количество молодых людей, явно настроенных, как и она сама, на артистическую карьеру. Причём многие из абитуриентов были разряжены в пух и прах, подготовившись к экзаменам хотя бы с внешней стороны и выгодно оттеняя и подчёркивая собственную красоту удачно подобранным костюмом или платьем. Нонна в своей ситцевой «татьянке» (правда, по другой версии, на экзамен девушка пришла в тесном школьном платье, только без фартучка) и мальчишеских галошах испытала настоящий шок. Впору было бежать на вокзал и возвращаться на юг попутным товарняком. Вот тебе и холодный душ на голову!

К счастью, девушка нашла в себе силы справиться с первым испугом. Устроилась в уголке, стараясь поменьше привлекать к себе внимание. Зато сама во все глаза наблюдала, как претенденты на звание актёра по одному заходят в какую-то комнату. Правда, большинство потом выбегали из этой комнаты раскрасневшиеся, вспотевшие от переживаний… Заметила наблюдательная девушка и то, что не все абитуриенты такие уж разряженные, как ей показалось впервые. Были среди них и люди в полинявших от солнца и ветра фронтовых гимнастёрках, кителях: в послевоенный набор во ВГИК стремились поступить и некоторые бывшие фронтовики…

А тем временем настала очередь отправляться на экзекуцию для самой Нонны — она услышала свою фамилию. На негнущихся ногах переступила порог и увидела представительную комиссию — десятка полтора человек, не меньше. На робкое «здравствуйте» ответили не все, да и то как-то невесело. Как будто зубы у экзаменаторов разболелись. Нонна смекнула, что целый день слушать одни и те же художественные тексты, преимущественно из рамок школьной программы (от письма пушкинской Татьяны к своему кумиру до стихов Маяковского или басен Крылова) — занятие крайне утомительное, завидовать тут нечему.

Когда представительница приёмной комиссии поинтересовалась, что будет читать Ноябрина Мордюкова, Нонна, недолго думая, объявила, что ничего читать не собирается. Комиссия удивилась: как же так? Неужели вы, милая девушка, думаете обойтись без стихотворения, басни или отрывка в прозе? При этом члены комиссии оживились и повеселели: любопытный ведь казус, коллеги, не правда ли? У молодой казачки вновь слёзы на глаза навернулись — показалось, что её сейчас же выгонят из аудитории. Но преподаватели оказались благожелательными. Разъяснили Нонне, в чём суть испытания: выявить, есть ли у абитуриента актёрское дарование хотя бы в малом количестве. Не знаешь, что читать, так расскажи хотя бы какой-нибудь случай из жизни, будь то весёлый или не очень, лишь бы интересно было…

Актриса вспоминала потом, что в это мгновение пережила словно некий момент истины. Сообразила, что уж чего-чего, а всяких интересных случаев из жизни кубанской станицы может рассказать целый вагон с тележкой. Кубань и раньше славилась как место, где живут люди на язык бойкие, на всякие байки хваткие… И пошло-поехало: Нонна засыпала комиссию рассказами и побасенками о станичной жизни. Изобразила местного водителя, очень любившего причаститься хмельным зельем… Показала одинокого деда-хуторянина с его повадками… Рассказала о бабке, которая из жалости подкормила голодавшего немецкого солдата, а тот ей в знак благодарности потом крышу починил… Представила, как станичники в поле работают, хлеб убирают, как под гармошку поют… Новоявленная фольклористка так разошлась, что педагоги не могли её остановить. Как говорится, понесло попутным ветром… От баек перешла к пению, затянув не только с детства знакомые украинские и кубанские песни о любви (а исполнялись они со слезой, с надрывом), но и отрывок из пресловутой оперы «Наталка-Полтавка» (что ещё с мамой в девять лет певала вместе). Импровизированный концерт с трудом удалось приостановить, когда у «артистки» иссякли силы. Не помня себя, выскочила в коридор. А вечером в вывешенном списке поступивших среди прочих счастливцев нашла и свою фамилию…

Это, так сказать, каноническая, устоявшаяся версия поступления Нонны Мордюковой во ВГИК. «Пришла, увидела, очаровала»… Есть, тем не менее, и другие вариации на тему поступления. Литератор Евгений Котенко, изучавший ранний период жизни актрисы, утверждает, что не такой уж наивной была абитуриентка, якобы не знавшая, что нужно перед комиссией читать стихи или басни. Своё выступление перед

экзаменаторами, по словам Котенко, Нонна начала с монолога Фамусова из грибоедовского «Горя от ума». Это был единственный более-менее полноценный фрагмент, который она знала наизусть. Но комиссия, быстро оценив глубину поэтических познаний юной казачки, предложила ей перейти к интересным случаям из жизни. И, как уже говорилось выше, пошло-поехало…

А вот ещё одно любопытное высказывание на аналогичную тему. На этот раз уже из уст самой актрисы. В одном из интервью, признаваясь в любви к городу на Неве и его жителям (а ленинградцы запомнились Нонне со времён войны, когда уцелевших блокадников вывозили на Кубань, чтобы подкормить), Мордюкова утверждала, что на экзамене во ВГИКе читала отрывок из пушкинской поэмы «Медный всадник». Правда, тут, судя по всему, речь шла уже не о вступительном экзамене, а об одном из экзаменов во время учёбы (среди предметов, преподаваемых на актёрском факультете, имелось ведь и «художественное чтение»).

В любом случае не будем чрезмерно придирчивыми к возможным противоречиям в рассказе о поступлении Нонны Мордюковой во ВГИК. Если даже что-то и преувеличено или добавлено позже, то главное и несомненное — что комиссия рассмотрела в будущей актрисе искру таланта и открыла ей путь в мир кино…

Но, может быть, девушка с тем же успехом могла прославиться и в мире литературы? Некоторые основания для такого вопроса имеются. Актриса впоследствии признавалась, что привезла с собой в фанерном чемодане не только лепёшки-чуреки, но и целую повесть, собственноручно написанную. Правда, показать её так никому и не решилась. Хотя слава Шолохова, прославившего свои родные донские места, нет-нет, а не давала покоя кубанской казачке. Порой даже думалось: зачем было ехать в Москву, может, лучше бы жить на родине, писать рассказы или повести?.. Но выбор был уже сделан.

Во время вступительного испытания Нонне с перепугу все члены комиссии казались на одно лицо. Только и смогла различить, где «тётенька», где «дяденька», где «дедушка»… После поступления пришло осознание, что преподают во ВГИКе известные актёры и режиссёры, учиться у которых — большая честь. А при распределении новоявленных студентов по группам Мордюкову определили в мастерскую Бориса Бибикова и Ольги Пыжовой. Этих актёров-супругов ныне массовый зритель уже практически не помнит, а между тем они заслужили, чтобы о них было рассказано подробнее. Хотя бы потому, что дали путёвку в творческую жизнь не только Мордюковой, но и многим другим

звёздам советского и российского кино, среди которых Вячеслав Тихонов, Юрий Белов, Майя Булгакова, Леонид Куравлёв, Тамара Носова… А поскольку сами педагоги в своё время были учениками великого Станиславского, то можно вести речь о преемственности актёрских поколений. В некотором роде Нонна Викторовна оказалась внучкой Станиславского.

Борис Владимирович Бибиков (1900–1986) родился в подмосковном Серпухове. Признание получил в первую очередь как театральный режиссёр. Носил звание заслуженного деятеля искусств не только РСФСР, но и нескольких других союзных и автономных республик, поскольку работать ему пришлось в различных театрах Советского Союза — от Москвы до Алма-Аты. Ставил спектакли как для детей, так и для взрослых, и когда Нонна Мордюкова поступала учиться, как раз был режиссёром спектакля «Нашествие» (по произведению Леонида Леонова) в Московском театре имени Моссовета. Чуть забегая вперёд, добавим, что престижную Сталинскую премию в 1950 году он получил (совместно с супругой и коллегой в одном лице) за постановку пьесы Сергея Михалкова «Я хочу домой» в Центральном детском театре. На счету Бибикова были роли примерно в двух десятках фильмов. Во время войны он снялся в кинокартине «Котовский», где главную роль исполнил кумир юной Мордюковой Николай Мордвинов. В первые же послевоенные годы снимался мало, но в дальнейшем его актёрское дарование было востребовано различными режиссёрами. Правда, довольно часто ему поручали роли отрицательных персонажей — немецких и прочих иностранных офицеров, заговорщиков и иных врагов советской власти. Любопытно, что в 1974 году в фильме «Фронт без флангов», где Бибиков снялся в одной из небольших положительных ролей, главную роль исполнял его бывший ученик по ВГИКу Вячеслав Тихонов.

Ольга Ивановна Пыжова была на шесть лет старше своего супруга. Урождённая москвичка, с дворянской родословной, она до революции успела поучиться в институте благородных девиц, который, впрочем, оставила, благоразумно (с учётом грядущих революционных веяний) предпочтя бухгалтерские курсы. Однако, когда Московский художественный театр объявил конкурс по набору новых актрис, тяга к сцене победила. Ольга Пыжова сумела пройти отбор, где из двух сотен претенденток отобрали только двух человек, и в возрасте двадцати лет стала актрисой МХТ. Играла в спектаклях по произведениям Тургенева, Чехова, в «Синей птице» Метерлинка. В 1916–1917 годах успела сняться в трёх немых фильмах. После революции вместе с супругом

занималась преимущественно режиссёрской и педагогической деятельностью, также не раз удостоившись звания заслуженного деятеля искусств (РСФСР, Татарской АССР, Таджикской ССР), была отмечена уже упомянутой Сталинской премией. Пару раз снялась и в фильмах: «Бесприданнице» по пьесе А.Островского, «Белеет парус одинокий» по В.Катаеву и т. д.

Обоим педагогам пришлось немало потрудиться, чтобы изменить сложившиеся у немалой части новоявленных студентов стереотипы относительно того, что означает быть киноактёром. Новички ведь представляли себе актёрскую профессию преимущественно по её внешним атрибутам. Девушкам, что греха таить, хотелось, прежде всего, красиво выглядеть на сцене, исполнять свои роли в эффектных нарядах. Бибиков и Пыжова терпеливо втолковывали, что главную ценность представляют отнюдь не наряд и даже не весь внешний вид актёра или актрисы, а совсем иные вещи. Они призывали начинающих артистов не терять связи с жизнью, интересоваться, чем живёт страна, что волнует и заботит простых людей, что вызывает у них смех или слёзы. Без такой неразрывной и постоянной связи с действительностью, по мнению педагогов, ни о каком актёрском мастерстве не могло быть и речи, даже если студент овладеет необходимыми теоретическими знаниями и практическими навыками. Не имитировать чувства, а всей душой стремиться разделить со зрителями их боль и их радость — такую сверхзадачу, по мнению Бориса Владимировича и Ольги Ивановны, должны были ставить перед собой их воспитанники.

Между тем далеко не все другие педагоги ВГИКа разделяли подобные установки. В некоторых мастерских упор был сделан как раз на внешние атрибуты, которые помогают актёру ярче и зрелищнее проявить себя на сцене или киноэкране. Там начинающих актрис учили, как правильно наряжаться, какой косметикой и как пользоваться, для чего служат различные аксессуары и украшения. Между тем Бибиков и Пыжова на косметику смотрели по-пуритански и крайне не одобряли, если их ученицы пользовались средствами для макияжа.

Нонна не то чтобы совсем отвергала использование косметики (о чём подробнее речь пойдёт чуть ниже), но ей, выросшей на лоне кубанской природы, чрезмерное употребление всяческих помад и румян не нравилось. В группе учеников Бибикова и Пыжовой она чувствовала себя естественно, ощущала, что занимается именно тем делом, которое ей по душе. Надо сказать, что и большинство её сокурсников разделяли те же взгляды. И если в своё время в школе чрезмерная эмоциональность только мешала девушке и не раз приводила к

конфликтам с педагогами, то здесь, напротив, помогала учиться. В мастерской, куда волей судьбы была зачислена Мордюкова, полутонов и половинчатых эмоций не признавали — здесь и плакали и веселились от души. А такая рассказчица, как Нонна, пользовалась среди своих соучеников вполне понятной популярностью. Куда только девалась та застенчивость, которая овладела девушкой в первые минуты вступительного экзамена?! Словно и не она тогда стояла перед экзаменаторами.

Учиться-то нравилось, но, скажем прямо, не по всем предметам. В некотором роде школьная история всё-таки повторилась. Как и тогда, Нонна с увлечением занималась теми дисциплинами, которые ей нравились и вызывали интерес (как уроки литературы в школьные годы). А вот к нелюбимым предметам, как в детстве к математике, отношение было прямо противоположным.

Замечательно обстояло дело с так называемыми специальными предметами, к числу которых относились прежде всего мастерство киноактёра, пение и художественное слово, акробатика, танец и пантомима. По большинству из них молодая студентка получала только отличные оценки. Но вот принудить себя заниматься предметами по тогдашней терминологии «общеобразовательными» — типа истории искусств, истории театра и кино, политэкономией — никак не получалось. Здесь одного дарования было мало, а требовалась систематическая, упорная работа. Требовались нередко и базовые школьные знания, с которыми у выпускницы послевоенной средней школы было туговато.

Особую неприязнь почему-то вызывала история искусств. Даже сама преподавательница, сухопарая брюнетка, начала вызывать антипатию. Нонне было попросту скучно слушать сопровождавшиеся показом диапозитивов лекции о памятниках древней архитектуры. Вроде бы и понимала умом, что Колизей с Парфеноном — сокровищница мировой культуры, а вот почему-то не впечатляли каменные развалины, поросшие мхом и кустами. Может, потому, что руины всемирных шедевров слишком напоминали военные годы, когда уж чего-чего, а всяческих развалин и разрушений пришлось насмотреться вдоволь. Тянуло к чему-то более красивому и современному. Например, мечталось хотя бы побывать, не говоря уже о том, чтобы жить, в высотных зданиях, возведённых по приказу Иосифа Виссарионовича и преобразивших прежний облик Москвы. А собственно, почему и не пожить бы в таком доме? Чуть освоившись со столицей, Нонна уже мечтала о комнате в одной из высоток. Понимала, что от мечты до свершения — дистанция огромного размера, но вот

поди ж ты…

В реальности же даже с общежитием не сразу всё получилось. Некоторое время пришлось снимать угол на частных квартирах. А тут ещё один неприятный сюрприз подвернулся. Собственно, не такой уж и сюрприз. Понимала ведь, что пренебрежение общеобразовательными предметами, которые окрестила «околовсяческими», до добра не доведёт, но всё время думалось: авось пронесёт. Не пронесло… Педагоги поначалу терпели, делая скидку на сложности адаптации в новых условиях, в большом городе, а главное — на старательность в усвоении предметов специальных. Но затем и у них терпение иссякло. Посыпались одна за другой двойки. Когда в зачётке набралось шесть этих, напоминающих «гусей-лебедей» цифр, Мордюкову как неуспевающую лишили хлебной карточки. Хоть ты в гроб ложись с голодухи. Был даже случай, о котором позже вспоминала со стыдом: стащила булку хлеба у квартирной хозяйки, настолько хотелось есть. А тут ещё встал вопрос об исключении из института за неуспеваемость. Вызвали на общее собрание, ругали и даже заявили, что уже отчислена. Но всё-таки судьба смилостивилась. Несомненный актёрский дар, который распознали педагоги и на который возлагали большие надежды, помог Нонне и на этот раз. Исключать из института её передумали. Заставили только пересдать экзамены и зачёты по нелюбимым предметам. Кое-как пересдала. Через некоторое время вернули хлебную карточку, и, как выражались в то время с высоких трибун, жить стало веселее.

Написала домой о трудностях студенческой жизни. Но мать, не в силах помочь дочери чем-то материальным (тут хоть бы остальных детей на ноги поднять), сочла для ответа наиболее подходящим строгий тон нравоучения. Привела в пример Владимира Ильича Ленина, который, дескать, тоже голодал во время гражданской войны, на одном кипятке с сухарями порой сидел, а сколько работы тянул на плечах, обо всей огромной стране заботился… Кто знает, подействовал ли воодушевляюще «ленинский пример» или просто осознавала Нонна, что рассчитывать может только на собственные силы, на выработанное за время войны терпение, но жаловаться в письмах домой стала меньше.

Голод — голодом, а тут ещё в общежитии на станции Лосиноостровской, в которое всё-таки удалось устроиться, холодина. Не топят почти. Оттого зимой случалось до трёх градусов ниже нуля в комнатах. Вот и позанимайся в таких условиях. Может, потому и нравился требовавший владения основами акробатики и танца предмет «сценическое движение»,

что во время занятий хоть согреться можно было. Тут уж физически сильная девушка была на самом лучшем счету у педагога. Преподавателя приглашали вести занятия по совместительству, а вообще-то он работал в физкультурном институте. Однажды предложил Нонне: мол, зачем тебе это актёрство, переходи лучше в наш вуз, сделаем из тебя классную спортсменку, будешь медали на чемпионатах брать!

Как бы не так, только и подумала в ответ. Акробатика — занятие интересное, но и только. А вот душа лежит совсем к другим делам. Представляла себя в различных ролях, а время от времени уже играла в учебных этюдах того или иного полюбившегося персонажа. Нравилась толстовская Катюша Маслова, хотелось испытать себя в образе Катерины из островской «Грозы». А Берта Кузьминична из спектакля «Двадцать лет спустя» по Михаилу Светлову, автору знаменитой «Гренады» (кстати, спустя несколько лет Борис Бибиков поставил-таки этот спектакль в одном из театров).

В общаге, несмотря на голод и холод, жили весело. Правила здешние сформировались не одним уже поколением студентов, а старшекурсники заботливо преподавали их новичкам. Сложились в общежитии свои группы друзей и подруг, где делились на всех и радость, и горе. Гуртовались вместе, выражаясь по-кубански.

Часто бывало такое, что приходили в общежитие и находили здесь ночлег и приют (нелегально, так сказать) те, кто уже и ВГИК-то закончил, но по каким-то причинам не мог найти себе другое жильё. Вот и тянула привычка на прежнее место обитания. Вахтёры тоже не всегда разберутся, кто уже не имеет права приходить. А то и посмотрят на нарушителя сквозь пальцы: дело-то житейское, всякому нужно как-то выживать.

Стоит в комнатах по шесть кроватей и шесть тумбочек. Но хоть одну свободную койку найти несложно: кто-то в отъезде, у кого-то другие дела. Ночуй, выпускник, а за это делись опытом недавней учёбы!

Питались чаще всего тоже вскладчину. Хорошо тем, кто мог из дома продуктов привезти. А если нет такой возможности? Купит, например, соседка по комнате (занимается на факультете, где на театральных художников учат) на последние гроши кусок хлеба, немного сахара, одну папироску из пачки «Беломорканала» — вот и завтрак готов на несколько человек! И при всём при том любили «жить красиво» — хоть один цветок, но стоит в банке на чьей-то тумбочке. А утром, перед тем как съесть свой кусочек хлеба, ещё и гимнастику сделаешь, холодной водой оботрёшься. Потом вроде бы и холод не так ощущается.

Студенческая демократия? Так, да не совсем. Были, были у

кое-кого привилегии. И не столько по таланту или успеваемости, как по принадлежности к партии. Среди студентов почти сразу начали списки составлять: кто собирается подать заявление на вступление в ВКП(б)? Понятное дело, что кого примут, то сначала кандидатом, с испытательным сроком. Некоторые, кто пошустрее да посмекалистее, быстро оценили, в чём преимущество студента-партийца. Даже те из них, кто успеваемостью не блистал, а потому рассматривался в числе кандидатов на отчисление из вуза, почему-то оставались студентами, их особо не трогали. Зато если вдруг освободится койка или комната в общежитии, то при прочих равных условиях её обязательно отдадут студентам-коммунистам. Да и только ли студенты стремились ухватить хоть кусочек благ? Были и педагоги, даже уже убелённые сединами артисты, которые вступали в партию, чтобы им актёрскую категорию повысили.

Нонна не была наивной дурочкой и понимала все преимущества от своего возможного вступления в партию. Но что-то в душе воспротивилось этому. Вспомнила мать с отцом: вот это настоящие коммунисты — справедливые, о людях думающие, не рвачи какие-нибудь… Гордость в душе взыграла: а я вот останусь беспартийной, но стану известной актрисой. С самой высокой категорией! Своим трудом добьюсь славы и признания! И воздержалась записываться в списки претендентов на звание коммуниста…

Учёба — учёбой, голод — голодом, а молодость всё равно своё брала. Если даже война не могла любви помешать, то что уж теперь-то говорить?! Правда, ухаживания тоже проходили по строгим правилам. Подойдёт паренёк к понравившейся девушке. Робеет поначалу, понятное дело. Только и выдавит из себя, покраснев, что давай, мол, дружить. Девушка тоже марку держит: подумаю, дескать, так что подожди моего ответа до завтра. А если несколько предложений дружбы сразу поступило — тут есть о чём задуматься. Лежишь вечером в нетопленой комнате в постели и размышляешь, кто тебе больше нравится. Согласишься дружить — это тоже ведь определённые обязательства. Целый ритуал выработался. Допустим, ответишь кому-нибудь из парней согласием, так он тебя приглашает в столовую. Разносолов там, понятное дело, никаких не встретишь, а вот вареной картошки вместе поесть — это можно.

Хорошо ещё, что продуктовые карточки через некоторое время отменили. Голодать стали меньше. Купит компания друзей-подруг буханку хлеба, отрежут все себе по ломтю и начинают чай пить. Чай, правда, без заварки и тем более без сахара, но главное, что компания хорошая, так что и кипяток вкуснее кажется.

А как с косметикой дела обстояли. Хоть и не одобряли Борис Владимирович с Ольгой Ивановной излишеств, но каждой девушке ведь хочется красоту свою подчеркнуть. Тут целая «химия» была разработана. Скажем, тушь для ресниц как изготовить из подручных средств? Да очень просто. Нужно взять чёрные чернила и смешать с мылом. Потом смесь заварить в консервной баночке. Застыло варево — пожалуйста, пользуйся, наводи марафет на ресницы. Зубной щёткой — а вы думали, чем ещё? А что касается румян, то тут ещё проще. Свёкла для этой цели подходит ну просто замечательно… Или трава была под необычным названием «пагода», так той вообще на несколько дней хватало, чтобы щёки румянцем горели. Помаду губную, правда, приходилось покупать. Обычно старались выбирать не слишком яркие расцветки, чтобы преподаватель не заставил губы вытирать. Розоватого цвета — самое то, что нужно. А если захочется чего-нибудь поярче, можно и у подружки разжиться на вечер, а ей свою одолжить, когда попросит…

Парфеноны с Колизеями по-прежнему не слишком привлекали Нонну Мордюкову, хотя приходилось терпеть нелюбимую историю искусств, дабы из ВГИКа не попросили. Чем-то слишком далёким казались ей и образы героев греческих мифов. Оно-то понятно, что именно в античные времена по большому счёту зародилось современное театральное искусство, но всё равно душа не лежит. Вот что-то более современное на сцене изобразить в ватнике или гимнастёрке — это пожалуйста. Воспитание-то не графское, а крестьянское, казачье, потому и играть легче героинь, чью жизнь лучше знаешь, — простых русских женщин.

Между тем Бибиков и Пыжова представляли одну из своих любимых учениц в ином амплуа. Почему бы ей не попробовать себя в роли древнегреческих героинь? Или Анны Карениной, например? Ну и что, что Каренина — аристократка? Женщина всё равно остаётся женщиной в любых условиях, переживает одни и те же чувства и в телогрейке, и в бальном платье…

Натолкнувшись на явное нежелание Мордюковой играть слишком вычурных, на её взгляд, героинь, Борис Владимирович решил настоять на своём. Как ни отговаривалась, что во всяких там актёрских штучках и выкрутасах мало что смыслит, а поручил ей роль Анны Карениной. Не хочешь Каренину? Тогда изволь сыграть что-либо из зарубежной классики! Ах, тогда для тебя Каренина лучше? Ну, вот и играй!

К сожалению или к счастью, но одна из первых же репетиций роли Карениной закончилась полным конфузом… Студентка подозрительно долго возилась за сценой с богатым платьем,

которое ей предстояло надеть перед выходом. А когда выскочила в нём на сцену, все со смеху покатились. Семьдесят пуговиц на роскошном наряде за какие-то полчаса Нонне удалось застегнуть все до единой, только вот платье она надела задом наперёд. Рванувшись со сцены под дружный смех, наступила на пышный подол, материя не выдержала и треснула. Поплакала поначалу, конечно, после такого конфуза, а потом убедилась, что оно и к лучшему. Во всяком случае, Борис Владимирович понял, что есть роли, к которым принуждать Мордюкову не стоит. Дарование, возможно, у неё для таких ролей и имеется, но вот душа к ним не лежит, а значит, ничего путного в итоге не получится…

Параллельно с учёбой, казалось бы, наметились у Нонны более-менее прочные романтические отношения со студентом того же ВГИКа. Звали парня Петром. Это уже впоследствии актриса выразится, что крутила, мол, романчик с одним пареньком, а поначалу-то казалось: вот оно, счастье, в двери постучалось… Увы, не сложились отношения. А тут в душу всё больше стал западать другой студент. Однокурсник, между прочим. Красивый такой, тихий, спокойный. Глаз не отвести, в общем.

Но примерно в это же время разыгрались во ВГИКе иные события, которые всех взволновали, если не сказать — переполошили. Это уже тогда, когда недавние первокурсники на второй курс перешли…

Глава 4

Не в обиду будь сказано уважаемым педагогам Борису Бибикову и Ольге Пыжовой, но преподавали в тогдашнем ВГИКе и гораздо более известные актёры и режиссёры, давно уже прославленные в масштабах всей страны и даже на международной арене. Рейтингов звёздности, понятное дело, никто тогда не составлял, но степень популярности можно было определить и по многим иным показателям. И несомненно, что среди наиболее ярких звёзд ВГИКа, да и всего советского кинематографа, был Сергей Герасимов — человек, сыгравший весьма важную роль в судьбе юной Нонны Мордюковой.

Родился Сергей Аполлинариевич в 1906 году в Челябинской области (впрочем, есть сведения, что его родина — Екатеринбург или Златоуст). Тоже, кстати, места, связанные с казачеством российским, только не донским или кубанским, а уральским. Малая родина Герасимова поначалу и называлась станицей Кундравинской, а уж потом была переименована в село Кундравы (как тут не вспомнить историю с родиной Мордюковой — «станицей Константиновской», она же — село Константиновка). В 17 лет паренёк с Урала поступил в Ленинградское художественное училище, а уже через год, ещё будучи студентом, дебютировал в качестве киноактёра — в фильме «Мишки против Юденича», о борьбе трудящихся Петрограда против белогвардейского генерала, наступавшего на Северную столицу в 1919 году. Затем была учёба в Техникуме сценических искусств. Параллельно Герасимов снялся в нескольких фильмах, начав ещё с немых кинокартин, а затем вступив вместе с отечественным кинематографом в эру звукового кино. На колоритную внешность и дарование молодого актёра обращали внимание такие известные в то время режиссёры, как Григорий Козинцев, Леонид Трауберг, Всеволод Пудовкин… Герасимов мог представить на киноэкране и шулера из гоголевской «Шинели», и председателя сельсовета или командира Стального полка из более современного революционного фильма, доверяли ему и роли меньшевиков, эсеров, шпионов и прочих отрицательных персонажей. А ещё его актёрская деятельность была связана с экзотическим словом «ФЭКС». Нет, это не словечко из заклинаний Буратино на Поле чудес перед посадкой денежного дерева. Аббревиатура расшифровывалась так: «Фабрика эксцентрического актёра». Как видим, не просто актёра, а с налётом необычного амплуа. Герасимов, по мнению специалистов, и проявлял себя в каждой роли с заметной долей гротеска, умело заостряя тот или

иной образ, средствами киноискусства создавая своеобразный живой рисунок или шарж.

Но на актёрской работе Сергей Герасимов не зацикливался, постаравшись стать универсалом в мире кино, всё чаще выступая как режиссёр (с 1930 года) и сценарист (начал двумя годами спустя). Занимался он и взращиванием молодых талантов, руководя «ленфильмовской» актёрской мастерской. Первым звуковым фильмом для Герасимова-режиссёра стали «Семеро смелых», сценарий к которому он создал совместно с известным писателем Юрием Германом. Фильм быстро стал популярным на экранах Советского Союза.

Успех режиссёра-супруга разделила с ним снявшаяся в этом фильме жена — Тамара Макарова. Тамара Фёдоровна была практически ровесницей Сергея Аполлинариевича (родилась в 1907 году в Петербурге в семье военного медика). Уже в 14-летнем возрасте, в первые послереволюционные годы, создала с соседскими детьми дворовый театр, довольно быстро завоевавший популярность в округе. Городские власти даже поставили детскую труппу на учёт, что было немаловажно — юные актёры смогли в те голодные годы на законных основаниях получать паёк. В 1924 году, уже учась в актёрской мастерской, Тамара познакомилась с будущим мужем, а спустя три года вышла за него замуж. Несколько раз супруги вместе снимались в одних и тех же фильмах. Но только в 1934 году Тамара Макарова дебютировала в фильме, режиссёром которого выступал её муж. А затем был триумф «Семерых смелых».

С творческим дуэтом связан и успех последующих фильмов, вышедших в предвоенные годы, среди которых «Комсомольск», «Учитель», «Маскарад»… Как видим, творческий диапазон Герасимова был широк: от фильмов о строителях светлого коммунистического будущего до экранизации классического произведения Лермонтова. Кстати, в «Маскараде», где сам Герасимов блестяще исполнил роль Неизвестного, снялся предвоенный любимец Нонны Мордюковой — Николай Мордвинов (в роли Арбенина), а Тамара Макарова играла Нину.

В 1941 году Герасимовы были отмечены Сталинской премией второй степени за фильм «Учитель», вышедший на экраны двумя годами раньше. Герасимов выступал в нём в качестве режиссёра, а Макарова исполнила одну из главных ролей.

Но не стоит считать, что жена своими успехами была обязана только влиятельному в мире кино супругу-режиссёру. На самом деле Тамара Фёдоровна вполне удачно снималась в кино и у других режиссёров, была автором нескольких сценариев и даже либретто, тогда как и сам Герасимов ставил фильмы без её

участия…

Войну супруги Герасимовы встретили в Ленинграде. Сергей успел ещё поучаствовать в выпуске первого «Боевого киносборника» (подборки из документальных и художественных сюжетов для фронтовиков и тружеников тыла), но затем началась блокада города на Неве фашистскими войсками. Герасимовы выжили в самую страшную блокадную зиму. Тамаре пришлось быть и сандружинницей, и медсестрой, работать инструктором Политуправления Ленинградского фронта. Только в 1943 году, после частичного прорыва блокады, Герасимов и Макарова были эвакуированы в тыл — в Ташкент. Своих детей у них не было, но как раз во время эвакуации у них появился приёмный сын, история с усыновлением которого достаточно показательна.

Несмотря на свою лояльность к советской власти (в 1943 году оба вступили в партию), Герасимов и его жена были способны на достаточно мужественные по тем временам поступки. Когда возникла угроза, что племянника Тамары Макаровой Артура (родился в 1931 году), родителей которого репрессировали, отправят в детдом или ссылку, Герасимовы усыновили мальчика. Артур получил новое отчество — Сергеевич, а фамилию — Макаров. Впоследствии Артур Макаров проявил себя как талантливый литератор, автор рассказов и повестей, восхищавших самого Александра Твардовского, и десятков киносценариев. Дружил с Василием Шукшиным (и снялся в его «Калине красной» в роли вора в законе), Андреем Тарковским, Владимиром Высоцким и Мариной Влади. В последние годы жизни занимался бизнесом, с чем и связывают его трагическую гибель (Артур Макаров был убит в 1995 году на квартире своей гражданской жены Жанны Прохоренко).

Но вернёмся в военные годы. Большинство советских фильмов той поры были сняты в Средней Азии, куда эвакуировались киностудии. Герасимов вскоре после переезда в Ташкент возглавил Центральную студию документальных фильмов. Совместно с Михаилом Калатозовым снял художественный фильм «Непобедимые», где одну из главных ролей исполнила Макарова. Зрительское признание завоевал и фильм «Большая земля». В 1944 году Герасимов был награждён боевым орденом Красной Звезды (первый свой орден, Трудового Красного Знамени, он получил ещё до войны).

Когда настала пора возвращения из эвакуации, Герасимовы решили перебраться в Москву. Они стали преподавать во ВГИКе, совместно руководя своей мастерской, объединившей как начинающих актёров, так и режиссёров. В 1946 году Сергей Аполлинариевич получил звание профессора ВГИКа (через два с

лишним десятка лет такое же звание получит и его жена). В 1948 году ему было присвоено звание народного артиста СССР. К этому времени он уже являлся одним из самых авторитетных деятелей советского кино, а ведь главные его успехи и награды были ещё впереди (две Сталинские премии первой степени, Государственная премия СССР, Ленинская премия, премия Ленинского комсомола, звание Героя Социалистического Труда, четыре ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, второй орден Трудового Красного Знамени и чехословацкий орден Белого Льва). Член Союза писателей и секретарь правления Союза кинематографистов, Герасимов в течение восьми лет был также депутатом Верховного Совета СССР, позже получил учёную степень доктора искусствоведения, звание академика Академии педагогических наук. Наконец, именно его имя в 1986 году, через год после смерти артиста, было присвоено ВГИКу, где он дал путёвку в творческую жизнь многим десяткам известнейших актёров и режиссёров.

Тамара Макарова в отношении признания её заслуг не так уж намного отставала от титулованного супруга. В 1947 году она даже опередила его, получив уже вторую Сталинскую премию за роль в фильме «Клятва», тогда как у Сергея Герасимова на тот момент такая премия была только одна, ещё довоенная. В 1950 году стала народной артисткой СССР, а впоследствии, уже к 75-летнему юбилею, ей было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Первый свой орден она тоже получила раньше мужа — ещё в 1939 году была награждена орденом «Знак Почёта» за роль в фильме «Комсомольск». Позже в её наградной список прибавились два ордена Ленина, ордена Дружбы народов и Отечественной войны 2-й степени. Одной из наиболее памятных наград была для актрисы медаль «За оборону Ленинграда». Наконец, уже на закате жизни (умерла в 1997 году) Тамара Макарова стала лауреатом российской премии «Ника» в номинации «Честь и достоинство». В кино она продолжала сниматься, когда ей было уже под восемьдесят (например, сыграла мать Петра I Наталью Кирилловну в дилогии «Юность Петра» — «В начале славных дел»)…

Но вернёмся, однако, к Нонне Мордюковой и её друзьям-второкурсникам. Взволновавшая студентов ВГИКа новость была как раз и связана с четой Герасимовых. Но в первую очередь, разумеется, с Сергеем Аполлинариевичем. Институт, да и все кинематографические круги Москвы облетела весть, что Сергей Герасимов будет ставить масштабный фильм по роману Александра Фадеева «Молодая гвардия». А между тем, как всем издавна было хорошо известно, но успело призабыться за время

войны и первые послевоенные годы, Герасимов весьма охотно привлекал к съёмкам в собственных фильмах своих же учеников. Так что теоретически шанс получить роль в фильме у Нонны Мордюковой был. Всё-таки она была уже достаточно заметной студенткой, отличницей по сценическому мастерству и сопутствующим дисциплинам, чей талант даже сумел уберечь её от исключения из вуза. Но потенциальная актриса в то же время хорошо понимала, какая борьба и конкуренция развернётся вокруг ролей молодогвардейцев, особенно главных. И нужно сказать, что одной из основных возможных соперниц была очень неординарная и талантливая актриса, у которой к тому же было перед Нонной несколько существенных преимуществ…

Вообще-то, если присмотреться повнимательнее, у Мордюковой и её соперницы было немало и общего. Во-первых, ровесницы (обе 1925 года рождения, только Ноябрина, как мы помним, была ноябрьским ребёнком, а вот той, другой актрисе, могли бы при рождении дать имя Юлия — июльской была, то есть чуть старше Мордюковой). Обе родились на Украине — одна в Донецкой области, другая — в Полтавской. Из бедных крестьянских семей обе — это уж само собой (хотя в те времена кое-кто своё социальное происхождение и сознательно стремился принизить, потому что детям рабочих и крестьян, считалось, сделать карьеру в советской стране было всё-таки проще, чем потомственным интеллигентам, не говоря уже о дворянах и прочих «чуждых элементах»). Отец Ноннины соперницы после коллективизации работал директором совхоза, мать — председателем колхоза! Как тут не провести параллель с Ириной Петровной Мордюковой, тоже возглавившей колхоз на Кубани?! И это ещё не все схожие моменты…

Пора, впрочем, перестать интриговать читателя и назвать имя и фамилию актрисы, о которой мы ведём речь. Конечно же, это была Клара Лучко (по отчеству, Степановной, в то время её ещё не называли). Отец её, Степан Григорьевич, был родом из села Лучки, откуда и была унаследована фамилия их семейной династии. Многие отзывались о родителях Клары как о людях добросердечных, совестливых, не говоря уже о прирождённом трудолюбии. Хотя должности их по тогдашним временам позволяли создать достаточно привилегированные условия для себя и своих детей, супруги Лучко не злоупотребляли служебным положением. Как и родители Нонны Мордюковой, верили в коммунистическую идею, в построение светлого будущего, справедливого для всех общества… Мать Клары очень любила петь, а звучание её голоса слушатели недаром называли «серебряным». В молодые годы в родном селе она пела в церкви

(опять-таки вспомним в этой связи схожую молодость Ирины Мордюковой). Да не с кем-нибудь пела, а с самим Иваном Козловским, будущим великим певцом. В первые послереволюционные годы среди крестьянства проявилась большая тяга к искусству. Особенно охотно принимались сельчанами всяческие спектакли и концерты, которыми тогдашние жители украинской глубинки не были избалованы. Так вот, мать Клары Лучко в молодости участвовала в самодеятельной театральной труппе, которая путешествовала по окрестным сёлам и ставила спектакли — преимущественно по произведениям классиков украинской литературы. Позже, правда, она оставила сферу искусства (хотя петь продолжала), потому что была направлена на ответственную работу — выявление и воспитание беспризорников, которые после Гражданской войны наводняли города по всему Советскому Союзу. А позже, как мы уже говорили, возглавила колхоз.

Надо сказать, однако, что материнская тяга к сценическому искусству не сразу передалась её дочери. К тому же Клара Лучко, как многие девочки, считала себя очень некрасивой, не могла без слёз взглянуть на свою внешность. Особенно доставалось ей за слишком «долговязую» и несуразную фигуру. Нахватавшиеся сведений о заморских животных, ровесники даже окрестили девочку Жирафой, что, понятное дело, не прибавило той уверенности в себе.

В отличие от Нонны Мордюковой, в школе Клара Лучко училась хорошо и с поведением особых проблем не имела. Было это уже в Полтаве, куда из сельской местности переехала их семья. Тут Клара закончила семилетку, где преподавание велось на украинском языке. Скорее всего, в серьёзном и ответственном отношении девушки к учёбе сыграла роль её тётка, которая сама была малограмотной, как и многие немолодые люди в те годы, но важность образования понимала хорошо и сумела внушить эти убеждения своей племяннице, следила за её учением и за поведением в школе. То есть играла фактически роль воспитательницы вместо вечно занятых работой родителей.

С началом войны отец Клары был призван на фронт, а остальная семья Лучко эвакуировалась в Среднюю Азию. Уже там Клара закончила десятый класс. Встал вопрос о будущей профессии, и вот тут-то счастливый случай дал в руки молодой выпускнице газету с объявлением о проводившемся наборе на первый курс во Всесоюзный институт кинематографии. Институт в эти годы тоже находился в эвакуации и как раз в Средней Азии, в Алма-Ате. Клара, почувствовав тягу к актёрской профессии, отважилась написать во ВГИК с просьбой более подробно

разъяснить ей требования к поступающим (как тут опять не вспомнить историю Нонны Мордюковой с её письмом к актёру Николаю Мордвинову?). Получила из института ответ и окончательно утвердилась в своём намерении. Увы, мать была настроена против такого выбора: ей хотелось, чтобы дочь получила какую-нибудь более солидную профессию вроде медицинского работника или юриста, а не гналась за призрачным и эфемерным актёрским счастьем. Но дочь сумела настоять на своём и в конце концов получила благословение на поездку в Алма-Ату. Это было в сорок третьем году, когда Нонна Мордюкова ещё жила на Кубани, только что освобождённой от фашистов, работала по 16–18 часов в поле и изыскивала любую возможность помочь семье в добыче продовольствия, в том числе совершая рискованные вылазки за колосками на колхозные поля.

Вступительный экзамен у Клары Лучко во ВГИК тоже не обошёлся без «форс-мажора», как спустя пару лет это приключилось с Нонной. Правда, юная украинка приехала на испытания достаточно подготовленной — выучила несколько стихотворений, басен, а главное — отрывок из поэмы «Зоя», посвящённой подвигу юной партизанки Зои Космодемьянской, замученной фашистами под Москвой в первую военную зиму. Однако в аудитории, где проходил экзамен, перед требовательными лицами педагогов, девушку вдруг поразил настоящий приступ паники. В растерянности она не могла вымолвить ни единого словечка. Слёзы навернулись на глаза, всё казалось потерянным, но глава комиссии, а им был Борис Бибиков, будущий педагог Мордюковой, пришёл на помощь растерявшейся абитуриентке. Действовал он при этом неординарно — не стал дожидаться, пока Клара снова придёт в себя и обретёт голос, чтобы прочитать обязательную поэтическую программу, а предложил ей сымпровизировать небольшую сценку. Дескать, представьте, что вы увидели, как в реке тонет ваша лучшая подруга. Вот-вот погибнет. Ваши действия?

Клара удачно сыграла предложенный ей этюд. Заламывая руки, стеная и плача, она металась по воображаемому речному берегу. Члены комиссии переглянулись — и Лучко была зачислена во ВГИК. Причём попала она в мастерскую не к Бибикову и Пыжовой, а к Герасимову и Макаровой.

Любопытно, однако, что новоявленная студентка не сразу раскрыла перед педагогами потенциал своего таланта. Числилась в середнячках, и особо её никто не хвалил. При этом, как показывали учебные этюды и прочие испытания, импонировали ей больше всего такие роли, которые сыграть можно было ярко, насыщенно, по-настоящему сочно и убедительно (вспомним

начало карьеры самого Герасимова, считавшегося тоже эксцентричным актёром и мастером сценического рисунка). А вот полутона, приглушённые и мягкие краски в образе той или иной героини удавались Кларе хуже.

Герасимову, как и следовало ожидать, импонировали такие черты в характере и сценическом настрое его ученицы. С лёгкой руки мастера, уже на четвёртом курсе Клара дебютировала в кино, сыграв роль геолога Бэлы в фильме «Три встречи». Фильм вышел на экраны в 1948 году, когда девушка заканчивала институт. Не самая главная роль, но исполненная достаточно ярко и убедительно, давала Лучко надежду на скорое продолжение кинематографической карьеры. А пока она приняла участие в своём дипломном спектакле, которым оказалась уже не раз упоминавшаяся нами «Молодая гвардия». Герасимов доверил ей одну из главных ролей — Ульяны Громовой, и Клара своей талантливой игрой заслужила в итоге оценку «отлично».

Участие в выпускном спектакле «Молодая гвардия», на которое второкурсница Нонна Мордюкова претендовать ещё никак не могла, как раз и было главным преимуществом Клары Лучко перед нею. Ведь Герасимов старался подобрать на роли в намечавшемся фильме уже опробованных им учеников, которые сумели раскрыться в одноименном спектакле.

Вообще-то Нонна, как и большинство тогдашних студентов ВГИКа, согласна была бы сыграть в «Молодой гвардии» не обязательно главную, а любую роль. Фильмов на экран выходило в те годы мало, поэтому и востребованность актёров, тем более начинающих, существовала далеко не всегда. А тут — такой шанс! Ведь все главные герои фильма были практически ровесниками нынешних студентов, если не моложе их. Когда ещё представится такая уникальная возможность?

С трепетом и известной настороженностью ожидали молодые вгиковцы начала кастинга (слова тогда такого в обиходе не было, но сути дела это не меняет). А тут ещё пришло известие, что вместе с Сергеем Аполлинариевичем отбирать будущих актёров будет сам автор романа «Молодая гвардия» Александр Александрович Фадеев. И момент этот вскоре действительно настал. Знающие люди говорили, что Фадеев и Герасимов решили при отборе максимально учитывать внешнее сходство будущих актёров с реальными прототипами их персонажей…

Александр Фадеев (1901–1956) был в то время одним из самых известных и популярных советских писателей, а к тому же ещё и видным, если можно так выразиться, номенклатурным деятелем. Выходец из крестьянского рода, он был сыном революционеров-подпольщиков. Идеологические разногласия

(мать поддерживала партию большевиков, а отец выступал на стороне эсеров) и бытовые неурядицы, связанные с ссылкой отца, привели к распаду семьи. Пострaнствовав по России, мать писателя через некоторое время вторично вышла замуж — за фельдшера, который был моложе своей жены на 12 лет. Юный Александр в 11-летнем возрасте с матерью и отчимом оказался во Владивостоке, где жила их родня. Там и прошла пора его взросления. Октябрьскую революцию Фадеев-младший принял не раздумывая. Уже подростком он помогал большевистскому подполью в оккупированном интервентами и белогвардейцами городе. А в 18 лет взял винтовку, став партизаном «Особого коммунистического отряда». Потом были долгие месяцы ожесточённой борьбы против японских интервентов и белогвардейцев, позже талантливо изображённые писателем в его первом романе «Разгром». В 19 лет Фадеев, давно вступивший в большевистскую партию и уже занимавший солидный пост комиссара бригады, оказался делегатом партийного съезда. А его партизанский псевдоним Булыга на несколько лет стал как бы второй фамилией писателя. Потом были годы работы в Ростове-на-Дону, в городе, считавшемся промышленной и культурной столицей Дона, Кубани и Северного Кавказа. Фадеев сотрудничал в редакциях нескольких изданий, занимался и партийной работой. Успех романа «Разром», который сразу после выхода перевели на шесть языков, и переезд в Москву предопределили его дальнейший жизненный путь. Фадеев руководил Российской ассоциацией пролетарских писателей (подобное звание считалось достаточно почётным — были ведь ещё «писатели-попутчики», как их называли, то есть такие, которых власти считали недостаточно приверженными коммунистическим идеям). С созданием в 1934 году Союза советских писателей Фадеев выдвинулся в ряды руководящих деятелей этой организации. С 1939 года он являлся членом Центрального комитета партии, что было по тем временам весьма весомым фактом. Кстати, достаточно прочные связи имел он и в театральных кругах, поскольку его вторая жена Ангелина Степанова была артисткой МХАТа.

С началом войны Александр Фадеев стал военным корреспондентом главной партийной газеты «Правда», получил звание бригадного комиссара, по существу, генеральское (у политработников в первые годы войны была своя система званий, отличавшаяся от общеармейской). Но в редакционных кабинетах не отсиживался, а не раз выезжал на фронт, в том числе дважды побывал в блокированном врагом Ленинграде.

С одной из таких журналистских командировок и связано

появление романа «Молодая гвардия». В 1943 году советские войска освободили от фашистов небольшой шахтёрский городок Краснодон в Ворошиловградской области, в Донбассе. Незадолго перед приходом Красной Армии гитлеровцы расстреляли здесь несколько десятков участников подпольной молодёжной организации «Молодая гвардия». Фадеев был направлен по просьбе Центрального комитета комсомола в Краснодон, и вскоре в «Правде» появился его большой очерк «Бессмертие» о героях-подпольщиках. В сентябре 1943 года пятерым участникам «Молодой гвардии» посмертно было присвоено звание Героев Советского Союза, а 45 человек награждены боевыми орденами (преимущественно тоже посмертно).

Уникальность «Молодой гвардии» заключалась не столько в самом факте возникновения и существования молодёжной подпольной организации — таких фактов во время оккупации было достаточно много, и, к сожалению, многие подпольщики были разоблачены и казнены фашистами. Уникальность была в том, что удалось по горячим следам событий восстановить основную картину происходившего в Краснодоне во время оккупации. Ещё на месте были живые свидетели тех событий, родственники погибших героев-молодогвардейцев, ещё не были призваны в армию вслед за наступающими частями Красной Армии уцелевшие их ровесники, ещё не были казнены некоторые попавшие в плен пособники фашистов, уцелел ряд документов вражеской жандармерии и гестапо, оказавшись в руках чекистов. Понятное дело, что органы советской госбезопасности во время изучения следственных материалов и допросов свидетелей интересовались совсем не возможным литературным увековечением подвига, их цели были куда проще и приземлённее. Однако, как вспоминали потом очевидцы событий, именно с переданных Фадееву чекистами материалов о подпольщиках и о некоторых немецких пособниках и началась его работа над романом.

«Молодая гвардия» была написана в рекордно короткие для писателя сроки — за год и девять месяцев. Автор словно сам подгонял себя. Он даже максимально свернул свою журналистскую и общественную работу, сосредоточившись над главной книгой своей жизни. И хотя сам Фадеев не был свидетелем краснодонских событий 1942–1943 годов, ему помогала в работе собственная молодость, когда точно так же он принимал участие в борьбе против врага, пусть и в иных условиях.

Роман «Молодая гвардия» увидел свет в 1945 году и имел головокружительный успех у читателей. В следующем году

писатель был награждён Сталинской премией. С сорок шестого года он также являлся депутатом Верховного Совета СССР и генеральным секретарём Союза писателей СССР. Любопытный факт, что в те годы не существовало особой монополии на должность «генеральный секретарь» (как в некоторых странах бывшего СССР на должность «президент», когда называться таковым было законодательно запрещено всем, кроме первого лица государства, даже президентам фирм, компаний или Академии наук). Как раз сам Иосиф Виссарионович Сталин перед войной и в послевоенные годы в качестве генерального секретаря ЦК партии почти не упоминался, хотя, разумеется, продолжал оставаться на этом посту. Его именовали, как правило, просто секретарём ЦК (хотя секретарей насчитывался едва ли не десяток) либо главой Советского правительства, Верховным главнокомандующим или председателем Государственного Комитета Обороны… Как бы там ни было, Фадеев относился к верхним слоям советской и партийной элиты.

Был ли роман «Молодая гвардия» немудрёной агиткой в духе коммунистической идеологии, как стали некоторые утверждать спустя десятилетия после его выхода? И только ли невзыскательностью тогдашней читательской публики можно объяснить успех книги, а затем и её экранизации? И как в связи с подобными обвинениями расценивать обвинения другие — прозвучавшие из уст Сталина по отношению к самому автору книги? Напомним, что, по мнению вождя всех народов, в романе не была отражена самая суть, то есть неустанная руководящая работа партии и комсомола по воспитанию молодых патриотов. Недостойно отобразил товарищ Фадеев деятельность краснодонских большевиков. Показал молодогвардейцев как бы независимо, автономно от своих старших товарищей. Получается, что они сами додумались до того, чтобы подняться на борьбу с врагом. Создали организацию без партийных директив на сей счёт… Нехорошо получается.

Такой подход и предопределил двойственное отношение партийного руководства к роману и фильму. С одной стороны, они были отмечены Сталинскими премиями — игнорировать читательский и зрительский ажиотаж всё же не приходилось. А с официальных трибун «Молодая гвардия» использовалась как пример воспитания советской молодёжи в нужном русле. Но с другой Фадееву уже после выхода на экраны фильма пришлось взяться за кардинальную переработку текста книги, ввести новых персонажей из числа коммунистов-подпольщиков либо заметно расширить посвящённое им число страниц. Самому Фадееву приходилось оправдываться перед Сталиным, который упрекнул,

что тот, дескать, возомнил себя чуть ли не вторым Львом Толстым, размахнулся на некую эпопею. Скромнее нужно быть, товарищи, попроще писать! Фадеев, как вспоминали потом некоторые его знакомые и друзья, старался отговориться тем, что писатель не всегда властен над той или иной манерой изложения. Бывает так, что описываемые события и персонажи словно бы диктуют свой собственный стиль.

Кто знает, не эти ли унизительные страницы своей жизни вспоминал Фадеев в последние моменты жизни перед роковым выстрелом в мае 56-го? Недаром, наверно, в его предсмертном письме есть строки, что искусство, которому писатель посвятил всю свою жизнь, оказалось погублено самодурами и невеждами из партийного руководства, что святые литературные истины и ценности оказались отданы на растерзание бездушным чиновникам, привыкшим только давить и уничтожать всё талантливое и светлое. Идеологическое давление и травлю, которая обрушилась на литературу и на все остальные сферы общественной и культурной жизни, громко именовали «партийностью». А сам Фадеев, вполне осознававший свой талант, своё призвание к созданию подлинных литературных ценностей, к прославлению гуманистических идеалов добра и свободы, оказался раздавлен бюрократической системой. И жизнь его как литератора потеряла всякий смысл… Строки эти были написаны уж после «развенчания» сталинского культа и эпохи массовых репрессий, но сколько в них боли и гнева! Может быть, ещё более острой боли по той причине, что и сам Фадеев в силу своего общественного и партийного положения не мог не оказаться непричастным к репрессиям сталинской поры. И он тоже выступал с жёсткой и жестокой критикой, громил «врагов народа» и их произведения… Может быть, выстрел в себя показался ему самой достойной расплатой за свои и чужие грехи? А партия и после смерти не оставила его в покое. Письмо Фадеева было опубликовано для широкого читателя только в «эпоху гласности», зато сразу же после его самоубийства появилась официальная информация об алкоголизме знаменитого писателя: дескать, этим всё и объясняется…

Но вернёмся в сорок восьмой год, когда прославленный Александр Фадеев и авторитетнейший Сергей Герасимов стояли перед непростой задачей отбора актёров для ролей в будущем фильме. Это они могли в чём-то сомневаться, к чему-то подходить с некоторой долей оглядки, учитывая указания и вкусы партийных руководителей. Студенты же ВГИКа были гораздо более веселы и жизнерадостны. Сами в массе своей дети войны, познавшие, как Нонна Мордюкова, ужасы оккупации и бывшие

свидетелями большего или меньшего сопротивления врагу со стороны простых советских людей, они в некотором роде хотели бы сыграть самих себя.

В «Молодой гвардии» Фадеев сумел передать дух эпохи, сумел отразить бескорыстность и романтическую порывистость молодого поколения. Не по чьей-то указке, а самостоятельно молодые краснодонцы сознают себя бойцами и гражданами. Они борются с врагом не столько во имя коммунизма, сколько защищая свою Родину, свою землю, своих родных и близких от тех нелюдей, в виде которых предстали перед ними фашисты. И, если вдуматься, зря партийные деятели упрекали Фадеева, что в романе не отражена роль Коммунистической партии и советской власти. Ведь юные подпольщики всё-таки в некотором роде были сформированы как люди, как граждане сложившейся до войны идеологической системой. Родина для них была не чем иным, как Советской Родиной. Заслуга Фадеева, что он сумел отобразить подвиг молодогвардейцев без обычных для литературы тех лет трескучих лозунгов и заклинаний. «Молодая гвардия» в его романе поднялась до уровня эпоса, своеобразного мифа. Мифа не в смысле обмана, а в смысле легенды.

Вот что много лет спустя говорила о писателе и его книге сама Мордюкова: «Молодую гвардию» стали ругать, критиковать, относиться к ней с пренебрежением. Много вздора и негатива вылили и на голову покойного писателя. А ведь он приехал в шахтёрский посёлок по горячим следам, прикоснулся к тамошней атмосфере и сумел осознать, что хотя существовали подпольные организации более мощные и принёсшие больше вреда оккупантам, но участники «Молодой гвардии» были настоящими героями, отдавшими свои жизни ради Победы. Образно говоря, Фадеев хотел понять, почему они пошли на смертельный риск и гибель… Актриса с непреклонным убеждением считала, что «Молодая гвардия» во все времена может и должна быть примером для молодого поколения. Чтобы у зрителя мурашки по спине пробежали при просмотре трагических и героических сцен фильма или при чтении глав романа. И самое главное, чтобы он полюбил этих героев…

Ведь, по большому счёту, речь в «Молодой гвардии» идёт не просто об одном из конкретных героических эпизодов страшной войны. Это эпос о противостоянии добра и зла. Молодые люди становятся на защиту своей страны, терпящей немыслимые бедствия, и проявляют подлинное величие духа…

Кто может теперь стопроцентно точно и объективно объяснить, почему роль Ульяны Громовой, одна из главных в фильме, досталась именно Нонне Мордюковой? Сыграло ли здесь

основную роль её тогдашнее портретное сходство с героиней романа? А может, молодая казачка напомнила Фадееву его ростовскую молодость, начало литературного пути? Или будущим создателям фильма показалось, что именно Мордюкова сможет донести до зрителя правду жизни, раскрыть с экрана душу героини? Ведь выросли и Нонна, и Ульяна фактически в одном и том же регионе, со смешанным русско-украинским населением, со своими, порой диковинными для других мест, обычаями, своим неповторимым говором? Но разве не было тех же преимуществ у Клары Лучко? Плюс уже имевшийся опыт съёмок в фильме?

По не раз повторённой потом версии, играть Громову доверили именно Мордюковой, потому что Лучко в это время заболела… Что ж, версия вполне пригодная для массового употребления. Однако все более-менее посвящённые уже тогда понимали, что в дело вмешался некий подспудный конфликт между Сергеем Герасимовым и его прежде любимой ученицей. Есть и ещё одна версия, порождённая скорее переносом нравов более позднего кинематографа на послевоенную действительность: Герасимов, дескать, влюбился в Мордюкову и решил сделать ей подарок. Думается всё-таки, что подобное объяснение звучит несколько примитивно и прямолинейно. На самом деле, как и в любом событии, здесь просматривается целый комплекс причин и факторов.

А для Клары отказ стал сильнейшим потрясением, настоящим душевным стрессом, после которого она всерьёз задумалась об уходе из кино. Наверно, тем более обидным показалось ей предложение режиссёра всё-таки сняться в «Молодой гвардии», но в роли эпизодической, даже проходной — тётушки Олега Кошевого Марины. И ведь пришлось согласиться… Время было такое, что жалобы, тем более со стороны начинающих актёров, на «несправедливое отношение» никоим образом не приветствовались. Авторитарный стиль, пронизывавший всё тогдашнее общество, проявлялся даже в таких, казалось бы, непринципиальных моментах, как отбор артистов для нового фильма. Режиссёр выступал «царём и богом» на съёмочной площадке, его решения и указания мало кто решался оспаривать. И не каждый понимал, что и над режиссёром тоже стоит немало начальников — вплоть до самых высших партийных инстанций, внимательно следивших за всеми перипетиями творческого процесса.

Ох, каким жёстким и подчас жестоким был этот самый партийный контроль! Сам великий Сталин «держал руку на пульсе» съёмок, не стесняясь вмешиваться со своими указаниями.

Едва были завершены съёмки первой серии, как её вместе с режиссёром и автором романа затребовали к вождю. После этого разговора Герасимов старался выглядеть по-прежнему бодро, не показывать вида перед своими студентами и другими актёрами, что происходило за закрытыми дверями в самом главном кабинете страны. А Сталин между тем обрушился на создателей фильма с упрёками: как посмели они показать паническое отступление наших войск — ведь всем известно, что в войну наша армия отходила только по приказу, всегда на заранее подготовленные позиции. И разве можно демонстрировать с киноэкрана провал партийного подполья в Краснодоне, после которого юные подпольщики вроде как оказались брошенными на произвол судьбы? Поступило и прямое указание Иосифа Виссарионовича убрать ряд не понравившихся ему сцен, в том числе мастерски сыгранную Сергеем Бондарчуком и украинским актёром Александром Хвылей сцену последнего перед казнью разговора в тюрьме коммунистов-подпольщиков Валько и Шульги. Более того, роль Шульги, замечательно исполненная Хвылей, вообще выпала из порезанного варианта. Исключили из серии и сцену поспешного ухода из города красноармейцев, на фоне которой впервые появляется в фильме Любка Шевцова… А сам Герасимов, по одной из весьма вероятных версий, как раз в это время перенёс (на ногах!) свой первый инфаркт, оставивший рубец на сердце режиссёра. Фадееву же пришлось перерабатывать сценарий, который в итоге значительно стал расходиться с первоначальной книжной первоосновой. Более того, пришлось во многом переделывать и саму книгу. А ведь роман, как и поставленный по нему ещё до экранизации режиссёром Охлопковым спектакль, были награждены уже Сталинской премией. Получается, что язык кино (а Герасимов стремился максимально аккуратно, со всем возможным приближением к оригиналу экранизировать сюжет романа) более наглядно и рельефно, чем книга, выявил те неприглядные факты минувшей войны, о которых Сталину-победителю хотелось поскорее забыть…

Но вернёмся к треугольнику Ульяна Громова — Нонна Мордюкова — Клара Лучко… Понимала ли едва поверившая своему счастью, встретившая радостное известие и смехом, и слезами, а теперь готовившаяся к съёмкам Нонна, что успех её имеет оттенок горечи, что в некотором роде достигнут за счёт другого человека? Вряд ли начинающая актриса много размышляла на эту тему. Но в любом случае ей стало понятно, что мир кино далеко не такой радужный и безоблачный, как кажется непосвящённому зрителю, для которого актёрская жизнь

— сплошные праздники… И уж тем более вряд ли могла предполагать Нонна Мордюкова, что через несколько лет судьба отплатит ей практически таким же образом, как произошло это сейчас с Кларой Лучко…

Уже на самых первых страницах романа «Молодая гвардия» предстаёт перед читателем образ Ульяны Громовой. Чёрные косы, волнами ниспадающие на плечи, а самое главное — красивые чёрные глаза, из которых льётся необычный свет, отражающий богатый духовный мир героини, — такой представил Фадеев свою героиню. В распоряжении автора романа были фотографии молодогвардейцев, и ему не нужно было строить догадки относительно их внешности. Но вот раскрыть характеры героев мог только по-настоящему большой Мастер.

Сергей Герасимов в работе над фильмом не отступил, а в чём-то и усилил тот мощный дух народности, которым пронизан роман «Молодая гвардия». При этом ему удалось не сбиться на лубочные штампы, не превратить своих героев в ходульные персонажи с пламенем в груди и огнём в глазах. Это живые люди со слабостями и переживаниями, которые в самые трудные минуты жизни находят в себе силы для героических поступков и которые, не дрогнув, встречают неизбежную смерть.

Как отмечали позже кинокритики и исследователи истории советского кино, Сергей Герасимов сумел передать язык реалистической прозы средствами кино. «Молодая гвардия» была суровым по художественному воплощению и колориту фильмом, при этом постановщик фильма придал своему детищу подлинную монументальность и эпохальность.

«Молодая гвардия» была первым фильмом только что созданной киностудии имени Максима Горького. Ранее эта студия называлась «Союздетфильм», но и после реорганизации здесь снимались преимущественно фильмы, адресованные в первую очередь молодой зрительской аудитории. Герасимов выступал в качестве режиссёра-постановщика и являлся соавтором сценария двухсерийного чёрно-белого фильма. Оператором фильма был Владимир Рапопорт, который справился, по мнению специалистов, со своей работой мастерски, особенно с крупными планами. Гармонично вписалась в общую концепцию кинокартины музыка, написанная Дмитрием Шостаковичем. А ещё Герасимов привлёк к съёмкам целую группу своих учеников по режиссёрской мастерской, поручив каждому отдельный участок работы. Среди этих ассистентов режиссёра наиболее известной стала спустя годы Татьяна Лиознова.

Если же говорить об актёрах, то главные роли исполняло целое созвездие. Точнее, звёздами кино эти, тогда ещё молодые

ребята и девчата стали позже, но уже первый для большинства из них фильм прославил их, сделал узнаваемыми в глазах миллионов.

Роль Олега Кошевого исполнял Владимир Иванов. По возрасту актёр был старше своего персонажа, успел пройти войну — и не где-нибудь в относительно безопасном месте, а на самом передовом крае, во фронтовой разведке. Трижды был тяжело ранен, следствием чего стала инвалидность, но Владимир скрыл этот факт, чтобы поступить в театральный вуз — ГИТИС. Там начинающего актёра и присмотрел для своей картины Герасимов.

Роль Сергея Тюленина играл Сергей Гурзо, Ивана Земнухова — Борис Битюков, Володи Осьмухина — Вячеслав Тихонов, Анатолия Попова — Георгий Юматов, Любки Шевцовой (вторая по значимости женская роль, а в некотором роде и первая, поскольку для зрителя неизбежно возникал контраст между характерами и манерой поведения двух главных героинь — Громовой и Шевцовой) — Инна Макарова… Путёвкой в жизнь стала «Молодая гвардия» и для многих других молодых актёров, в том числе Людмилы Шагаловой, Виктора Авдюшко, Тамары Носовой… Более опытным, но в то же время не подходившим по возрасту на главные роли артистам тоже достались достаточно яркие и колоритные роли второго плана. В частности, жена Герасимова Тамара Макарова сыграла мать Олега Кошевого Елену. Роль коммуниста Андрея Валько, замученного фашистами, досталась Сергею Бондарчуку, в прошлом — земляку Нонны по Ейску, чьим дерзким поведением в школе пугали её некогда педагоги. Сам Бондарчук впоследствии признавался, что почему-то был изначально уверен: роль Валько будет поручена ему, и никому другому. Кстати, съёмки в «Молодой гвардии» отразились и на личной жизни актёра. Здесь завязался его роман с Инной Макаровой, которая через некоторое время стала второй женой Бондарчука (от первой жены у него уже был сын). Поначалу Сергей показался юной студентке — исполнительнице роли Любки Шевцовой — слишком старым, хотя ему было в это время только 27 лет. Впрочем, за его плечами уже была война, из-за которой он и позже других своих однокурсников поступил в институт… Забегая вперёд, скажем, что супруги прожили вместе десять лет, хотя сами считали свой брак несколько странным — виделись весьма редко, так как оба были востребованы в кино, постоянно находились на съёмках (в киноэкспедициях, как тогда говорили) в разных городах. К чести обоих, расставание произошло без каких-либо ссор и скандалов. А через некоторое время (в 1959 году) Бондарчук женился на актрисе Ирине Скобцевой.

Нельзя не сказать особо о роли, которая выпала Евгению Моргунову. Это впоследствии он прославился как яркий комедийный актёр благодаря съёмкам в фильмах Леонида Гайдая в составе неизменной троицы (Трус, Балбес и Бывалый) вместе с Юрием Никулиным и Георгием Вициным. Хотя если присмотреться внимательнее, то из комедийной троицы именно Бывалый-Моргунов отличается повадками матёрого уголовника, а в его комическом поведении нет-нет да проскользнёт некая зловещая нотка, мрачноватая интонация. Судя по всему, Герасимов подметил способность актёра сыграть именно такого, отрицательного персонажа, когда поручил Моргунову роль предателя Стаховича. Хотя актёрское дарование Евгения было шире предложенного ему амплуа, и недаром поначалу Герасимов намечал его на роль Сергея Тюленина. Однако Фадееву более понравился в этой роли Сергей Гурзо, и писатель сумел настоять на своём.

Между тем ситуация со Стаховичем была уже тогда весьма неоднозначной и в чём-то больной для автора романа. В своё время Фадеев, руководствуясь полученными от чекистов материалами, не сомневался, что подпольную организацию выдал один из молодогвардейцев — Виктор Третьякевич, комиссар «Молодой гвардии» (хотя позже комиссаром стали называть Олега Кошевого, чему активно поспособствовали некоторые его родственники). И всё-таки писатель, поразмыслив, дал своему персонажу-предателю фамилию вымышленную — Стахович. Вообще говоря, при работе над романом автор у некоторых героев сохранил имена и фамилии неизменными, у некоторых заменил в фамилии одну-две буквы, некоторым поменял имена. Какими соображениями он руководствовался и насколько соотносились у него подлинные люди-прототипы и герои книги, сейчас сказать уже сложно.

Тем не менее сразу же после выхода романа затронутая в нём тема предательства получила своё неожиданное развитие. Один из офицеров-фронтовиков, служивший в то время в составе Группы советских оккупационных войск в Германии, брат Виктора Третьякевича, не мог поверить, что близкий ему человек стал предателем. Да, фамилия у персонажа была другая. Но ведь и фамилия самого Третьякевича, одного из руководителей «Молодой гвардии», в тексте вообще не фигурировала, что говорило о многом. К тому же с родины уже прилетела весточка, что Виктора считают предателем. Офицер сумел добиться у начальства отпуска и уехал в Краснодон, где сам провёл расследование обстоятельств гибели подпольщиков и даже раскопки братской могилы, где они были захоронены. Собранные

им данные подтверждали, что Третьякевич тоже был схвачен гестаповцами и расстрелян во вражеских застенках одним из первых.

Фадеев узнал об этом от своего коллеги-литератора Евгения Долматовского, который прошёл войну фронтовым корреспондентом. Как вспоминал позже сам Долматовский, писатель нахмурился и сказал, что тот офицер не должен принимать Стаховича за своего брата, ведь это персонаж вымышленный. И всё-таки эта тема продолжала волновать и даже угнетать Фадеева долгие годы, несмотря на весь успех романа и фильма. Уже после гибели писателя, в 1960 году, была окончательно установлена истина. Тогда перед судом предстал выявленный сотрудниками КГБ один из главных пособников фашистов в Краснодоне. Его показания и пролили свет на эту мрачную историю. А Виктор Третьякевич тогда же был посмертно удостоен ордена Отечественной войны первой степени, его доброе имя было полностью реабилитировано.

В значительной степени с этим связана проведенная в начале 60-х годов реконструкция фильма. Ряд эпизодов был из него исключён, частично кинокартину переозвучили. Персонаж Евгения Моргунова был переименован из Стаховича в Геннадия Почепцова (видимо, чтобы максимально исключить отдалённое созвучие прежней фамилии с Третьякевичем), да и в целом эта роль была заметно сокращена. (А между тем, как вспоминали коллеги Моргунова, он исполнил роль весьма сильно, особенно ярко выявив всю низменность чувств своего персонажа во время сцен допросов молодогвардейцев.) Работа над новой версией была завершена в 1964 году, и именно с ней знакомились все последующие поколения кино— и телезрителей.

Большинство сцен «Молодой гвардии» снимались Герасимовым в Краснодоне, куда киногруппа выехала на четыре месяца. Встретили творческий коллектив здесь радушно, и дело было не только в указаниях местных партийных органов, но и в подлинно душевном внимании со стороны краснодонцев. Всего пять лет прошло с момента описанных в романе событий, память о молодогвардейцах была ещё сильна среди их земляков, оставались в живых родственники, уцелело и несколько человек из состава подпольной организации.

Впоследствии в своих мемуарах Нонна Викторовна писала, что город Краснодон отнёсся к приезжим артистам, словно живой человек — с лаской и вниманием. Хотя на каждом шагу видны были ещё следы и разрушения минувшей войны, но никого из киногруппы это не удивляло — подобную картину можно было наблюдать в большинстве городов и весей в тех регионах страны,

которые побывали под фашистской оккупацией или были ареной ожесточённых боёв, когда через эти места проходил фронт. Зато жители постарались вложить во встречу артистов всю душу. Были тут и неизменные мальчики и девочки в красных пионерских галстуках, горнисты приветствовали гостей звуками салюта из своих труб. Пришло множество и людей постарше. Даже родители погибших молодогвардейцев словно как-то оживились, на время лица их посветлели. Наверно, сознательно или подсознательно им хотелось снова пережить те времена, когда их дети были ещё живыми, были рядом с ними. И теперь такая возможность, пусть и иллюзорная, словно бы представилась…

Под общежитие для киногруппы отвели здание местной школы, которая в это летнее время была закрыта на каникулы. Школа фигурирует в нескольких эпизодах фадеевского романа, поэтому вновь прибывшие с интересом разбрелись по её этажам… А тем временем налаживались и бытовые мелочи. Местная ребятня готова была, как говорится, выполнить любой каприз артистов. Умываться тем где-то нужно — пожалуйста, вот вам рукомойник с собственного двора. Постирать — вот тазик или корыто… Посидеть на свежем воздухе захотелось — тут же услужливый паренёк приносит лавку, добытую где-то по соседству. И слово «услужливый» здесь не несёт какой-либо негативной окраски. Скорее можно говорить об искреннем гостеприимстве, которым краснодонцы старались скрасить немудрёный походный быт съёмочной группы. Да ведь и интересно-то как: настоящее кино будут снимать вот здесь, прямо на наших глазах!

Сергей Аполлинариевич старался не терять зря ни единой минуты и уже на второй день после приезда устроил встречу будущих исполнителей ролей с родителями прототипов их персонажей. В самом просторном школьном классе подготовили нехитрое угощение. О всяких там разносолах и мечтать не приходилось, но никто особого внимания на стол не обращал. Стоят самовары, насыпаны на тарелках карамельки и бублики — вот и хорошо. Всех привлекало совсем другое: общение с самыми придирчивыми зрителями, которые будут сопоставлять, сравнивать тебя с твоим героем, со своим сыном или дочерью.

Уже собрались в классе все родители, вспоминала актриса, кроме матери Сергея Тюленина, которую соседи и знакомые в просторечии именовали Тюленихой. Наконец появилась и она — невысокого росточка, кругленькая в формах, уже в немалых годах — почти под семьдесят… Однако благостный образ Тюленихи оказался обманчив, лишний раз напомнив труженикам кинематографа, что внешность — не всегда отражение

внутренней сути человека. С первых же слов Тюлениха, что говорится, взяла быка за рога. Вместо слов приветствия тут же объявила, что киношную лавочку скоро прикроют. Уж она-то постарается! Дойдёт, если нужно, до Вячеслава Михайловича Молотова, даже до самого Иосифа Виссарионовича, но такого безобразия, которое творится, терпеть не станет… Высказано всё было с улыбочкой — чувствовалось, что Тюлениха в этот миг сама себе ох как нравится! Досталось и Фадееву: явился, мол, в своё время какой-то писака в Краснодон, понаписывал разной ерунды, задурил людям голову.

Родители остальных молодогвардейцев не знали, куда глаза девать от стыда за свою землячку. А Тюлениха тем временем совсем разошлась и перешла на конкретные личности краснодонцев. Дескать, как это писатель посмел сочинить, что её Серёжка был влюблён в какую-то там Валю Борц? Тоже мне, нашёл подходящую невесту для моего сына. Сто лет оно нам вообще нужно было, это самое семейство Борц. А ещё возмутило боевую старушенцию, что Фадеев не раз упоминал, будто Серёжка бегал до поздней осени босиком, потому что с обувью в их бедняцкой семье было туго. Тюлениха тут уж вообще распалилась, доказывая, что у Сергея имелись сапоги.

Остальные гости тем временем пили чай, делая вид, что ничего особенного не происходит. Герасимов, нужно отдать ему должное, тоже проявил себя как человек выдержанный, понимая, что с родителями молодогвардейцев нужно любым образом установить хорошие отношения, ведь без этого вряд ли можно рассчитывать на достоверность будущего фильма. Урезонивая Тюлениху, пообещал вносить по необходимости нужные поправки в сценарий, консультироваться с остальными родителями — для этого же сейчас и собрались, пьём чай, знакомимся…

На Тюлениху, однако, уважительное отношение не действовало. Старушка перешла от бытовых обвинений, так сказать, к политическим. Дескать, её Серёжка был главным в «Молодой гвардии», а не какой-то там Кошевой! Подумаешь, отличник и передовик в школе был этот Олег. Зато барчук, по хозяйству семье не помогал… С этими Кошевыми вообще ещё разобраться нужно. Почему вдруг немцы у них в доме остановились, выселив хозяев в сарай? Да сами Кошевые свой дом оккупантам под расквартирование и предложили! Вот на тюленинский «Шанхай», самый трущобный, как теперь сказали бы, район Краснодона, немцы почему-то же не польстились… Герасимову пришлось волей-неволей повысить тон и одёрнуть разошедшуюся старуху. Допив чай, та с миной праведного гнева на лице удалилась из комнаты. Никто из присутствующих об этом

особо не сожалел.

Да и разговор начался хотя спокойный, но не очень весёлый. Режиссёр просил родителей помочь съёмочной группе с теми или иными деталями, в своё время упущенными по каким-либо причинам автором романа. На том и порешили.

На следующий день молодые актёры отправились по домам своих героев. Нонне с самого утра предстоял визит в дом Громовых. Жили они не в центре Краснодона, а возле реки Каменки, на так называемом хуторе Первомайском. Мать Ульяны Громовой, как оказалось, давно уже болела и практически не вставала с кровати. Лицом и, главное, глазами она напомнила начинающей актрисе саму Ульяну, какой та выглядела на фотоснимках. Только черты лица у дочери были мягче, тоньше, интеллигентнее.

Отец Ульяны, ещё крепкий мужчина высокого роста, с сильными натруженными руками и с выправкой человека, привыкшего к постоянной физической работе, принялся угощать гостью. А чем особо угостишь-то? На выручку пришли поспевшие на огороде огурцы. Мать с постели засмеялась: на что голодной студентке твои огурцы, ты лучше борщ поставь на стол… Нонна тем временем вошла в прежнюю комнату своей героини. Этажерка с книгами, вышивки на стенах и на кровати — всё, как при жизни Ульяны. Видно было, что родители старались ничего здесь не менять с тех пор, как дочери не стало. Порядок навели, понятное дело, и словно свой небольшой домашний музей создали. В палисаднике под окном отец показал гостье многолетние цветы, которые в своё время сажала ещё сама Ульяна.

Получила во время этой встречи Нонна и несколько полезных советов. Мать сочла её чересчур смуглой в сравнении со своей дочерью и посоветовала, чтобы артистку подгримировали как следует, осветлили кожу. На прощание Улины родители подарили Нонне всё тех же огурчиков (съешь с друзьями в своём общежитии!), а ещё, по её просьбе, отец сорвал букетик цветов — тех самых, из палисадника.

Возвращалась Нонна от Громовых уже ближе к вечеру. Отец Ульяны решил проводить её, давая по пути последние советы и напутствия: не играй, дочка, нашу Улю чересчур серьёзной, мало ли что так её писатель в романе нарисовал. Она девушка ведь весёлая была, бойкая, непоседливая. Песни петь любила, стихи декламировать. Мать нередко даже сердилась на мужа и дочку за излишнюю весёлость: как бы потом плакать не пришлось! Понятно, что в душе радовалась их веселью, но репутацию строгой хозяйки и главы семьи нужно же было поддерживать.

Вспомнил Громов и годы своей молодости, службу в царской армии, пору ухаживания за будущей женой, когда ни один, ни другая не слишком-то показывали свою слабину, мерились характерами и силой воли. Но любовь, как оказалось, была всё же сильнее взаимной гордости и амбиций, потому и сложилась семья.

Так в разговорах дошли и до здания школы, где киношники во дворе уже развесили волейбольную сетку и азартно резались в эту игру под восхищённые взгляды местной ребятни, охотно подававшей залетевший далеко мяч. Впрочем, возле школы кучковались не только краснодонские ребята. Сюда же явилась и Тюлениха — с неизменным боевым пылом. При любом удобном и неудобном случае она принималась нахваливать перед посмеивающимися слушателями своё семейство. Одиннадцать детей родила, девятерых из них выходила! А если бы ещё в своё время могла какое-никакое образование получить, то сейчас хоть и в Кремле могла заседать, не сплоховала бы!

Нонна между тем не столько обращала внимание на скандальные выходки мамаши Сергея Тюленина, сколько стремилась узнать как можно больше новых подробностей о своей героине. Привлекала романтичная натура юной подпольщицы, сформировавшаяся не только под воздействием жизненных обстоятельств, но и под влиянием хороших книг, памятных предвоенному поколению. Любила Ульяна читать пушкинские стихи. Но самой любимой её книгой был «Овод» Этель Лилиан Войнич. Словно чувствовала, что ей предстоят испытания, ещё более страшные, чем Оводу. И на допросах, во время пыток она держала себя с таким мужеством, что удивлялись даже враги, о чём стало известно от одного местного полицая, который был очевидцем всего этого.

Молодые актёры вместе с режиссёром обошли за эти дни весь Краснодон и прилегающие места, особенно внимательно осматриваясь там, где происходили те или иные события по ходу сценария. К этому времени в Краснодоне уже был создан музей «Молодой гвардии». Однако и здесь любила поразоряться в крике Тюлениха. Поскольку музей часто посещали экскурсии из других городов — от школьников до курсантов военных училищ и делегаций трудовых коллективов, — старушка занимала пост у входа ни свет ни заря и подкарауливала очередную группу. Демонстративно отвешивала гостям поясной поклон и принималась за своё. Дескать, какой тут уж такой музей? Что тут показывать? Всякие довоенные вещички подпольщиков? Эка невидаль — Володька Осьмухин (чью роль, кстати, теперь исполнял Вячеслав Тихонов) огурец в банке вырастил. Так нужно

всякое барахло в музей волочь?!

Доставалось, разумеется, из уст Тюленихи и столь нелюбимым ею Кошевым. Ленка-то Кошевая, мамаша Олега, почему в активистки-общественницы перед войной выбилась? Да потому, что с мужем развелась, вот и нечего больше делать ей было. А теперь и своего Олега ухитрилась главным в «Молодой гвардии» сделать, а не Серёжку Тюленина!

Однако к речам Тюленихи уже мало кто прислушивался. Скандальная женщина стала словно одной из экзотических достопримечательностей Краснодона — нечто вроде городской сумасшедшей, чьи слова и всерьёз-то воспринимать нельзя. Экскурсантов на подходе к музею даже предупреждали заранее, кто их там ждёт, намекая, что не всё у старушки с головой в порядке.

Гораздо спокойнее было съёмочной группе там, куда Тюлениха не ходила. Однажды все вместе направились к затопленной водой заброшенной шахте. Туда в своё время направили воду протекавшей рядом речушки. Один из берегов оказался вполне пригоден для отдыха и купания — настоящий пляж (и киногруппа не против была отдохнуть здесь в свободное время), а вот другой получился обрывистый, высокий, как дом из нескольких этажей. Место было интересно тем, что с этого обрыва любила прыгать в воду Любка Шевцова, девушка смелая и боевая, недаром выведенная Фадеевым в романе как парень в юбке. Исполнительница её роли Инна Макарова решила тоже испытать себя. Вышла к краю обрыва — и застыла в нерешительности, увидев, как далеко внизу плещется о берег вода. Минута тянулась за минутой — и нетерпеливым, по-максималистски настроенным молодым людям надоело ждать. Начали поторапливать Инну, посмеиваться над ней. Наконец Макарова собралась с духом и прыгнула с обрыва.

У Нонны взыграл дух соперничества (ведь по фильму Громова и Шевцова были двумя главными женскими ролями). Решительным шагом направилась на обрыв и тут же сиганула в речку. Как и предшественница по прыжку, полетела вниз солдатиком, прижав руки и ноги. Высота была весьма внушительная, в итоге прыгунья глубоко ушла под воду. Сердце обмерло от страха. Показалось, что не хватит дыхания, чтобы выплыть на поверхность. К счастью для отечественного кинематографа, оба прыжка обошлись без трагических последствий…

Несмотря на всё радушие местных жителей, жили киношники голодновато — такое вообще было послевоенное время для большинства советских людей. Каждый из участников киногруппы

пытался дополнительно подхарчиться, как только выпадала такая возможность. Поэтому нередко направлялись на местный рынок, всегда многолюдный. Здесь в ходу были не только деньги, но и натуральный обмен. Актриса вспоминала впоследствии, как Сергей Бондарчук продавал с рук имевшиеся у него дорогие папиросы «Казбек», покупал более дешёвый «Беломорканал», а на разницу в цене ухитрялся прикупить хлеба. Девчата-артистки иногда, наоборот, продавали свой хлеб, а покупали более вкусные и, как полагали, питательные продукты — мёд либо ряженку.

Общение с местным населением было, как правило, доброжелательным, но иногда возникали небольшие инциденты. Местные парни-шахтёры побаивались, что приезжие киноартисты отобьют у них девчат, хотя у киношников таких целей и в помине не было. Однажды в местном парке актёр Гулька Мгеладзе, который играл роль молодогвардейца Жоры Арутюнянца, случайно толкнул одного из шахтёров. Тот уцепился артисту за ухо и начал выкручивать. Пришлось актёру взмолиться, чтобы отпустил, потому что завтра в кино сыграть не сможет с такой травмой. Довольный углекоп смилостивился над своим воображаемым соперником…

На глазах у очевидцев и даже участников событий, как вспоминала позже Нонна Мордюкова, играть фальшиво было бы невозможно. Поэтому актёры вкладывали в исполнение ролей всю свою душу. Самым страшным и напряжённым моментом съёмок оказалась сцена казни подпольщиков, которую снимали возле того же шурфа, куда гестаповцы сбросили казнённых. Вокруг съёмочной площадки ещё в разгар дня собрались тысячи людей со всей округи, из самого Краснодона и соседних сёл, хотя сцена, в соответствии с исторической правдой, снималась в основном ночью, начиная примерно с семи часов вечера. А между тем погода стояла холодная, осенняя, но собравшиеся не обращали на холод внимания. Съёмки этой кульминационной сцены велись четыре вечера и ночи подряд, но, как потом выяснилось, самыми лучшими оказались кадры, отснятые в первый раз, ещё до повторных дублей. В итоге именно они и вошли в фильм. Когда свои слова перед казнью выкрикнул Олег Кошевой в исполнении Володи Иванова, многие люди зарыдали, некоторые потеряли сознание, особенно родители погибших молодогвардейцев. Герасимову даже пришлось отказаться от слов, которые должна была прокричать Люба Шевцова, потому что ещё сильнее нагнетать душевное напряжение у сотен плачущих зрителей было уже невозможно.

Хотя в жизни Олег Кошевой и Любовь Шевцова, в отличие от сброшенных в шахту товарищей, были казнены фашистами не в

самом Краснодоне, а расстреляны в феврале 1943 года в Ровеньках, где располагалась тогда окружная фельджандармерия, но сила искусства придала трагическую достоверность происходящему в глазах даже тех, кто хорошо знал, как всё было… Некоторых из людей, кому стало плохо, увозили машины медицинской неотложной помощи, предусмотрительно направленные сюда местным начальством. Многим актёрам во время съёмок этой сцены тоже досталось, и не только в смысле высокого морального напряжения, но и в чисто физическом. Шурф был забетонирован, а падать в него «казнённым» предстояло с двухметровой высоты, поэтому внизу были уложены гимнастические маты, чтобы смягчить падение. Но сцена была массовой, актёры падали один за другим. В итоге некоторые разбили головы о торчавшие куски породы, другие вывихнули руки. Добавим ещё, что играть приходилось полураздетыми, в рваных платьях и рубашках, а ведь температура была далеко не летняя.

Но никто из актёров не обращал внимания на такие мелочи. Их сердца потрясала трагедийность воссоздаваемых событий. Все участники съёмок хорошо помнили страшные рассказы о первых днях после освобождения Краснодона от фашистов, когда родственники казнённых устремились к шахте 5-бис, чтобы постараться извлечь на поверхность и опознать тела погибших. Каждый в глубине души надеялся, что его сына или дочь миновала чаша сия, что им, возможно, посчастливилось как-то уцелеть. Увы, увы… Хотя поначалу не удалось найти тела Сергея Тюленина и Ульяны Громовой, робкая радость родителей тут же угасла: обоих погибших нашли немного в стороне. Тогда поняли, что в шахту их сбрасывали ещё живыми и перед смертью они сумели отползти немного в сторону от центра шурфа.

Поначалу шли разговоры, что в шахте на глубине от разлагавшихся трупов образовался ядовитый газ, поэтому опускаться туда нельзя. Но родителей было не остановить. Одна из матерей добилась, чтобы её обвязали верёвками, и полезла вниз. Сверху её периодически окликали, она в ответ тоже подавала голос, показывая, что пока ещё не задохнулась газом. А когда замолчала уже на самом дне, оказалось, что газа нет, он выветрился, но у женщины перехватило дух при виде груды мёртвых тел, на которую она опустилась… Потом два дня извлекали тела погибших, причём опознать их можно было только по кускам полуистлевшей одежды… Так что могли ли теперь артисты думать о холоде и прочих неудобствах во время съёмок, когда здесь раньше происходило такое?!

Съёмки фильма на тех же улицах, где проходили пятью

годами ранее подлинные события, неизбежно накладывали на участников творческого процесса свой отпечаток. Впоследствии зрителей особенно поражала своей практически документальностью широкомасштабная панорама вступления гитлеровских войск в Краснодон (недаром этот эпизод фильма включался в учебники по кинооператорскому искусству). Съёмки непрерывно велись с разных уровней высоты. А главным участником этой сцены был Сергей Тюленин, глазами которого как бы подавалось нашествие оккупантов. И чем более внушительным выглядели вражеские колонны, тем более контрастно представал потом перед зрителем подвиг молодых людей, отважившихся бросить им вызов на бой…

В образе Ульяны Громовой актриса постаралась передать непростое сочетание высокой романтики и полной конкретности фактов биографии своей героини. Некоторые специалисты находили её игру ещё довольно скованной, что объяснялось в первую очередь большим волнением. Однако все признавали, что роль стала подлинной удачей актрисы. А больше всего запала Нонне в душу похвала из уст Фадеева. На одном из рабочих просмотров фильма писатель во всеуслышание сказал режиссёру, что если бы тот раньше познакомил его с Мордюковой, то он отобразил бы свою героиню в романе ещё лучше. Выходило, что Нонне удалось найти новые яркие краски для изображения своей романтической героини.

На рабочие просмотры отдельных фрагментов фильма Герасимов приглашал и местных жителей, родственников героев. И иногда после их советов приходилось вносить новые коррективы… Понятное дело, что мать Сергея Тюленина не собиралась и здесь упускать своего главенства. По вечерам она неизменно являлась в краснодонский кинотеатр (именно здесь после окончания обычных киносеансов работала с материалом съёмочная группа). Усаживалась, разумеется, в самом первом ряду. И охотно комментировала происходящее на экране, цепляясь подчас к самым несущественным мелочам. Нонна Викторовна вспоминала, как в одном из эпизодов, где Тюленин в исполнении Сергея Гурзо умывается во дворе, режиссёр для некоторого оживления сцены поставил на заднем плане девочку, кормившую кур. Бдительная Тюлениха тут же высмотрела сей факт и потребовала убрать крамольный кадр: не было тогда там этой девчонки, значит, нечего ей и на экране делать!

И всё-таки киногруппа в конце концов свыклась с вечным недовольством и прочими выходками Тюленихи, воспринимая её как один из атрибутов фильма. Да и сама старушка, похоже, наконец осознала, что на её глазах происходит большое дело,

нужное не только её семье, но и всем краснодонцам, всей стране. Можно сказать, почти сдружилась с киношниками. А когда группа уезжала из Краснодона, слёзы были на глазах практически у всех — и у москвичей, и у местных жителей…

Мордюковой во время съёмок было жаль, что так быстро заканчивается рассказ о «Молодой гвардии». Очень хотелось, чтобы сняли ещё хотя бы одну серию. Разве уложишь все события в пару часов экранного времени? Но, понятное дело, это были только мечтания: киноиндустрия уже тогда развивалась по своим законам, к съёмкам каждого фильма подходили не только как к искусству, но и как к производственному проекту, со своим бюджетом и чётко заданными параметрами.

Парадоксально, но месяцы работы над ролью Ульяны Громовой запомнились Нонне не только своей драматичностью и даже трагедийностью происходящего. Именно в этот период девушка испытывала настоящий душевный подъём, связанный не только с полюбившейся ролью, но и с новыми перспективами личной жизни. Ведь вот он, любимый человек, рядом, на одной и той же площадке…

Как наверняка заметил внимательный читатель, уже не единожды подступались мы к этой теме, но каждый раз что-то иное, более насущное на тот момент, уводило наше повествование в сторону. Но скоро, уже совсем скоро начнём мы рассказ об истории любви молодой актрисы к своему коллеге, которая привела в итоге к возникновению, как порой говорили, самой красивой семейной пары советского кинематографа. Но принесла ли эта любовь Нонне счастье? Впрочем, обо всём по порядку. И завершим пока что тему «Молодой гвардии», которая подарила актрисе, и не только ей, потрясающий успех…

Спустя годы, уже в ореоле славы, зрительской любви и многочисленных наград, Нонна Викторовна не раз вспоминала свой первый фильм. Называя его то ключом, который открыл ей и её поколению дорогу в мир киноискусства, то даже родной сестрой, подарившей радость полноценной жизни.

Молодые актёры не были ещё избалованы славой. Даже с аплодисментами мало кому приходилось сталкиваться — не считать же за настоящие овации те хлопки, которыми подбадривали друг друга во время учебных спектаклей и этюдов… Но когда состоялся премьерный показ «Молодой гвардии» и зрительский зал взорвался аплодисментами, от которых, казалось, может обвалиться потолок, исполнители главных ролей были по-настоящему потрясены, осознав, что их работа нужна людям, находит отклик в душах многих и многих тысяч зрителей. Да что там тысяч! «Молодая гвардия» уверенно

стала лидером кинопроката. Разошедшиеся по кинотеатрам страны полторы тысячи копий фильма (вначале на экраны вышла завершённая после полутора лет работы, после всех переделок и изъятий только первая серия) посмотрели свыше 42 миллионов человек, и в дальнейшем интерес к полюбившейся кинокартине не ослабевал. Премьера состоялась в середине октября 1948 года, и практически сразу о фильме весьма положительно отозвались крупнейшие газеты страны. Некоторые из рецензий занимали целые полосы (то есть газетные страницы — по терминологии журналистов).

И это было только начало. В некоторых зрительских аудиториях, как было это во время показа фильма в Московском университете, актёров и других создателей фильма приветствовали десятиминутными овациями. Такой бури аплодисментов удостаивался обычно разве что Генералиссимус Сталин, а здесь — молодые ребята. В некоторых городах, где им также пришлось выступать, доходило до того, что машину с артистами зрители на улице поднимали на руках и некоторое время несли. И это была не «фанатская эйфория» подростков, а реакция самых разных по возрасту людей, не слишком склонных к бурному выражению своих чувств.

Особенно дорога была Нонне реакция её матери. Ирина Петровна у себя на родине просмотрела «Молодую гвардию» бесчисленное количество раз, ходила на все киносеансы. Обычно в день фильм показывали дважды. На второй вечерний сеанс мать приходила, одевшись потеплее, чтобы не простыть. Особых нарядов у неё не было, поэтому надевала обычный ватник, именуемый в народе телогрейкой. Перед началом сеанса стояла возле ведущей в зал лестницы, стараясь при любом удобном случае упомянуть, что это её дочь снималась в «Молодой гвардии».

А когда спустя некоторое время в продаже появились комплекты открыток с портретами главных героев фильма, Мордюкова-старшая закупила множество фотоизображений своей дочери и весьма охотно демонстрировала, а то и дарила всем мало-мальски знакомым людям, с гордостью поясняя: это моя дочь в роли Ульяны Громовой! Скорее всего, вспоминалось Ирине Мордюковой в это время, как дочь стремилась стать актрисой и как сама она поначалу скептически отнеслась к этим мечтаниям девушки. То, что на киносеансы приходит такое количество народа, что зрители со слезами наблюдают за происходящим на экране, поначалу просто не укладывалось в голове!

Но это были ещё не все радостные потрясения для Ирины Петровны. В сорок девятом году радио и газеты разнесли по

Советскому Союзу весть о присуждении фильму «Молодая гвардия» Сталинской премии первой степени. Если же точнее, то премией были отмечены не все создатели фильма, а восемь человек из их числа. Разумеется, в числе лауреатов были режиссёр-постановщик Сергей Герасимов и оператор Владимир Рапопорт. Из актёров постарше наградили Виктора Хохрякова, который исполнил роль Проценко, руководителя подпольного обкома партии (не умаляя заслуг актёра, можно утверждать, что этой наградой была лишний раз подчёркнута именно партийная миссия по руководству юными подпольщиками). А вот Тамара Макарова, жена Сергея Герасимова, сыгравшая роль матери Олега Кошевого, в наградной список не попала. Этому воспротивился Фадеев, возглавлявший комитет по присуждению Сталинских премий и вычеркнувший её имя: писателю весьма не понравилось, как актриса справилась со своей ролью.

Остальные же пять награждённых были на тот момент студентами: это Инна Макарова, Сергей Гурзо, Владимир Иванов, Людмила Шагалова и Нонна Мордюкова. Почему именно они были отобраны из большого актёрского коллектива, сейчас сказать сложно. Бесспорно, что роли они исполнили талантливо, но были ли при этом на голову выше остальных своих коллег? Как водится, в те дни утверждалось, что главную роль в определении окончательного списка лауреатов сыграл сам Сталин (а кто же ещё мог себе такое позволить?). Когда некоторые партийные деятели и чиновники от киноискусства попытались возразить, что рановато каким-то студентам давать такую престижную премию, вождь весомо изрёк, что студенты эти уже являются настоящими актёрами.

Как бы там ни было, но думается, опять-таки здесь немаловажную роль сыграл партийный фактор. Ведь молодые актёры-лауреаты исполняли роли не просто подпольщиков, а руководителей «Молодой гвардии»: Шевцовой, Тюленина, Кошевого и Громовой, которые в 1943 году посмертно удостоились звания Героев Советского Союза. Кстати, исполнение Владимиром Ивановым роли Олега Кошевого произвело такое хорошее впечатление на его родственников, особенно на бабушку Олега, что она даже выступила с ходатайством принять актёра в партию, настолько убедительно и хорошо он воплотил на экране образ её внука. Может, теперь подобная рекомендация и выглядит наивно, но по тем временам она была достаточно весомым признанием. Между тем далеко не все кинокритики восприняли игру Владимира Иванова положительно. С оговорками на героический образ его героя, но отмечали, что актёр внёс в игру слишком много экзальтированности, порой даже с налётом

истеричности…

Разве что Людмила Шагалова, которая сыграла Валю Борц, не совсем вписывалась в этот «руководящий список», но Борц была одной из немногих уцелевших подпольщиков, она оказывала помощь Фадееву во время его работы над романом, всячески пропагандировала среди молодёжи подвиг своих погибших друзей (как и находившиеся во время съёмок в Краснодоне Георгий Арутюнянц и Радик Юркин, тоже бывшие молодогвардейцы). К тому же Фадеев очень благосклонно расценил игру Шагаловой: роль у неё была далеко не главная, но актриса сумела вдохнуть в сравнительно небогатый материал новые яркие краски, оживить образ героини.

Между тем Сталинская премия Шагаловой сопровождалась и иными драматическими событиями. Отец Людмилы, занимавший высокий пост заместителя наркома танковой промышленности (то есть министра в тогдашней терминологии), сразу после войны был репрессирован и оказался в лагере, ему пришлось работать в руднике. Когда на экраны вышел фильм с его дочерью и когда она была удостоена премии, лагерное начальство решило смягчить режим его содержания — отца Шагаловой перевели на более лёгкую работу, назначив дворником. Это и помогло человеку уже немолодому, со слабым здоровьем, дожить до своего освобождения в 1954 году и затем прожить ещё несколько десятилетий на свободе… Горький парадокс тех времён — дочь была отмечена наградой имени человека, по указанию которого был осуждён её отец…

Пятым Героем Советского Союза из числа молодогвардейцев был Иван Земнухов, однако исполнившему его роль Борису Битюкову премия вручена не была. В общем, список лауреатов был в некотором роде субъективным, что, надо подчеркнуть, не умаляет творческих заслуг награждённых, которые по праву заслужили высокое признание. Кстати, как не вспомнить в этой связи ставшее уже анекдотичным награждение во времена Брежнева актёров фильма «Семнадцать мгновений весны», когда наградили некоторых, мягко говоря, не главных персонажей, зато забыли о режиссёре фильма. Подлинные заслуги и официальное их признание не всегда идут по жизни под руку, что уж тут поделать.

Кстати, всенародную славу сумели перенести не все актёры «Молодой гвардии». Много лет спустя Мордюкова с горьким сожалением вспоминала, как Сергей Гурзо, продолжая достаточно много сниматься в кинокартинах, быстро попал под влияние своих поклонников из числа любителей Бахуса и спился, в итоге рано уйдя из жизни…

Сталинская премия первой степени в сорок девятом году составляла в денежном выражении сто тысяч рублей. К тому времени советские деньги уже довольно-таки окрепли после военных потрясений, на что положительно повлияла и денежная реформа 1947 года. Сто тысяч — сумма вполне приличная на тот момент, но не будем забывать, что её предстояло разделить на десятерых. Получалось по десять тысяч на брата. Людмила Шагалова, например, на полученные деньги исполнила давнюю мечту — купила шубу. А Нонна избрала другой путь. Дождавшись каникул, накупила в Москве подарков для мамы, младших сестёр и братьев и отправилась на азовские берега. На Кубани в дефиците были даже такие вещи, как школьная форма, да и денег Ирине Петровне на своих многочисленных отпрысков было не набраться, поэтому, кроме упомянутой формы, Нонна везла домой ещё кое-что из детской и подростковой одежды и белья. Конечно же, и сладостей накупила. А для мамы расстаралась купить изысканное по кубанским меркам платье и несколько дамских шляпок. Вроде и понимала умом, что никому такие городские наряды в кубанской глубинке не нужны, но верилось, что теперь в семье начнётся новая, более успешная и зажиточная жизнь, что пригодятся маме, почти не носившей за свою жизнь красивых платьев, дочкины покупки. Себе Нонна тоже купила шляпку с вуалью под аристократическим названием «амазонка». Как сама потом иронизировала, ещё только белой лошади не хватало да стека в руке, чтобы изображать какую-нибудь герцогиню-наездницу. А то хоть на картину к Карлу Брюллову подавайся в таком виде.

Сталинская премия, чего уж там таить, повлияла в положительном смысле и на успехи Мордюковой в учёбе. По-прежнему многие предметы она не любила, но на сталинских лауреатов педагоги теперь смотрели снисходительнее. Когда настала пора выпускных экзаменов, почти все участники съёмок в «Молодой гвардии» из числа студентов получили дипломы с отличием. Дипломным спектаклем Нонны был «Тихий Дон» по знаменитому шолоховскому роману. Мордюкова исполняла в нём фактически главную женскую роль — Аксиньи. И кубанская казачка была настолько убедительна в образе казачки донской, таким ярким светом горели её глаза, так стремилась она передать всю полноту чувств русской женщины, что засмотрелся на её игру сам знаменитый режиссёр Александр Довженко. Александр Петрович, воодушевившись, даже сравнил лицо молодой артистки с классическими женскими профилями на древних скифских вазах. Собственно, чему тут удивляться: ведь южнороссийские степи издавна были местом для передвижения и

смешения различных народов. И кто знает, не остались ли с незапамятных времён скифские гены у актрисы? Как бы там ни было, роль свою она исполнила с блеском. Ещё не подозревая, что успех этот через годы больно ударит по ней своеобразным бумерангом.

ВГИК Мордюкова закончила в 1950 году. Тогда же Нонну с мужем приняли на работу в Театр-студию киноактёра. Как они понимали, в первую очередь — благодаря «Молодой гвардии», принесшей обоим известность…

Глава 5

Раз уж зашла речь о муже, то, безусловно, настала пора вернуться к теме любовно-семейной, которую ранее мы только намечали отдельными штрихами. И, разумеется, вначале нам придётся вернуться года на три назад, к моменту, когда Сергей Герасимов подбирал актёров для своего будущего фильма. Напомним, что в то время у молодой студентки Нонны Мордюковой прекратился роман со студентом-вгиковцем Петей. И в поле её зрения попал иной студент, к тому же однокурсник.

То, что Нонна уже с первого курса была подружкой Вячеслава Тихонова, как некоторые пишут, — мягко говоря, преувеличение. Другие авторы статей о Мордюковой ещё дальше шагнули: дескать, 18-летняя Нонна легко вскружила голову 16-летнему Славе. Да опомнитесь, господа! Ведь даже без калькулятора легко подсчитать, что зимой 1943/44 года (а Тихонов действительно был моложе Мордюковой на два с лишним года — он родился 8 февраля 1928-го) они ещё о существовании друг друга и не подозревали. Нонна на первый курс поступала в двадцать лет, Вячеслав — в неполные восемнадцать. Так что обойдёмся без надуманных сенсаций.

Были, конечно же, были дружеские отношения между многими однокурсниками, только ведь далеко не у всех они переросли во что-то большее. Мы уже рассказывали, какие нравы существовали в те времена, как парень предлагал девушке дружбу и как вместе ходили они в студенческую столовую. Другое дело, что юный красавец с интеллигентными чертами лица Нонне давно уже приглянулся. Но не сразу стала она воспринимать его как своего любимого человека. Может быть, толчком послужила услышанная от подружек информация, что Слава, которого многие в институте считали тихоней, оказывается, пользуется успехом не у одной девушки. Вот тут и взыграло нечто вроде ревности: ах, так! Так будешь же ты мой!

Во время съёмок «Молодой гвардии», особенно посреди привольной краснодонской природы, Нонна постаралась очаровать своего избранника. И если по сюжету фильма Ульяна Громова и Володя Осьмухин соприкасались мало, то в жизни они стали проводить совместно всё больше времени. А уж как щедро демонстрировала свои таланты Нонна во время дружеских актёрских посиделок! Спеть что-нибудь — она тут как тут. Сплясать — тоже кубанская казачка на первом плане! И Тихонова всё больше и больше привлекала его яркая и энергичная подруга. На других девушек, к Ноннину радости, посматривать он

перестал. А вот на Нонну некоторые подруги стали поглядывать с долей зависти — слишком уж красиво выглядели они с Тихоновым в паре.

Но чего больше было в их отношениях? Взаимной любви или хотя бы притяжения? А может быть, это его красота, достаточно редкая среди мужчин, так заворожила девушку? И она попала под влияние своего же собственного чувства, со всей силой страсти вовлекая в орбиту своего желания и Вячеслава? Напористая, горячая, южных кровей… Поневоле закружится голова даже у такого внешне выдержанного и спокойного человека, каким был Тихонов.

А каким, собственно говоря, был в то время будущий выдающийся актёр, увенчанный впоследствии практически всеми высшими званиями и регалиями Советского Союза: Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий? С каким жизненным багажом подошёл он к той важной вехе на жизненном пути, которая на долгие годы предопределила его и Нонны Мордюковой будущее?

Как мы уже упоминали, родился Вячеслав Тихонов в феврале 1928 года — в небольшом, но известном своей текстильной промышленностью, производством шалей и платков городе Павловский Посад на восток от Москвы, к Московской же области и относящемся. Мальчика родители нарекли Славой в честь деда по матери. Семья была, как говорится, из простых тружеников. Мать, Валентина Вячеславовна, трудилась в детском саду, воспитывая юное поколение. Отец же, Василий Романович, работал механиком на здешней ткацкой фабрике. Дом, правда, имели собственный, по тогдашним меркам весьма даже приличный — в два этажа, со своим садом. В этом дедовском доме и прошло детство будущего артиста.

Во время Великой Отечественной, как ни рвались фашисты к Москве, фронт до здешних мест так и не дошёл. Но война опалила своим дыханием и Павловский Посад. Школу, в которой учился Слава, определили под фронтовой госпиталь, сюда ежедневно доставляли всё новые партии раненых… Сумрачной осенью сорок первого многим казалось, что Москве не устоять перед натиском агрессора. На восток устремились москвичи, не желавшие оставаться в столице. Но затем настал черёд для зимнего контрнаступления Красной Армии, гитлеровцев отбросили от Москвы, и жители близлежащих городков тоже вздохнули свободнее. Слава в это время, оставив временно закрытую школу, был уже учащимся ремесленного училища. Специальность ему определили солидную, мужскую — токаря.

Курсы обучения по военному времени были ускоренными — заводам срочно требовались рабочие руки хотя бы подростков вместо ушедших на фронт взрослых рабочих. И через некоторое время Вячеслав уже стоял за токарным станком на военном предприятии, выполнявшем заказы для действующей армии. Уставал, понятное дело, сильно — работать ведь приходилось не по восемь часов, вроде как гарантированных законодательством, а сколько понадобится. Ничего — хотя и не отличался богатырским телосложением, но выдерживал нагрузки наравне со сверстниками. Хватало ещё времени и энергии, чтобы сходить с дружками в кинотеатр на последний сеанс. Фильмы, конечно же, нравились боевые, про героев — как нынешних, так и из истории. И ничего, что многие кинокартины демонстрировались ещё до войны и успели стать до последнего кадра знакомыми. Тот же «Чапаев» с Борисом Бабочкиным в главной роли! Это же такое кино, которое и сто раз посмотреть можно. Или «Александр Невский», войска которого громят псов-рыцарей на льду Чудского озера? Один Николай Черкасов чего стоит! А Михаил Жаров, Пётр Алейников?! Есть с кого брать пример, если сам мечтаешь попасть на киноэкран…

Да, сформировалась уже у юного токаря мечта, которую он предпочитал хранить в тайне от родителей, справедливо полагая, что не одобрят они такого полёта фантазии. Вот инженер — это профессия, которая всегда будет востребована: вон сколько в стране предприятий, и везде инженерно-технические работники необходимы. На крайний случай, на агронома может сын выучиться — тоже без куска хлеба не останется.

Не в силах противостоять родительскому напору, Слава в сорок четвёртом году, в 16 лет, поступил в Автомеханический институт. Правда, пока на нулевой курс, иначе говоря, нечто вроде подготовительных курсов. Но лиха беда начало… Однако не суждено было Вячеславу продолжить славную рабочую династию своего отца-механика. Годом спустя мы видим его уже среди абитуриентов ВГИКа. Правда, в отличие от Нонны Мордюковой, которая под аккомпанемент собственных баек о кубанской жизни и одобрительный смех преподавателей была зачислена в студенты в тот же вечер, Вячеславу пришлось поволноваться. В списках счастливчиков он себя не нашёл. Довелось возвращаться в родной город, где родители расценили неудачу сына с долей иронии: ну вот, не надо было и пробовать! Говорили же мы тебе! Только бабушка была на стороне внука.

Друзья посмеивались, что не взяли Вячеслава в институт из-за татуировки, сделанной на руке по глупости и молодости лет. Своё имя «Слава» захотелось увековечить, а не подумал, мол, как

актёру с такой отличительной приметой потом роли играть?!

Однако счастливая звезда всё-таки зажглась в биографии будущего актёра. Уже после окончания всех экзаменов, когда вроде бы и вакансии были заполнены, Борис Бибиков зачислил Тихонова в свою мастерскую, рассмотрев в юноше незаурядный талант. Тогда-то Слава и познакомился впервые со своей будущей супругой, хотя о браке, разумеется, никто ещё и не помышлял.

В «Молодой гвардии» Герасимов доверил Вячеславу роль Володи Осьмухина — не руководителя подпольной организации, но одного из самых активных молодогвардейцев. Фадеев описывает его в романе как выдержанного, начитанного, порядочного юношу, готового, не задумываясь, рисковать своей жизнью ради общего дела. Что же, выбор был сделан удачный: Тихонов во многом соответствовал характеру своего персонажа. И вместе со всеми заслуженно разделил триумф фильма, хотя среди лауреатов Сталинской премии его фамилии не оказалось.

А роман с Нонной, столь стремительно завязавшийся в краснодонской степи, где яркая и непосредственная казачка словно околдовала Вячеслава, между тем развивался по своим собственным законам, не всегда подвластным даже его непосредственным участникам. Тихонову, конечно же, льстило, что одна из самых видных в институте девушек так стремится связать с ним свою жизнь. А он сам? Возможно, ограничился бы просто лёгким романчиком? Но эмоции всё больше брали верх над природной сдержанностью.

Свои отношения они не выставляли напоказ. Вячеслав по натуре своей не любил быть в центре внимания, а эмоциональную и порывистую Нонну сдерживала характерная для жителей сельской глубинки привычка не демонстрировать перед людьми свои чувства, тем более столь интимные, касающиеся по своей сути только двух человек… Целовались в укромных закутках общежития, на полутёмных лестничных площадках, пугливо отстраняясь друг от друга, когда слышали чьи-нибудь приближающиеся шаги. Хотя, понятное дело, их любовь давно уже перестала быть секретом для окружающих.

Нонну словно несло куда-то в вихре счастливых и радостных эмоций. Вот он рядом: любимый, единственный… Так хотелось делать для него приятное! Ощутила, что дарить подарки любимому человеку куда радостнее, чем самой получать их. Долго обдумывала, какую бы обновку сшить для Славиного гардероба. Кругом сплошной дефицит, в том числе и на одежду. Наконец надумала: куртку ему сошьём. Вельветовую, самую модняцкую, на красивой молнии. Замечательно будет Слава в ней смотреться. Сказано — сделано. По большому блату удалось

достать где-то материал, а портниху знакомую давно уже наметила, сама у неё иногда кое-что заказывала. Та, когда узнала про заказ и увидела Нонну под руку с Вячеславом, поначалу заартачились: я мужчин не обшиваю, я дамская портниха. Всё-таки напористой Нонне удалось убедить женщину сменить специализацию хотя бы на один раз. Сама и фасон нарисовала для портнихи — загодя его обдумала, представила, лёжа вечером в постели в общежитии. В итоге портниха куртку сшила, вот только воротник к ней приделала не мужской, а женский. Слава, конечно, на воротник поначалу косился, а потом ничего, привык. Да как-то мало и обращали в те времена дети войны внимания на подобные вещи. Носить удобно — вот и ладно.

В ЗАГСе расписались Нонна с Вячеславом, когда оба учились на третьем курсе. Так сказать, официально зарегистрировали брак. Теперь, в эпоху иных нравов, смешно такое звучит, но оказались новоявленные супруги друг у друга первыми мужчиной и женщиной. Относились к подобным вещам вполне в духе тогдашней официальной морали: если уж собираешься с кем-то связать жизнь, то не гуляй на стороне, не давай повода для ревности и обид. Впрочем, как позже вспоминала актриса, в любовных делах были оба не искушёнными, а совсем наоборот. Сексуального опыта практически никакого, да поначалу и тяги особой к ночным забавам ни у него, ни у неё не было. Воспринимали их как-то отвлечённо: так уж положено, раз стали мужем и женой, живут вместе. Но не привыкли ещё один к другому, не втянулись в совместную жизнь. А подлинная сексуальная близость и совместимость ведь со временем приходят, в семье они часто с другими аспектами взаимоотношений связаны — с доверием, взаимоуважением, с любовью, в первую очередь. А женщине тем более сложно сразу раскрыть, прочувствовать всю полноту своих ощущений…

Звучит, конечно, красиво, когда вы друг у друга первые, только вот не всегда этого достаточно, чтобы жизнь семейная счастливо развивалась. Бывает наоборот: люди сходятся и расходятся, со второй, с третьей, а то и четвёртой попытки находят свою настоящую половину… Только вот кто подскажет всё это молодым и не умудрённым пока житейским опытом супругам?

Молодожёнам выделили отдельную комнату во вгиковском общежитии, расположенном в Лосинке. Не столько комната, сколько чулан, всего два на три метра, с печным отоплением — а ведь роскошь по тогдашним временам в послевоенной Москве с её острейшим дефицитом жилья, когда каждый ютился, где только мог, а снимавший угол в комнате в коммуналке ощущал себя

счастливчиком.

А через некоторое время Нонна поняла, что беременна. Вячеслав был недоволен такой несвоевременной беременностью жены. Ещё и институт не закончили, а тут вдруг… Бросил даже в запале горькие и обидные слова, которые надолго, если не навсегда, врезались Нонне в память: мол, раз уж рожаешь, то сама потом с ребёнком и возись, а на меня не рассчитывай!

На курсе, особенно педагоги, тоже поглядывали на растущий Ноннин живот без особого воодушевления. Преподавателей, понятное дело, больше интересовало, успеет ли она родить до защиты диплома. Начали с подружками высчитывать срок. Но наиболее подкованным, как ни странно, оказался парень — Евгений Ташков. Притащил откуда-то книжку, где указывалось, что месяцы нужно отсчитывать не обычные, а более короткие, по лунному календарю. Каждый такой месяц — 24 дня.

Как бы там ни было, но Нонна по мере сил продолжала готовиться к выпускным экзаменам. Репетировала в то время роль в спектакле «Гибель надежды». После репетиции приходилось зачастую самой ехать в общежитие, и не на автобусе (такого маршрута в то время не было), а на электричке. А до неё ещё минимум полчаса пешком топать. Вячеслав домой жену сопровождал далеко не всегда. Часто оставался в институте, где-то у друзей и ночевал. В шахматы любил допоздна играть.

Ташков, а точнее, принесённая им книга, как оказалось, были правы: когда у Тихоновых родился сын (а случилось это 28 февраля 1950 года, хотя во многих публикациях почему-то кочует ошибочно 1948 год, а порой датой рождения называют 29 февраля, хотя 50-й год был невисокосным!), до защиты диплома оставалось ещё полтора месяца. Назвали мальчика Володей. Фамилию, ясное дело, он получил при регистрации отцовскую.

Новорождённого приходилось часто оставлять без материнского присмотра в медпункте при институте. Хорошо ещё, что находились сердобольные няни из числа студенток, да и дежурившие медсёстры помогали досматривать ребёнка. За день набиралась куча испачканных пелёнок. Наступал вечер — и Нонне приходилось в темноте тащиться за тридевять вёрст с мальчиком на руках и узлом грязных пелёнок. А ведь до завтрашнего дня их ещё нужно было постирать и высушить. А для этого, только придёшь, сразу печку надо растапливать. Как затрещит огонь, как в комнате потеплеет — тут и Володенька повеселеет после похода по вечернему сумраку, голос подаст… Хорошо хоть, что с молоком проблем у Нонны не было. Да и питание к тому времени всё-таки несколько улучшилось в сравнении с карточными послевоенными годами. Перебивалась в

основном хлебом с чаем, благо хоть сахар уже можно было не экономить.

Как вспоминала впоследствии Нонна Викторовна, однажды её с сыном уложили в больницу. У ребёнка — сезонный летний понос, по-научному именуемый «диспепсией». Единственным известным тогда медицинской науке способом борьбы с этой болезнью считалось кормление детей именно грудным молоком. У Нонны-то проблем с молоком не было, а вот у некоторых других матерей совсем молока не оказывалось. Смотрели, как мучаются их детки, а помочь не могли. Докторша, которая вела палату, где Нонна лежала, попросила её сцеживать излишки молока, а ещё лучше, кормить после своего ребёнка и одного из чужих. Так и стала делать. Чужой ребёнок тоже, к счастью, на поправку пошёл. Мать его Нонне была благодарна так, что и слов не хватало. Попросила своего мужа, чтобы тот принёс Мордюковой какой-нибудь подарок. Явился молодой мужчина в палату и вручил Нонне отрез материи на платье. Но она отказалась от презента. Тогда банку мёда предложил. Вот тут не устояла, согласилась взять, тем более что и самой нужно было питаться получше.

Тихонов несколько раз приходил в больницу к жене и сыну. В палату его не пускали, но через окно Нонна демонстрировала идущего на поправку и радостно улыбающегося малыша. Улыбка в такие минуты возникала и на обычно спокойном, если не сказать суровом лице Вячеслава. Нонне даже показалось, что это пребывание в больнице больше сблизит её с мужем, что тот начнёт наконец-то хвалить её, ободрять добрым словом, что любить будет. Но, увы — и после выписки из больницы Нонны с Володенькой Вячеслав остался прежним — замкнутым, молчаливым…

Уже после больницы был случай, когда поздним вечером, возвращаясь из института в общежитие, шла с электрички по каким-то рытвинам и вдруг провалилась обеими ногами в яму, выкопанную ещё днём строителями, да так и брошенную. Столб или опору какую-то собирались ставить, что ли, да вот оставили до завтрашнего дня. Сама ударилась, испачкалась. Хорошо ещё, что ребёнка на руках вовремя успела перехватить, не уронила. Подняла его над головой, нащупала в темноте место почище, положила драгоценный свёрток на край ямы и давай сама кое-как выбираться. Вылезла — и пошла дальше, даже грязь толком с одежды не успев отчистить. Придя в комнатушку, села и впервые за несколько месяцев разрыдалась. Плакала долго, надрывно… Но к приходу мужа постаралась, чтобы и остатков слёз видно не было. И ничего ему про этот случай говорить не стала. Гордая

была, сама свою ношу по жизни несла.

Хотя не стоит изображать Тихонова только чёрными красками, извергом каким-то. Не сразу, но сына он полюбил. Всё чаще брал на руки, играл с мальчуганом, возился с ним, разговаривал. Даже улыбка у отца на лице в такие мгновения появлялась. Пусть и сдержанная, не рот до ушей, но всё-таки… А уж маленький Володя как папе радовался! Смеётся во весь голос, ручонки радостно тянет.

При всех сложностях в их взаимоотношениях и явно наметившейся трещине в семье супруги о разводе не помышляли. Во-первых, развод по тем временам считался делом предосудительным, почти позорным. К тому же, раз ребёнок родился, нужно растить, что бы там ни было. На тему христианской морали в то время рассуждать было не принято, но какие-то извечные истины в душах жили и сохранялись, несмотря на идеологические поветрия, проносившиеся над страной.

А во-вторых, ярой сторонницей сохранения семьи была мать Нонны. Ирина Петровна далеко не сразу узнала о браке своей дочери и о рождении сына. В голодные послевоенные годы молодой студентке не раз приходилось мотаться на Кубань по ставшему привычным маршруту от Москвы до Ейска. Не всегда в товарняках, как во время поездки для поступления во ВГИК, но и не в спальных вагонах, а в давке, тесноте вагонов общих. Это ещё до упоминавшегося появления в родном доме после получения Сталинской премии — с ворохом гостинцев и шляпками для мамы. А уже после того памятного визита в один из очередных приездов Нонна возникла перед роднёй с ребёночком на руках! Как промелькнуло в одном из интервью актрисы, данных уже на закате, только тогда кубанские родственники и об её замужестве узнали. Так сказать, огорошила двойной радостью… Воля ваша, но что-то верится в эту версию с трудом. Не для красного ли словца она сочинена? Ведь год с лишним прошёл с момента замужества. Неужто всё так старательно скрывалось? И зачем? Тем более что есть свидетельства знакомых актёров: Нонна ещё до замужества возила Вячеслава в Ейск на смотрины к родным…

Как бы там ни было, Ирина Петровна потом не раз приезжала к дочери в Москву. Помогала, чем могла, хотя сколько там у неё было этих возможностей?! А ещё в столицу постепенно потянулись подраставшие братья и сёстры Нонны. Кому-то пришла пора в вуз поступать, кому-то — в училище. А где в Москве остановиться, если не у старшей сестры, у которой хоть какая-то жилплощадь есть? Поэтому даже в комнатушке институтского общежития с молодыми супругами и их крохотным ребёнком некоторое время жила сестра Нонны. Оно и хорошо —

помогала ребёночка нянчить, а по вечерам рассказывала Нонне об услышанных забавных словечках и прочих приключениях малыша за день… А уж когда получили свою комнату в коммуналке, о чём речь пойдёт чуть ниже, то тем более родственников пришлось привечать. Позже актриса подсчитала, что из тринадцати лет совместной жизни с Тихоновым около одиннадцати они делили кров с кем-либо из её братьев и сестёр.

Между прочим, такая статистика тоже ведь в некотором роде работает на пользу Вячеславу, не позволяет считать его каким-то извергом и частично объясняет, почему, несмотря ни на что, Нонна продолжала жить с ним. Это мы совсем не к тому клоним, как кто-то мог подумать, будто молодая жена держалась за столичную жилплощадь, полученную на их полноценную, из трёх человек, семью, да ещё и родственников в столицу год за годом звала жить. И что Ирина Петровна сразу оценила все преимущества такого решения квартирного вопроса… Нет, господа нынешние циники, разочаруем вас. Мы говорим о другом — об элементарной человеческой порядочности, которая во многом и помогала супругам хоть как-то, но прожить вместе столько лет, пусть даже они быстро поняли, что не сложилась семья, не вышла любовь… А Ирина Петровна порядочность в своём зяте ценила и неизменно была противницей развода Нонны с мужем.

На эту тему не раз дочь с матерью вступали в жаркий спор. Нонна горячилась, доказывала, что никакого толка от их семейной жизни уже не жди. Года хватило, чтобы понять, насколько они с мужем разные. Ещё до рождения Володи она всё осознала… Ведь чего ждала от своего замужества? Правильно, счастья. А счастье в чём для женщины? Чтобы любимый и любящий человек был рядом… А вот с этим, как оказалось, полная неувязка вышла.

Нонне хотелось доказать, объяснить не только матери, но и себе самой разложить по полочкам, почему семейная жизнь её всё больше напоминает какую-то драму, если не трагедию. Она ведь как с детства жить привыкла — размашисто, ярко, от души, по сторонам не оглядываясь. Смеяться — так во весь голос, плакать — так навзрыд, а любить — так без оглядки. И самое обидное, что сама ведь поверила в возможность такой безоглядной любви между собой и Тихоновым. Романтическими чувствами себе голову вскружила, а затем и ему. И атмосфера окружающая помогла. Съёмки «Молодой гвардии», романтика подвига героев, сыгранных ими… К чему-то возвышенному душа стремилась. А оказалось-то на поверку совсем по-иному. Тихонов — он словно из какого-то другого мира человек оказался, не из такого, к

которому она с детства привыкла. Как говорится, не от мира сего. Не в смысле какой-то сумасшедшинки, нет, этаким обвинением грешить на человека ни в коем случае нельзя. В хорошем даже смысле не от мира сего, если вдуматься. Только вот в реальной жизни с таким жить ой как непросто!

«Да в чём же ты его неприспособленность к жизни видишь?» — мать в ответ спрашивает. «Да ты посмотри, — Нонна горячится, — посмотри на него сама повнимательнее!» Тихий он, молчаливый, сумрачный, всегда в себя погружённый, в мысли свои. Скучно с ним.

Нонна уже во время учёбы приметила, что душа у Вячеслава как актёра больше к таким ролям лежит, где много говорить не нужно. Нет, он, понятное дело, разные роли мог хорошо сыграть — талантом Бог не обидел. Но вот по-настоящему натуру свою проявлял, без принуждения над собой, когда не нужно ему было эмоции напоказ выставлять, перед зрителями расплёскивать. Ему бы, иногда Нонна думала, партизана какого сыграть. Или там разведчика в тылу врага — как раз для него. Подпольщика в «Молодой гвардии» сыграл ведь уже раз.

Тихонову большие и шумные компании ни к чему, как оказалось. Ему и без них хорошо, комфортно. Вот, скажем, у самовара сидеть, чаёк попивать за чистой скатеркой, газеты неспешно почитывать — это он любит. Час, два, три мог бы так вот сидеть и наслаждаться… Грибы собирать — тоже любимое занятие. Когда удаётся за город выбраться, оживает весь, тихой какой-то радостью светится. Даже цветочков полевых букетик, бывает, по дороге сорвёт и Нонне потом ткнёт: на, мол, супруга, наслаждайся! И в земле покопаться не против, даром что горожанин. Оно и понятно: Павловский Посад, где вырос, — это вам не столица. Тут, почитай, у каждого свой сад и огород. А по теперешним несытым временам без грядок и не особо проживёшь. Так что, когда к родителям выбирается, то картошку сажать или копать всегда помогает. И с удовольствием.

А ещё голубей любит. Рассказывал раньше, как в детстве с пацанами голубей гоняли, как целые голубятни держали. В Москве-то их не особо подержишь сейчас, почему и скучает до сих пор. Опять же, как приедет в свой Павловский Посад, так норовит к знакомым сходить, у кого голуби водятся. Залезет под крышу, свистит, руками машет!..

Бытовые обстоятельства, в которых жила семья Тихоновых, тоже не располагали к веселью. Ну, во-первых, про жильё сказать нужно. Пока учились, хоть чуланчик, но в общежитии вгиковском имели. А когда получили оба свои дипломы с отличием и в Театр-студию киноактёра были зачислены, пришлось из институтской

общаги уходить с Володей на руках. Не совсем на улицу, понятно, но и не в хоромы царские, не в те высотные здания, о которых Нонна мечтала, когда в Москву впервые пять лет назад приехала. Дали жильё, называется. Хоть и именуется дом «строением барачного типа», да только как барак ни называй, он всё равно бараком останется.

И только спустя время расстаралось руководство театра дать комнату для молодой семьи. В коммунальной квартире. Как раз четыре комнаты — на четыре семьи. После барака вселялись — счастливые! Только вот поубавилось счастья, когда выделили по ордеру комнату… проходную. Да ещё пожарные категорически запретили хоть какую-то стеночку поставить, отгородиться, чтобы чужие люди не ходили через неё. Нельзя, мол, безопасность пожарная нарушается. Такое вот издевательство и получилось. И не на день или там на месяц. (Но Нонна поначалу и представить не могла, что жить в проходной комнате коммуналки придётся целых десять лет!) А в комнате попробуй-ка все разместись — муж, жена, маленький Володя, да ещё, бывало, няню приходилось брать, а к тому же почти постоянно кто-то из кубанских родственников жил. Так вот и ютились… На кухне общей — тоже не рай. Два на два метра, плита газовая на четыре конфорки — и это всё на четыре семьи. Все хозяйки как соберутся готовить, так не повернуться. Пока доберёшься до своей кастрюли или сковородки, уже всё сбежало или подгорело… А тут ещё сынишка не вовремя проснётся, маму зовёт. Бросишь всё, бежишь к нему, любимому, ясноглазенькому… А сколько, бывало, на руках его по городу носила? Не всегда ведь есть с кем оставить — приходилось и на работу, в театр брать, как в институт раньше. Спешишь на работу, а тут — глядь — пелёнки опять намочил. Присядешь на лавочке в скверике где-нибудь, а то и около газетного киоска пристроишься на прилавке — и пеленаешь. Такие вот дела…

А с деньгами какая ситуация, разве лучше? Сталинскую премию-то давно потратили, ведь нельзя было Нонне своих с Кубани не поддержать. Без неё кто о братьях-сёстрах позаботился бы? А Вячеслав — нет, не возражал, напраслину на человека возводить не нужно. Он ведь тоже не из графской семьи — из рабочей, цену деньгам знает, но и цену помощи людской тоже знает. Сам, если понадобится, готов с себя последнюю рубаху снять и отдать тому, кому она ещё нужнее окажется. Да и гордость у него тоже ведь своя имелась, чтобы распоряжаться, как полученные женой деньги потратить…

В общем, быстро ушла премия, а жить-то дальше и Володьку растить нужно. А какие там заработки у молодых актёров — смех один! Вот-вот, через слёзы. Так что приходится каждую копеечку

считать. До получки, как ни экономь, а дотянуть не получается. Приходится, хоть и стыдно, по соседям ходить. Обойдёшь не один этаж, пока упросишь одолжить до следующей зарплаты хоть сколько-нибудь. Взмокнешь вся, вспотеешь, пока по лестницам бегаешь. Не выдержишь, придёшь вся в слезах — и к мужу: да кто ты такой, в конце концов? Глава семьи, кормилец — или так, для мебели?! Сделай хоть что-то, чтобы так не бегать, не унижаться. Плечами пожимает: что ты тут сделаешь? Я же деньги не печатаю, говорит. Когда рожала, моего согласия не спрашивала… Любимая это тема у него — нет-нет, а вернётся к своим упрёкам. Иногда покажется, что всё, забыл уже об этом, да не тут-то было.

А ведь бывало, что и находила у него время от времени деньги, пусть и небольшие, где-нибудь в кармане. Не трогали, получается, его жёнины слёзы. Нет, не на выпивку припрятывал, врать не буду, но разве от этого легче?

Красоту свою он зато всегда ценит, осознаёт. Мужчина видный, надо признать. Вон сколько женщин на него поглядывают да Нонне завидуют! А он тоже любит на себя в зеркало взглянуть лишний раз. И любит, чтобы нянчились с ним: принесли, подали, убрали. Только что с ложки кормить себя не требует. А вот если Нонна принарядится и в центре внимания окажется, не нравится ему, мрачный сразу становится. В гости к кому-нибудь соберутся, так он десять раз по дороге напомнит, чтоб не пела свои частушки. Ему хоть арии пой, хоть народные песни, хоть городские романсы какие-нибудь — всё равно частушками окрестит. Не потому, что разницы не понимает (актёрское ведь образование, как-никак), а просто так больше недовольство выразить можно.

Нонна иногда так в душе рассердится, что в компании, наоборот, разойдётся со своим пением. Другие гости хлопают, подзадоривают, а она знай себе заливается. Поморщится он, но при людях старается замечаний не делать. Зато потом, когда домой пойдут, своего уже не упустит. Будет всю дорогу отчитывать.

В гости, правда, не так уж часто выбирались. Не особо Тихонов такие походы и любил. А в свою проходную коммуналку тоже особо никого не пригласишь, даже если он и был бы не против. У людей, посмотришь, через день праздники. А тут даже день рождения Нонны никогда не отмечали. Тихонов про него, похоже, вообще каждый раз забывал. Так ни разу за всё время и не поздравил супругу. Нонна ждёт до самого вечера: а вдруг всё-таки вспомнит, скажет доброе словечко? Куда там! Ложатся спать, а он так и не поздравил за день…

И как вот жить с таким мужем? Как вечер близится, так

придумываешь себе хоть какое занятие, чтобы на работе или где в городе подольше остаться, не возвращаться в свою комнатушку. И у него, видно, такое же чувство. Только Нонну дома сын ждёт, поневоле нужно поторапливаться. А мужу в этом смысле проще…

Плачет Нонна, изливает матери свои обиды, но только понимания не находит. Ирине Петровне, понятное дело, дочку жаль. Тоже заплачет, но на своём крепко стоит: нельзя вам разводиться! Володька — это во-первых, это ты сама понимаешь. А во-вторых, пропадёшь ты без мужа, одна будешь век коротать. Чем тебе он неугоден? Не пьёт, правда ведь? Не гуляет по бабам, глазами на чужие юбки не стреляет. А ведь мужик красивый — такой только мигнёт, как сразу девки сами на него вешаться начнут. Так нет же, соблюдает верность. Честный, этого у него не отнимешь. Что, может, неправду говорю? Я ведь, доню, насмотрелась за свою жизнь, какие они, мужики, бывают. Вон сколько семей перед глазами прошло… А хоть бы и отчима твоего взять. Чем в конце концов наша жизнь с ним закончилась, сама ведь знаешь. А тут — мужчина хороший, домашний, добрый. Он тебя никогда не бросит — надёжный потому что. Семьянин он, только ты по глупости пока этого не понимаешь, потому что на принца какого-то рассчитывала. А в жизни по-другому выходит чаще всего. Говоришь, скучно тебе с ним, не разговаривает? А что лучше, если бы пьяные скандалы каждый день устраивал да тебя вокруг дома гонял? Да Володьке только такой отец, как Слава, и нужен. Ты уж мне поверь! Говоришь, не любит сына? Так это у мужиков часто бывает, что не сразу привыкают к детям своим. На всё время нужно, а ты слишком нетерпеливая, всё сразу хочешь. Сама говоришь, что он теперь чаще стал с маленьким играть, на руки брать, что смеются весело, руки друг к другу тянут… Так что про развод даже не помышляй — лучшей доли не найдёшь, и не рассчитывай. А пальцами все сразу тыкать начнут. Он-то себе быстро найдёт кого-нибудь, ему-то куда как просто будет. А вот ты нагорюешься одна, так вспомнишь мои слова… Терпи, доню, пока терпится.

И Нонна… терпела дальше. Терпела ради сына, терпела и из страха перед будущим, из боязни людского осуждения, из нежелания огорчать мать, которую по-прежнему любила и уважала.

Но что мы всё о семейной жизни говорим? Ведь всем известно и не раз с высоких трибун оглашалось, что для советского человека счастье — прежде всего в созидательном труде на общее благо. «Раньше думай о Родине, а потом о себе» — вот ведь слова какие замечательные в песне звучат.

Увы, на трудовом фронте дела у молодой актрисы

складывались тоже далеко не лучшим образом. Да, как мы уже упоминали, институт окончен с отличием. Да, лауреатке Сталинской премии и её мужу нашлись вакансии в Театре-студии киноактёра. А дальше-то что?

Но вначале — несколько слов о театре, в который пришли работать супруги Тихоновы. Создали театр-студию (позже он получил название «Государственный театр киноактёра») не когда-нибудь, а в декабре 1943 года, в разгар войны. В исходе её на тот момент уже никто не сомневался. И у Советской державы нашлись ресурсы и возможности, чтобы поддержать киноактёров разных поколений. Фильмы ведь снимаются не каждый день, так вот вам возможность для регулярного заработка, а также для того, чтобы квалификацию сохранять, выступая между киносъёмками в спектаклях. Во всяком случае, такая была первоначальная идея.

Отвели под театр здание новое, построенное архитекторами Весниными в тридцать первом году. Там раньше располагалось Общество политкаторжан. В жестоких царских тюрьмах ведь многие революционеры побывали, прошли через каторгу и ссылку. Вот теперь страна победившего социализма и нашла возможность поддержать материально и морально борцов за светлое будущее, отвела им Дом политкаторжанина… Правда, постепенно ряды общества начали сокращаться. Кто-то выбыл, так сказать, естественным путём — годы и возраст сделали своё чёрное дело. А были и такие, что «врагами народа» оказались — вот и поехали за казённый счёт по привычному им маршруту из Москвы, благо лагерей теперь хватало от Соловков до Чукотки, а великие стройки социализма, гиганты индустрии требовали всё новых и новых рабочих рук.

Как бы там ни было, но к моменту прихода в театр-студию в 1950 году молодых выпускников ВГИКа о политкаторжанском прошлом здания уже практически ничто не напоминало. Нонна, впрочем, об истории этого дома узнала от старожилов и в грустные минуты жизни иногда сравнивала себя с каторжанкой, которая тянет на себе мужа, сына, сражается с вечным безденежьем и прочими прелестями послевоенного быта. А где же новые роли, где буря чувств, которую так хочется выразить на экране, где радостные аплодисменты зрителей? Словно и не было ошеломляющего успеха «Молодой гвардии», словно не узнавали на улицах, не носили актёров на руках… И премии словно не было… С грустной улыбкой вспоминала Нонна свои радужные мечты и планы, которые так заманчиво кружились в голове, когда ехала на родную Кубань, навьюченная покупками.

А получалось, что громкая слава, пришедшая к актёрам

фильма «Молодая гвардия», теперь играла с ними недобрую шутку. Особенно с теми, кто исполнил в фильме Герасимова главные роли. Вот и Владимира Иванова режиссёры брать в свои фильмы не хотели: а зачем нам, чтобы зрители видели прославленного Олега Кошевого в персонаже совсем иного сюжета? И с Нонной та же картина получилась — если кто из режиссёров и приглашал поначалу на кинопробы, то затем под разными вежливыми предлогами отказывал. А некоторые прямо говорили, что вторая «Ульяна Громова» им не нужна. В этой ярко исполненной роли молодая актриса была настолько убедительна, что даже искушённые в кинематографе и актёрских амплуа люди поддались всеобщему впечатлению и, может быть, подсознательно ассоциировали героиню с самой исполнительницей. Боевая, напористая, энергичная и в то же время романтичная героиня в некотором роде даже пугала режиссёров, особенно если они задумывали совсем иную концепцию своих будущих фильмов. Никто ведь не видел, как плакала порой Нонна в проходной коммунальной комнатушке над горькой судьбинушкой, над бытовыми и денежными неурядицами, как томилась и страдала от отсутствия любви или хотя бы простого понимания со стороны мужа. Нонна Мордюкова словно ушла в тень героической подпольщицы, Героя Советского Союза Ульяны Громовой.

Может, Сергей Герасимов рассмотрел бы в своей ученице иные душевные и актёрские качества, чем проявленные в образе Громовой, но он как раз в это время отошёл от художественного кино. Важное партийное задание пришлось выполнять — в содружестве с китайскими кинематографистами. Совсем недавно, в сорок девятом, Коммунистическая партия Китая во главе с товарищем Мао Цзэдуном после многих лет гражданской войны завершила освобождение материковой части Китая от гоминьдановской клики фашистского диктатора Чан Кайши. Сам он с остатками своих войск сбежал на остров Тайвань, откуда строит планы возвращения к власти. А китайский народ, рабочие и крестьяне тоже приступили к строительству социализма. Товарищ Мао приезжал в Москву, встречался с Иосифом Виссарионовичем, тогда же был подписан договор о дружбе и взаимопомощи между СССР и Китайской Народной Республикой. Мировой лагерь социализма в итоге значительно укрепился и расширился. А теперь китайские и советские товарищи помогают братьям из Северной Кореи в их нелёгкой борьбе против американского империализма и его южнокорейских пособников. Война в Корее идёт уже не один месяц, и окончания ей пока не предвидится. Как же в таких международных условиях не снять

для массового советского зрителя документальный фильм под названием «Освобождённый Китай»? И кому же доверить эту миссию, как не одному из опытнейших режиссёров — Сергею Герасимову?

Фильм Герасимов снял — «Освобождённый Китай» вышел на советские киноэкраны в 1950 году, принеся на следующий год режиссёру уже третью по счёту Сталинскую премию. Всё замечательно… Только вот Нонне, если честно сказать, от этого не легче было, а скорее, наоборот. Не хотят снимать её другие режиссёры…

Позже некоторыми кинокритиками и журналистами этот период был назван временем «сталинского малокартинья». Они же утверждали, что говорить о какой-либо дискриминации по отношению к Мордюковой не приходится, поскольку подобные перерывы по нескольку лет были у многих актёров и актрис того времени. Но это ведь под каким ракурсом посмотреть…

Действительно, в послевоенные годы в СССР зрителей новыми кинофильмами не особо баловали — в год снималось в среднем около восьми фильмов. И дело тут не в нехватке ресурсов — при желании найти финансы и для большего количества кинолент руководящие партийные органы смогли бы. Тем более что кинофильмы являлись одним из важнейших средств воспитания советского человека, особенно молодёжи, в правильном духе. Но… Вот эта-то важность кино как средства массовой идеологической работы и предопределяла отношение к каждому новому фильму — начиная со стадии подачи заявки на его создание, утверждения сценария, состава актёров и так далее — как к важному политическому мероприятию. А такие вещи, как известно, спешки не любят. Всё должно многократно пройти согласование и утверждение — вплоть до высших инстанций. И товарищ Сталин, как это мы уже видели на примере «Молодой гвардии», несмотря на всю свою занятость, руководил творческим процессом, давал свои ценные указания режиссёрам и сценаристам. И сам предварительно просматривал все снятые фильмы, принимая окончательное решение — выпускать ли их в таком виде на массовый экран или нет.

Так что термин «малокартинье» под собой основание имеет. Но ведь всё-таки фильмы снимались, актёры для участия в них приглашались — и далеко не у всех были при этом такие перерывы в четыре с лишним года, как у Нонны.

Ведь вот и у Вячеслава Тихонова столь продолжительного перерыва не было. Нонна, кстати, когда появилась на Кубани в первый раз с ребёнком на руках, сама тогда к матери приехала, без мужа. Потому что он на съёмках был, в киноэкспедиции, как

принято было выражаться в те годы. Роль в «Молодой гвардии» у Славы была второго плана, зрителю он не слишком примелькался, а красота его, благородные черты подлинно русского лица привлекли режиссёра Владимира Брауна, который начал на Киевской киностудии съёмки фильма «В мирные дни». Сюжет — самый актуальный для разворачивающейся холодной войны между миром социализма и его врагами из агрессивного блока НАТО. Советская подводная лодка во время учений потерпела аварию и опустилась на морской грунт. Но наши моряки не растерялись, не опустили руки, а стали устранять неисправности, чтобы вернуть боевой корабль в строй. И даже происки врага, чьи субмарины тут же оказались в этом районе с надеждой уничтожить нашу подводную лодку, не смогли помешать героическому экипажу. Так что и в мирные дни у советского человека всегда найдётся место для подвига — такую жизнеутверждающую мысль должен был вынести зритель после просмотра кинокартины.

Тихонов исполнил в фильме роль матроса-торпедиста Володи Гриневского. Постарался, хотя роль тоже не относилась к главным в картине, вложить в неё максимум своих актёрских умений. И работа его, в общем-то, была положительно оценена кинокритиками.

Перечисляя состав актёров, с которыми вместе пришлось сниматься, Вячеслав упомянул и дебютантку — Элина Быстрицкая неплохо справилась с ролью военного врача. А Нонна тогда и представить не могла, что с этой актрисой через несколько лет будет связано одно из самых больших разочарований в творческой карьере Мордюковой. Но не станем торопить события…

«В мирные дни» вышла на экраны в 1950 году, а уже в следующем году Вячеслав снова отметился в кинофильме. На этот раз — в картине «Тарас Шевченко». Фильм о великом украинском поэте и общественном деятеле, который известен также как автор прозы и художник, снимал режиссёр Игорь Савченко. Тихонову, правда, доверили роль совсем небольшую, фактически эпизод, его персонаж даже своей фамилии по сценарию не получил, а значился как «представитель молодёжи Петербурга», с которым, в числе других, общался Шевченко. Но всё-таки новая роль, всё-таки ещё одно появление на экране, да и заработок какой-никакой, в конце концов.

Если Вячеславу особой славы роль в «Тарасе Шевченко» не принесла, то зато этот фильм прославил другого хорошего знакомого Нонны, коллегу Тихоновых по фильму «Молодая гвардия». Да, читатель, вы угадали — конечно же, речь о Сергее

Бондарчуке. В фильме Герасимова его роль большевика Валько, как мы знаем, была урезана после сталинских правок. Но уже в 1950 году Сергей Фёдорович снялся в фильме «Кавалер Золотой Звезды» по знаменитому в то время роману Семёна Бабаевского — в главной роли, сыграв Сергея Тутаринова. И пусть фильм этот спустя годы получил весьма критическую оценку как один из ярчайших примеров послевоенной лакировки действительности, замалчивания настоящих проблем в угоду помпезно-слащавым соцреалистическим схемам, но факт остаётся фактом — Бондарчук сыграл свою роль хорошо, убедительно. А через год на экраны вышел «Тарас Шевченко» — опять же с Бондарчуком в главной роли. И тут уж фортуна отсыпала актёру своих благ щедрой рукой. Фильм о великом украинце очень понравился Сталину. Его создатели, в том числе, разумеется, и Бондарчук, были отмечены Сталинской премией за 1952 год (Сергею по совокупности заслуг зачли и роль в «Кавалере Золотой Звезды»). Но и этого мало. По личному указанию Иосифа Виссарионовича Бондарчуку было присвоено звание народного артиста СССР. Причём сразу, без каких-либо промежуточных званий типа «заслуженного артиста». А ведь актёру только-только исполнилось тридцать лет: небывалый случай по тем временам, чтобы престижное звание было присвоено столь молодому по тогдашним меркам человеку.

Вячеслав Тихонов в пятьдесят втором году таких лавров, как Бондарчук, не снискал, но, тем не менее, ещё один фильм в свой актёрский список добавил. Режиссёр Владимир Браун, уже знакомый с Тихоновым по фильму «В мирные дни», затеял новую кинокартину — тоже на флотские темы, но уже не с современным сюжетом, а по мотивам классических «Морских рассказов» Станюковича. Фильм «Максимка» повествовал о том, как русские моряки во время дальнего плавания подобрали беззащитного негритёнка, подружились с ним, защищали от врагов и опасностей, окрестив найдёныша Максимкой. В итоге Максимка стал юнгой и их товарищем по морской профессии. Тихонов сыграл в фильме роль достаточно заметную — лейтенанта Горелова. Ему удалось воплотить на экране черты подлинного русского интеллигента с гуманистическими убеждениями, которые разделяли лучшие офицеры российского флота во все времена. И вновь специалисты в области кино положительно отозвались о работе молодого актёра.

Нонна не то чтобы завидовала своим более удачливым коллегам (хотя не будем лукавить: не раз она сравнивала в душе собственную актёрскую участь с теми, кто, казалось, шел по жизни, не чувствуя под собой земли, как баловни судьбы). Ей

очень хотелось не только узнавать об удачах других, но и самой сыграть наконец какую-нибудь значительную роль. Дебют Мордюковой в кинематографе благодаря стечению обстоятельств и таланту актрисы оказался ярким и заметным событием в мире кино. Ей не пришлось, как многим, постепенно подниматься по ступенькам карьеры, снимаясь в эпизодах или незначительных ролях в ожидании момента, пока наконец режиссёр даст ей роль главную. Она сразу оказалась на вершине славы и в некотором роде успела уже привыкнуть к успеху, к зрительскому вниманию и к уважению коллег. И тем большей неудачницей казалась себе сейчас, когда о новых ролях трудно было и помышлять.

А между тем была ещё одна актриса, чей громкий триумф затронул-таки сердце кубанской казачки. Тем более что в своё время между ними существовал некий негласный дух соперничества, а из скрытого конфликта победительницей вышла на тот раз Мордюкова.

Как опять догадался внимательный читатель, речь идёт о Кларе Лучко. Мы оставили её в нашем повествовании в момент, когда Сергей Герасимов отказался дать ей роль Ульяны Громовой и Кларе пришлось играть в «Молодой гвардии» эпизодическую роль Марины — тётушки Олега Кошевого. Как мы помним, Лучко в то время под влиянием нанесённой ей обиды всерьёз помышляла об уходе из кино. Тем более что Сергей Герасимов, похоже, совсем забыл о некогда любимой ученице.

Но фортуна наконец улыбнулась и Кларе. Да ещё как улыбнулась! Режиссёр Иван Пырьев доверил ей одну из главных ролей — молодой колхозницы Даши Шелест — в фильме по сценарию Николая Погодина «Кубанские казаки». Уже само название фильма не могло не вызвать протестующих чувств в душе Нонны Мордюковой: кому, как не ей, настоящей кубанской казачке, сыграть бы эту роль?!

Увы, её кандидатура не прельстила режиссёра и даже не рассматривалась. И вообще, при съёмках «Кубанских казаков» довольно ярко проявился любопытный принцип подбора актрис на ведущие женские роли: даже если сюжет развивался на сельскохозяйственном фоне, в селе или станице, главными героинями почти всегда становились артистки с городской внешностью. Типаж простой русской женщины, которому вполне соответствовала Мордюкова, не пользовался спросом у режиссёров. Вот и в «Кубанских казаках» роль председательницы колхоза исполнила Марина Ладынина, которую вряд ли можно было причислить по облику к типичным сельчанкам… Однако гораздо более весомым являлось то обстоятельство, что актриса была женой режиссёра фильма Ивана Пырьева.

По ходу развития сюжета музыкальной комедии развивались и любовные взаимоотношения между двумя парами героев — постарше (персонажи Марины Ладыниной и Сергея Лукьянова) и помоложе (Клара Лучко в роли Даши Шелест и Владлен Давыдов — в роли удалого колхозника-коневода Николая Ковылёва). Понятно, что всё в конце концов заканчивалось «хеппи-эндом» (голливудское словцо советскими режиссёрами тогда не употреблялось, но сути дела это не меняло). А разворачивалась любовь героев на фоне процветающего сельского хозяйства, богатых колхозов всесоюзной житницы — Кубани. Съёмки, кстати, проходили в совхозе «Кубань», который был одним из немногих преуспевающих хозяйств Краснодарского края, имел миллионные прибыли и выступал как бы в качестве парадного фасада незавидной послевоенной колхозной деревни, разорённой и изнурённой постоянной нищетой. Важную роль для завязки сюжета играла межколхозная ярмарка (фильм поначалу и назывался «Весёлая ярмарка»), декорации которой были специально сооружены в совхозе для съёмок кинокартины. Цветной и красочный по тем временам фильм с задорными песнями Исаака Дунаевского на слова Михаила Исаковского понравился зрителям. А самое главное — он понравился товарищу Сталину, расценившему показанное на экране как лишнее доказательство мудрой политики партии в области процветающего сельского хозяйства. Хотя уже тогда звучали отдельные робкие высказывания, что фильм чрезмерно приукрашивает действительность, а нередко вообще напоминает сказку (добавим, что во времена Хрущёва этот символ сталинского кинематографа на долгие годы был снят с экранов), всё-таки рядовой советский зритель отнёсся к «Кубанским казакам» положительно. Да, сказка, но зато какая красивая, позволяющая забыть о лишениях и трудностях, вселяющая надежду на лучший завтрашний день… Полтора часа счастливой жизни, ярких впечатлений — это ли не подарок простому труженику?

Как бы там ни было, а для Клары Лучко «Кубанские казаки» стали настоящим триумфом, позволившим ей наконец-то забыть про связанные с «Молодой гвардией» огорчения. Фильм появился на экранах в 1950 году, а через год его создатели, в том числе и Лучко, были награждены Сталинской премией. Ещё приятнее была огромная популярность среди зрителей, когда актрисе ежедневно приносили пачки писем от поклонников, предлагавших разделить с ними совместную жизнь… Между тем личная жизнь самой артистки тоже наладилась благодаря фильму — она вышла замуж за партнёра по съёмочной площадке Сергея

Лукьянова и прожила с ним полтора десятилетия, до самой преждевременной смерти артиста.

Вряд ли Нонна Мордюкова особо задумывалась о различии между «Молодой гвардией» и «Кубанскими казаками». Между тем оба фильма хотя и носили общий мифологический характер, но существенно различались. «Гвардия» была мифом-легендой о героическом подвиге, реально совершённом подпольщиками, тогда как «Казаки» — мифом-сказкой о том, чего в жизни нет и вряд ли когда-нибудь будет… Так или иначе, но интуитивно Нонна чувствовала, несмотря на ряд достоинств фильма, фальшивый налёт, покрывавший «Кубанских казаков». Как будто не ездила она регулярно на свою родину и не видела того, что в самом деле происходило на селе, как голодно и бедно в действительности жили люди?! Оставалось разве что воспринимать «Кубанских казаков» как средство для успокоения людских душ, как красочную сказку, которая позволит зрителю забыть о тяготах жизни хоть на время… Впрочем, куда больше, чем над сутью фильма, размышляла Нонна о собственной неудачной актёрской судьбе. Когда же хоть что-нибудь изменится к лучшему?

Глава 6

И вот настал счастливый миг, когда что-то действительно сдвинулось в лучшую сторону. О Мордюковой-киноактрисе вспомнили. Нет, это не была главная роль, но тем не менее…

В 1952 году один из опытнейших советских режиссёров того времени, народный артист СССР, трижды лауреат Сталинской премии, начинавший свою карьеру ещё в середине 20-х годов, в эру немого кино, Всеволод Пудовкин начал снимать фильм «Возвращение Василия Бортникова». В основу картины легли мотивы романа Галины Николаевой «Жатва», а сценарий к фильму написала сама Николаева в соавторстве с Евгением Габриловичем. Сюжет, несмотря на некоторую идеализацию образов героев в духе тогдашних установок, был всё же довольно правдоподобен для страны, недавно пережившей страшную войну, во время которой по разным причинам распались многие и многие тысячи семей. Главный герой, Василий Бортников, который до войны был председателем колхоза, вернулся в родные края только через несколько лет после войны, поскольку вследствие полученной на фронте контузии очень долго лечился в госпиталях. К тому времени, считая его погибшим, жена Бортникова связала свою судьбу с другим мужчиной, колхозным механиком. Возникновение драматичного треугольника больно ударило по всем его участникам. Василий старается забыться, с головой уйдя в работу — его вновь избрали председателем и он поднимает разорённое военным лихолетьем хозяйство. А в дальнейшем жизненные обстоятельства складываются так, что он обретает и утерянную, казалось бы, любовь и семью…

В фильме среди других артистов снимались супруги Сергей Лукьянов (в роли Бортникова) и Клара Лучко. Одну из ролей исполнила коллега Мордюковой по «Молодой гвардии» Инна Макарова. Сама же Нонна играла эпизодическую роль колхозницы Насти Огородниковой. И всё-таки это было радостное для неё событие — словно некий прорыв из многолетнего актёрского забвения… Тем более радостное, что Всеволод Илларионович Пудовкин высоко оценил достоверную и убедительную манеру исполнения Нонной её роли и признавался, что подумывал о том, чтобы дать Мордюковой главную женскую роль. Однако съёмки шли уже полным ходом и что-то менять было поздно. Зато режиссёры после выхода фильма убедились наконец, что Нонна способна исполнять разноплановые роли. Эта небольшая роль помогла ей расстаться с тяготевшим над ней образом Ульяны Громовой.

В 1953 году Мордюкову пригласили в фильм «Калиновая роща», правда, роль ей опять досталась пока что второстепенная — Надежды Романюк.

В 1955 году режиссёр Михаил Швейцер затеял фильм по мотивам повести Владимира Тендрякова «Не ко двору». Картина получила название «Чужая родня». Основной конфликт фильма строился на столкновении колхозного активиста, передового труженика Фёдора Ряшкина с политически отсталыми родителями его жены Стеши, которые выступали против колхозного строя в деревне. Стеше, чью роль исполнила Нонна Мордюкова, приходилось в душе разрываться между любимым мужем и отцом с матерью, которых она тоже по-своему ценила и уважала. Несмотря на заданные определённые идеологические рамки, в которых развёртывался упомянутый конфликт, Мордюковой удалось наделить свою героиню подлинными человеческими качествами, избежать шаблонности в воплощении роли. Её актёрский дуэт с Николаем Рыбниковым, который играл Фёдора, стал заметным явлением в фильме, привлекал напряжённостью разворачивающихся на экране отношений. Любознательные зрители после знакомства с фильмом не раз спрашивали актрису: неужели история любви героев Мордюковой и Рыбникова не получила никакого развития в реальной жизни? А та с улыбкой отвечала, что у Николая прекрасная семья — со времён студенчества он любит свою жену актрису Аллу Ларионову и остаётся ей верен…

Собственно, Мордюкову могли и не взять на роль Стеши. После кинопроб художественный совет раскритиковал её кандидатуру. Но Швейцер проявил настойчивость, рассмотрев в актрисе все необходимые для своего замысла задатки. Мордюковой в «Чужой родне» особенно помогло детальное знание особенностей сельского быта, она выглядела естественной даже в мелочах, умело расставляя нужные акценты в образе героини. Стеша Ряшкина постепенно, после тяжёлых переживаний пришла к выводу о необходимости порвать с родителями ради любви к мужу. Согласно замыслу создателей фильма, такой выбор свидетельствовал, что перемены в деревне необратимы и колхозное строительство сметёт на обочину всех, кто пытается ему противиться… А для Нонны полученная после многолетнего ожидания главная роль стала памятной и дорогой, хотя сам фильм с течением времени начал забываться зрителями, и даже отображённый в нём конфликт добра и зла спустя десятилетия воспринимается совсем иначе.

В пятьдесят седьмом году режиссёр Исидор Анненский экранизировал роман Анатолия Рыбакова «Екатерина Воронина».

Будущий автор «Детей Арбата» был в то время известен прежде всего своими книгами для детей и юношества, среди которых наибольшую популярность получила повесть «Кортик», также экранизированная. В «Екатерине Ворониной» Рыбакову и Анненскому удалось по мере сил перешагнуть рамки традиционного для советского кино производственного фильма, в худших образцах которого отношения между героями служили только неким довеском к отображению трудовых будней строителей коммунизма. Хотя сюжет связан с работой речников, а действие разворачивается в порту и пароходстве, но на первый план создатели фильма сумели поставить прежде всего отношения между людьми, конкретными личностями с их сильными и слабыми чертами характера… Нонна сыграла в фильме эпизодическую роль крановщицы Дуси Ошурковой.

С этим временем связана одна из самых горьких обид в творческой биографии актрисы. Сергей Герасимов начал в 1957 году съёмки трёхсерийной киноэпопеи «Тихий Дон» по знаменитому роману Михаила Шолохова. Грандиозный по тем временам замысел изначально сулил картине успех. Но дело не в том, что Нонна рассчитывала на какие-то будущие награды (забегая вперёд, скажем, что «Тихий Дон» был в 1958 году отмечен престижными премиями на международных кинофестивалях в Брюсселе, Карловых Варах и Москве). Она полагала, что Герасимов, оценивший исполнение ею роли Аксиньи в дипломном спектакле ВГИКа, пригласит её на эту же роль в свой фильм. К тому же она ведь исконная казачка, имеет богатый опыт станичной жизни. Но Сергей Аполлинариевич рассудил иначе — роль Аксиньи досталась Элине Быстрицкой, той самой, что несколькими годами ранее дебютировала в фильме «В мирные дни» вместе с Вячеславом Тихоновым. По сути, повторилась та же история, что перед началом съёмок «Молодой гвардии», когда роль Клары Лучко в дипломном спектакле не дала ей никаких преимуществ перед Мордюковой. А Нонна теперь смогла уже с другой стороны — не победительницы, а проигравшей — оценить, какие чувства испытывала тогда Клара.

На всю жизнь зацепили душу обидные слова режиссёра, переданные услужливыми доброхотами: Быстрицкая, мол, красивее Мордюковой. А Нонна пыталась доказать своё: казачка — это ведь не какая-то смазливая куколка, это особое состояние души, тут должна ощущаться донская порода. Быстрицкая к тому же ведь горожанка по происхождению и образу жизни — где уж ей осилить такую роль?! Увы, никакие доводы не помогли. И осталось Нонне только с чувством досады и ревности следить за игрой соперницы. Подмечая при этом ошибки, не всегда, впрочем,

зависевшие от исполнительницы роли Аксиньи. Например, никогда не принято было у казаков целоваться на людях, а тут вон как смачно чмокается Аксинья с Григорием… Не раз передразнивала в кругу друзей и знакомых Нонна игру Быстрицкой: вот здесь та сплоховала, вот здесь не так нужно было играть! После премьеры фильма даже бросила несколько колких слов в лицо счастливой сопернице. Но разве такими подловленными мелочами утешишь боль оскорблённого самолюбия? И волей-неволей приходилось жить дальше, надеясь, что лучшие роли ещё ждут впереди… Хотя злые языки посмеивались: Мордюкова, мол, чуть с собой не покончила от обиды.

Одна из версий объясняет поступок Герасимова, отдавшего роль не Мордюковой, местью режиссёра, любовь которого артистка отвергла. В одном из интервью за несколько лет до смерти Нонна Викторовна и сама высказалась в этом духе: да, безумно влюбился, а потому, как человек прежнего воспитания, решил спросить благословения у Нонниной матери. Приехав к Ирине Петровне на Кубань, поведал о своих чувствах, но Мордюкова-старшая отнеслась к исповеди немолодого уже режиссёра без особой радости, тем более что сама перед тем не раз уговаривала дочь сохранить брак с Тихоновым. Отговорилась тем, что Нонна давно взрослая, так что пусть сама решает и выбирает. Так своеобразное сватовство Герасимова ни к чему не привело, за что он и отомстил Мордюковой, распределяя роли в «Тихом Доне». Нонна в упомянутом интервью прибавила также, что отказалась от любви Сергея Аполлинариевича вполне осознанно, потому что сама-то любовного чувства к нему не испытывала, а поступаться принципами ради вожделенной роли сочла невозможным для себя. Хотя в глубине души не верила, что Герасимов сможет так жестоко отомстить и разрушить её мечту об Аксинье.

Что же, версия красивая и драматичная, но есть в ней некоторые неувязочки. В одном из пересказов на данную тему мелькнуло из уст Мордюковой выражение: «Я его бросила». Вообще-то отказаться от любовных отношений ещё до их начала и «бросить» — понятия разные, но спишем игру слов на стилистические вольности бравших интервью журналистов. А вот ещё одна история: Герасимов якобы закрутил настолько бурный роман с Мордюковой, что его даже вызвали в ЦК партии и посоветовали образумиться, если хочет продолжать режиссёрскую и преподавательскую карьеру. Не забывайте о моральном облике коммуниста, товарищ женатый народный артист!

И всё-таки что-то не вяжется во всех этих версиях и

вариациях, обросших за многие годы различными домыслами. Сама же Нонна всегда отрицала, что когда-либо крутила любовь с режиссёрами, тем более с женатыми, что изменяла за все годы брака Вячеславу Тихонову. Но о любовных табу актрисы мы поговорим позже, а пока лишь подчеркнём, что Герасимов всю жизнь оставался для Мордюковой одним из самых лучших и любимых режиссёров, с кем ей довелось работать…

В 1958 году режиссёром Юрием Егоровым был снят фильм «Добровольцы» по роману в стихах Евгения Долматовского. Герои кинокартины, комсомольцы предвоенных пятилеток, трудятся на строительстве Московского метро, а некоторые из них ещё и занимаются в аэроклубе. С авиацией связана их дальнейшая судьба — в годы войны они сражаются с врагом, защищая от него советское небо… В фильме снимались такие именитые актёры, как Михаил Ульянов, Леонид Быков, Пётр Щербаков, Элина Быстрицкая и другие. Нонне же вновь досталась роль эпизодическая — одной из метростроевок. Даже без фамилии. Собственно, поначалу режиссёр вообще пригласил её в массовку. Работает себе в шахте девушка в спецовке — и работает… Что ещё выжмешь из такого мини-эпизода? Однако Мордюкова смогла убедить Юрия Егорова, что скрытые резервы в этой сцене можно найти. И тут же, без какой-либо подготовки, начала напевать за работой арию Кармен из знаменитой оперы. Увлечённо, ни на кого не оглядываясь. И как-то так удачно получилось, что одна-единственная метростроевка (а больше в кадре никого и не было) сумела передать романтический дух стройки, где была задействована преимущественно молодёжь, оживила своим задорным пением всю шахту. А ещё (явно не без удовольствия!) перекинулась острым словцом с бригадиршей, чью роль исполняла Элина Быстрицкая…

Профессионально и с душой исполненные Мордюковой даже небольшие роли способствовали тому, что режиссёры всё активнее начинают приглашать её в свои картины. Так, в 1959 году на актёрском счету Нонны добавились сразу пять ролей, пусть и второстепенных: в фильме «Три рассказа Чехова», жены Аляхина в короткометражке «Ванька», Даши в картине «Всё начинается с дороги», Степаниды в «Отчем доме» и Матрёны Красильниковой в «Хмуром утре». «Хмурое утро», как известно, было частью экранизированной трилогии Алексея Толстого «Хождение по мукам». Матрёна — молодая ещё крестьянка, жена матроса Семёна Красильникова и сподвижница его брата Алексея, который в бурные годы Гражданской войны оказался у батьки Махно, используя любую возможность для обогащения. В 50-е годы подобные антисоветские персонажи с кулацкой подноготной

изображались, естественно, отрицательно. И всё-таки в роли Матрёны Нонне удалось проявить и другие черты: в смутное время она, как может, старается сберечь свой дом, устоять перед стихией обстоятельств…

Что касается фильма «Отчий дом», то снимал его режиссёр Лев Кулиджанов. На год старше Нонны, он уже успел создать себе имя в отечественном кино, хотя находился ещё только на пути к своим высшим достижениям (а среди них, как впоследствии оказалось, были не одни лишь снятые фильмы и престижные награды, но и номенклатурные должности в Союзе кинематографистов, которым Кулиджанов руководил свыше двадцати лет, в партийных структурах, вплоть до членства в ЦК КПСС и депутатства в Верховном Совете СССР). Тем не менее талант Льва Александровича признавали даже его недруги, а сниматься у него хотели бы многие актёры. Не стала исключением и Нонна. Сценарист придумал интересный, даже драматичный сюжет: живущая в зажиточной семье девушка-горожанка узнаёт, что её настоящая мать — простая сельская женщина, которая потеряла дочь в военном лихолетье. Психологическое столкновение двух миров и двух мировоззрений, ранее почти не пересекавшихся, и составляло основу фильма.

Актрисе очень хотелось получить роль в «Отчем доме». Уже и пробы прошла. Но ещё художественный совет должен заседать, выносить окончательный вердикт насчёт распределения ролей. Нонна по чьему-то совету даже решила поставить свечку в церкви Николаю Угоднику — у него, дескать, мать Нонной звали, поэтому проси у него заступничества. Верующей актриса себя не считала — не то воспитание прошла с детства, но всё-таки за подсказку ухватилась и направила в храм с поручением младшую сестру… Как бы там ни было, но роль в «Отчем доме» досталась Мордюковой.

Как известно, в тогдашнем советском кинематографе и речи не могло быть о каких-то откровенных сценах. Даже поцелуи в кадре были явлением довольно редким. Впрочем, усвоенное Нонной с детства правило избегать демонстрации своих чувств на людях (и с Тихоновым, как мы помним, они в своё время тоже целовались на пустынных лестничных площадках в общежитии, вдали от людских глаз) не позволяло ей раскрепощаться на съёмочной площадке даже по заданию режиссёра. В «Отчем доме» её героине пришлось целоваться с героем Валентина Зубкова, но оба чувствовали себя неловко, напряжённо. Вспомним в этой связи и критику Нонной сцены из «Тихого Дона», где Мелехов с Аксиньей прилюдно целуются…

Между тем одна из сцен кулиджановского фильма получила своеобразное продолжение через несколько лет. Находящаяся в расстроенных чувствах Степанида (героиня Мордюковой) плачет, а на попытки председателя колхоза успокоить её через слёзы выдаёт страстный монолог, что когда-то, во время войны, она сама руководила колхозом и была всем нужна, а теперь оказалась ненужной, неугодной, не у дел. С подачи директора киностудии имени Горького, на которой снимался фильм, у драматурга Будимира Метальникова возникла идея развить эту тему и рассказать о женщине, которая в тяжелейших условиях руководила коллективным хозяйством. И он взялся за новый сценарий…

Но мы несколько увлеклись рассказом об актёрских работах наконец-то востребованной кинематографом Нонны Мордюковой. А что происходило в эти годы в её личной жизни, как складывались отношения с мужем?

Актёрская биография Вячеслава Тихонова между тем развивалась достаточно успешно. Как впоследствии констатировал сам актёр, после «Молодой гвардии» его пути в кино с Нонной разошлись — у каждого были свои режиссёры, свои фильмы (хотя, если рассмотреть эту тему более детально, то мы увидим, что пару раз пути эти пересекались. Точнее, Тихонов и Мордюкова изредка всё-таки снимались в одних и тех же фильмах, только не всегда по сценарию их персонажи встречались на экране).

Вячеслав проявил себя в это время и как театральный актёр — в поставленном режиссёром Гариным в Театре-студии киноактёра спектакле по пьесе Евгения Шварца «Обыкновенное чудо» с блеском исполнил роль Медведя (как много позже в одноименном фильме ту же роль сыграл Александр Абдулов).

В свой кинематографический багаж в середине 50-х годов Тихонов добавил роли лейтенанта Данченко в фильме «Об этом забывать нельзя» (1954), курсанта военно-морского авиационного училища Олексы Лавринца в картине «Звёзды на крыльях» (1955), врача-терапевта Леонида Голубева в фильме «Сердце бьётся вновь» (1956). Роли далеко не самые ведущие, но исполнял их Вячеслав добросовестно, расцвечивая даже эпизодических персонажей оригинальными красками. А переломной стала для него роль в фильме «Дело было в Пенькове» (1957 год). Фильм этот снял по мотивам повести Сергея Антонова режиссёр Станислав Ростоцкий. Сюжет разворачивается в деревне, поэтому съёмки в основном проходили в Клинском районе Подмосковья. Роль сельского тракториста Матвея Морозова, его непростые отношения с женой Ларисой и с Тоней, которых играли

соответственно Светлана Дружинина и Майя Менглет, драматическая судьба простого русского парня нашли отклик в душах зрителей, а Вячеслав после этого фильма стал одним из самых узнаваемых и любимых актёров советского кинематографа. Популярности фильма способствовали и прозвучавшие в нём лирические песни, одна из которых, «Огней так много золотых», стала по-настоящему народной. А Нонна впоследствии не раз говорила, что роль Морозова была самой созвучной характеру В.Тихонова из всех, сыгранных им. По сути своей он был таким же самым простым парнем, хотя пришлось ему играть и князей, и штандартенфюреров, и министров…

Кстати, в том же 57-м году Вячеслав сменил место работы, перейдя из Театра-студии киноактёра на киностудию детских и юношеских фильмов имени Горького. Нонна же осталась в театре.

После «Дело было в Пенькове» за пару лет Вячеслав снялся ещё в нескольких кинокартинах: в 1958 году сыграл матроса-одессита Виктора Райского в «Чрезвычайном происшествии» (фильм рассказывал о захвате советского корабля врагами-чанкайшистами близ берегов Китая), в 59-м — лейтенанта-сапёра Андрея Рукавичкина в «Майских звёздах» и советского разведчика Олега Безбородько, заброшенного в немецкий тыл, в «Жажде», в 60-м — мичмана Панина, главную роль в одноименном фильме, в 1961 году — князя Сергея Нащекина в фильме «Две жизни», в 62-м — капитана Суздалева в картине «На семи ветрах». В той или иной степени талант актёра проявился во всех этих образах, но, как мы теперь знаем, самые главные его роли были ещё впереди…

Увы, на семейном фронте у Тихоновых оставалось, по большому счёту, всё без перемен. Несмотря на участившиеся съёмки в фильмах, семья по-прежнему страдала от хронического безденежья, от коммунально-квартирных неурядиц. Нонна порой с завистью поглядывала на коллег-актрис, которые всё больше входили во вкус красивой жизни, щеголяли эффектными платьями и дорогими шубами, начали уже выезжать на зарубежные кинофестивали. Особенно те, у кого мужья — режиссёры или другое киношное начальство. Дело житейское, о чём тут толковать, но всё равно обидно было ощущать себя некой замарашкой на столь блистательном фоне.

В поисках дополнительных источников дохода для семьи Нонна стала всё чаще ездить по стране с выступлениями по линии общества «Знание». Выступали в школах, в трудовых коллективах, перед студентами… Творческие встречи с писателями, актёрами, именитыми спортсменами входили в моду, собирали зрительские аудитории, а ещё, что немаловажно, оплачивались. Деньги, по сути, небольшие — несколько десятков

рублей за выступление (а дело ведь было ещё до денежной реформы 1961 года, после которой рубль деноминировался в десять раз), но для семейного бюджета подспорье. При этом Нонна старалась не халтурить, не гнаться за деньгами только ради денег. Она справедливо считала, что такие вечера — тоже форма популяризации кино, приобщения зрителей к миру искусства, духовности. Не отказывалась ни от единого приглашения, не раз выезжала из Москвы в другие города.

Огорчало только, что Вячеслав относился к её выступлениям скептически: дескать, размениваешь талант на медяки… Некрасиво получается, профанация искусства какая-то, если вдуматься. «Что же делать?» — пыталась возразить Нонна. Есть-пить, сына растить как-то надо. Если нет регулярных ролей в кино, приходится заниматься хоть этим.

Нонна уже смирилась со своей функцией мужика-добытчика в семье. Тихонов же из-за безденежья особо не комплексовал. И если между съёмками имелся более-менее длительный перерыв, а обычно так и было, то направлялся куда-нибудь на природу, на рыбалку или грибы собирать. Хорошо хоть, что сына старался приобщить к своим любимым занятиям. А ещё среди увлечений Тихонова всё более прочное место занимал футбол. Не в смысле игры, а в смысле болельщицких походов на стадионы, благо матчи в столице проходили постоянно.

В ссоры и пререкания с женой Тихонов вступал редко, но на своём настоять мог, а чаще всего просто поступал в спорных ситуациях по-своему, ставя остальных членов семьи перед фактом. Вольно или невольно, но у Нонны в памяти накапливались обиды, связанные с таким отношением к ней. Особенно запомнилось, как однажды заболела и слегла с температурой, от которой термометр почти зашкалил. Тихонов между тем собрался на очередной матч. Как ни просила Нонна остаться дома на всякий случай — ведь сын ещё в школе, а ей может стать совсем плохо — оделся и ушёл, хлопнув дверью. А вернувшись домой после матча, с порога устремился к кровати, на которой лежала жена, со словами заботы опустился рядом с ней на колени и начал ладонью измерять температуру…

Вообще-то Вячеслав, по словам его супруги, всегда иронически воспринимал её болезни. Организм у тебя крепкий, закалка казачья с детства имеется, так что ничего страшного, одолеешь любую хворобу… Был случай, когда Нонна опять тяжело заболела. Лежала на кровати, стонала, не в силах сдержаться. Тихонов в это время играл в шахматы с зашедшей в гости Нонниной подругой. На стоны жены никак не реагировал, разве что спросил с улыбочкой: зачем стонать, ведь легче от этого

вряд ли станет… В конце концов стонов не выдержала подруга и вызвала неотложку. Мордюкову госпитализировали. Надеялась, что муж будет дежурить где-то поблизости, но не тут-то было. За всё время лечения проведал один только раз. А когда настал день выписки из больницы, вспоминала впоследствии актриса, тоже учудил. Вопреки её просьбе не привёз ничего из одежды (из дому ведь Нонну «Скорая» забрала в одной ночной рубашке, а в больнице она лежала в казённом халате). Приехав на такси, снял с себя плащ из модной тогда болоньи и надел на супругу. А когда проезжали мимо базара, где торговали продукцией подмосковные колхозы, протянул Нонне заранее приготовленный бидончик: сходи, купи молока. Закусив от обиды губу, Нонна в одном плаще направилась за покупкой. Погода между тем стояла уже не летняя, голые ноги застыли. В итоге к вечеру температура у Мордюковой вновь перевалила за 39 градусов. Начала звонить в больницу знакомой докторше, с которой за время лечения успела сдружиться. Со слезами пожаловалась, что болезнь вернулась. Врач прислала в коммуналку к Тихоновым медсестру, начали колоть уколы, температуру сбили. Хотя дело на поправку шло ещё долго…

При всей своей внешней интеллигентности Вячеслав вовсе не был мягкотелым или инфантильным человеком. Годы семейной жизни и на него оказали своё воздействие, в чём-то, если можно так сказать, закалили характер. Научился распоряжаться, командовать в семье, настаивать на своём. Голос руководящий отработал. В чём-то это и хорошо — например, когда Володька в школу пошёл, отец быстро установил для него строгий режим. Уроки тот выполнял без отговорок и отлыниваний, на которые так горазды дети. Отец — это не мама, которая сыночка балует и потакает его капризам. Тут такой номер не пройдёт…

Нонне, что там скрывать, многие знакомые женщины до сих пор ведь завидовали, причём некоторые не стеснялись и в глаза это говорить. Ещё бы — такой муж у тебя! Красивый, умный, талантливый, добрый… Предан тебе, на других женщин и не смотрит. Любит он тебя, да ещё как любит! Страдает по тебе, скучает, когда в отъезде…

А Нонне мало было этой самой преданности. Ей хотелось хотя бы самого элементарного в отношениях между супругами — любви. Хотелось, чтобы Вячеслав хоть иногда сказал о своих чувствах, чтобы обнял, поцеловал. Но… Сухарь — он и есть сухарь. Сидит каждый вечер у телевизора, слова не проронит… И главное, понимала ведь, что Тихонов — человек по сути хороший, во многом даже замечательный. Для большинства женщин больше ничего и не нужно, если такой муж рядом. Но вот главная

беда, горько усмехалась в душе Нонна, что не любит он меня. Не нужна я ему.

А кто бы из подруг, интересно, поверил, расскажи она, что тихий и молчаливый Тихонов и вспылить может. И ударить. Как отвесил ей однажды пощёчину, приревновав к одному из знакомых: что это ты так на него пялилась в компании всё время, прямо глаз не сводила? Слово за слово — и дошло до рукоприкладства. Ничем не ответила на удар, стерпела, даже не заплакала… А когда домашняя жизнь казалась особенно невыносимой, старалась переключиться на работу: хотя бы на те же поездки по линии общества «Знание». Или на съёмки, благо приглашать сыграть в кино стали всё-таки чаще.

Глава 7

В 1960 году Нонна сыграла в двух фильмах. Если роль Натальи Фадеевны в «Секретаре обкома» оказалась проходной и особых лавров актрисе не принесла, то фильм «Простая история», где она играла Сашу Потапову, стал одной из самых заметных вех на творческом пути актрисы. Согласно сюжету, простая колхозница, рано овдовевшая (муж её погиб на войне), оказывается во главе колхоза и изо всех сил поднимает отстающее хозяйство, не щадит себя и других, режет всем правду-матку, наживая недоброжелателей, переживая на этом фоне и горькое ощущение безнадёжной любви, но никогда не расставаясь с чувством собственного достоинства, черпая жизненную энергию из глубин этой же самой жизни…

«Простая история» снималась по уже упомянутому сценарию Б.Метальникова, написанному после фильма «Отчий дом» фактически для Мордюковой в роли главной героини. Драматург не держал свой замысел в тайне от коллег, совсем напротив, он охотно показывал наброски будущего сценария, прислушивался к советам коллег по студии. Не раз обсуждал замысел кинокартины и с планируемой исполнительницей главной роли. Тем более что события разворачивались опять-таки в сельской глубинке, а Мордюкова уже стала признанным экспертом в данной области среди киношников. В чём-то помогли ей, как когда-то при поступлении во ВГИК, начатые ещё в школьные годы записи интересных случаев из жизни, которые она старательно хранила. А ещё, безусловно, Нонна в работе над ролью Саши Потаповой опиралась на образ своей матери Ирины Петровны. Ведь та тоже была председателем колхоза, причём кубанские власти самым бессовестным образом эксплуатировали её трудовой энтузиазм, неумение работать плохо или с ленцой. Не раз бросали на прорыв в самые отстающие колхозы, находившиеся на грани полного развала. И Мордюкова-старшая наводила порядок, поднимала полуразрушенное хозяйство. А когда жизнь тут более-менее налаживалась, из райкома поступала новая директива — и приходилось снова повторять пройденное, тащить из болота очередной колхоз. Каждое такое расставание было тем более драматичным, что колхозники успевали полюбить Ирину Петровну за её душевное отношение, не слишком-то типичное среди тогдашних руководителей. Случалось, что и плакали, просили не покидать их колхоз. Но партийная дисциплина обязывала…

К моменту съёмок фильма «Простая история» уже многие

московские кинематографисты были знакомы с матерью Нонны Мордюковой, ведь Ирина Петровна не раз гостила у дочери и зятя. Нонна старалась скрасить каждый её приезд, добывая билеты или приглашения на театральные и кинопремьеры. Хотелось доставить матери хоть несколько радостных дней, отвлечь её от забот и будней… В Доме актёра у Ирины Петровны возник уже свой круг знакомых. С ней охотно общались и ценили её, восхищались её голосом известные режиссёры и актёры — тот же Сергей Герасимов, Алексей Дикий (до своей смерти в 55-м году), Владимир Самойлов, Рубен Симонов…

Образ Саши Потаповой, однако, не стал просто копией с Ирины Мордюковой. Это образ собирательный. Нонне во время войны и в послевоенные годы много пришлось насмотреться на женщин, которые тянули на себе сельское хозяйство страны взамен ушедших на фронт и не вернувшихся мужчин. Для многих полученные похоронки перечеркнули всю последующую жизнь, навсегда преградили путь к семейному счастью. А более молодые женщины, ещё не испытавшие до войны чувства любви, нередко так и оставались одинокими. Война продолжала напоминать о себе и через много лет после окончания, в том числе и таким вот невесёлым образом. Роль Саши Потаповой Нонна решила посвятить всем женщинам, которые не обрели своего женского счастья.

Будимир Метальников тоже достаточно хорошо знал жизнь тыла во время войны. Фронтовик, он был тяжело ранен, потерял руку, после чего и оказался вдали от передовой. И не случайно его видение своей главной героини было во многом созвучно тому, что вкладывала в этот образ Мордюкова. Сашу Потапову можно считать их совместным творением. А внешняя фактура актрисы, которую изначально учитывал сценарист, тоже соответствовала образу женщины из народа: крепкая фигура, выразительные черты лица с южнорусским колоритом, тембр голоса… Внешность и жизненный опыт слились воедино, что и сделало образ Саши Потаповой таким убедительным.

Режиссёр «Простой истории» Юрий Егоров, двумя годами ранее уже снимавший Мордюкову в фильме «Добровольцы», не препятствовал актрисе в нынешней работе над ролью. Друг Сергея Герасимова, он в чём-то был продолжателем его традиций, а это помогало найти общий язык с герасимовской ученицей. Плюс тяга к новому, выходящая за рамки обычного любопытства. Егоров старался использовать то, что видел и слышал во время съёмок, для максимального улучшения будущего фильма, придания ему наивысшей достоверности. Однако режиссёр, хотя и снимал кино о деревне, не был особым знатоком колхозной

жизни. Так что Нонна стала у него консультантом. Как правило, её предложения и советы охотно принимались Егоровым, наиболее удачные реплики он встречал смехом и демонстративными аплодисментами. А актриса и рада была стараться, хотя иногда посмеивалась, что режиссёр использует её как «дойную корову». В атмосфере съёмок она чувствовала себя просто и органично, словно у себя в станице в детстве. А снимался фильм в деревне Лепешки близ подмосковного города Пушкино. Актёров расселили по сельским избам по несколько человек.

У Нонниной героини, согласно сценарию, в фильме была мать. Роль эту исполняла Ирина Мурзаева, ранее более известная как актриса комедийная. Нонна при всей их внешней несхожести часто сравнивала Мурзаеву со своей настоящей матерью. Роднило их в первую очередь какое-то хорошее чувство бесшабашности, стремление прожить жизнь насыщенно, без оглядки на сомневающихся критиков и суровые подчас обстоятельства. И смеялись, и любили, и, что греха таить, крепкое словцо могли употребить обе женщины от души. Нравилось Нонне, что Мурзаева всегда была в окружении людей — с ней стремились общаться и дети, которых она любила искренне, как и своего собственного сына, и взрослые.

Основным партнёром по съёмкам в «Простой истории» у Нонны был Михаил Ульянов. Как известно, роли в фильмах ему обычно доставались мужчин сильных характером, суровых (одна последующая эпопея с образом маршала Жукова чего стоит!). Но на самом деле, как с долей удивления убедилась актриса после более близкого знакомства, Ульянов в жизни был далёк от твердокаменного образа, в котором его многие воспринимали по фильмам. Это был интеллигентный, хорошо начитанный, далёкий от любого нахальства человек. Будучи актёром в первую очередь театральным, что давало ему постоянную занятость и стабильный заработок, Ульянов на киностудии вёл себя с чувством достоинства, ни перед кем из здешнего начальства заискивать не собирался, чувствуя за собой надёжные тылы — родной театр. Нонне, кстати, как она признавалась, нравилось сниматься в фильмах вместе с театральными актёрами, потому что дружеские или хотя бы приятельские отношения с ними позволяли посещать любимые театры, не боясь проблемы лишнего билетика, быть своей на всех громких премьерах.

Вообще-то с Ульяновым Нонна познакомилась за несколько лет до «Простой истории» и уже успела сыграть с ним в одном фильме — всё в тех же «Добровольцах» Ю.Егорова. На момент знакомства Ульянов ещё не был женат. Семейное счастье он

обрёл позже, когда женился на актрисе Алле Парфаньяк. Любопытно, как вспоминала впоследствии Нонна Викторовна, что счастливой семейной жизни Ульяновых поспособствовала первая, платоническая любовь Михаила к звезде американского кино Дине Дурбин. Заочно влюбившись в заокеанскую диву, Ульянов избрал актёрскую карьеру в надежде когда-нибудь оказаться в США и познакомиться с предметом своих мечтаний. Но судьбу встретил в «Щуке» — знаменитом театральном училище. Алла Парфаньяк, как оказалось, и манерой поведения, и внешностью, и стилем одежды во многом напоминала Дурбин. И выбор был сделан в пользу реально существующего рядом человека. О чём ни Михаил, ни Алла, насколько можно судить, не жалели. Потому что семья у них сложилась крепкая. А Михаил оказался даже подкаблучником у супруги — в хорошем смысле этого слова.

По ходу развития сюжета Саша Потапова всё больше сближалась с Андреем Даниловым, секретарём райкома партии (этого персонажа и играл М.Ульянов). Однако волею сценариста им не суждено было создать семью. Пожалуй, недаром хрестоматийной стала фраза героини: «Хороший ты мужик, Андрей Егорыч, но не орёл…» Однако после выхода на экраны «Простой истории» многие возмущённые зрительницы писали авторам фильма, что такая замечательная пара должна быть вместе. Актёрам тоже не хотелось расставаться с полюбившимися героями, и они даже предложили Метальникову написать сценарий второй серии. Однако Будимир отказался, справедливо рассудив, что чрезмерно слащавое окончание фильма будет противоречить жизненной правде — ведь до сих пор сколько женщин в одиночку несут свой крест, потому что их судьбы много лет назад исковеркала война…

Многие посмотревшие «Простую историю» кинозрители привычно отождествляли актёров и их персонажей. По этой логике естественно было предположить, что и в жизни, как на экране, должен существовать роман между Мордюковой и Ульяновым… Но невдомёк было зрителям, что сердце актрисы во время съёмок оказалось отдано совсем другому человеку. Тоже актёру (в «Простой истории» он исполнял роль Ваньки Клыкова). Правда, не совсем обычным был этот актёр: ощущалось в нём ещё что-то значительное, пусть пока не проявленное до конца, недоговорённое… Роль свою исполнял не просто талантливо, а с каким-то особенным блеском, даже шикарно, что ли, если так можно выразиться. Ощущалось, что жизнь деревни знает до мельчайших деталей, с младых ногтей поварившись в деревенском соку. Ни малейшей доли фальши, наигранности…

Воспринимали его коллеги по съёмкам как человека

одинокого, в какой-то степени даже нелюдимого. Хотя, надо признать, общества людей он как раз не избегал. Только вот с коллегами общался мало, больше по делу. Зато с сельчанами быстро нашёл общий язык. Особенно с пожилыми, которые жизнь прожили и много интересного могли порассказать. И рассказывали, видя такое уважительное отношение к себе со стороны артиста-слушателя. Не раз наблюдали остальные актёры, как артист то смеётся весёлым, прибаутками пересыпанным рассказам местных старушек, то сидит где-нибудь на завалинке со стариками, покачивает головой, когда те особенно разойдутся в своих воспоминаниях. Больше запоминал из их рассказов, но бывало, что и сразу записывал. Тетрадочку школьную, ценой в несколько копеек, в трубочку свернёт, с простенькой шариковой ручкой вместе засунет за голенище сапога — и в свободную минуту сидит, что-то пишет. И по ночам любил писать…

Актрисы и другие представительницы прекрасной половины киногруппы, что таить, поглядывали на мужчину этого с долей обиды: да пообщайся ты с нами, окажи знаки внимания! А он будто и не обращал внимания на такие взгляды. Парень из себя видный — такого хоть в толпе встретишь, а всё равно заметишь. На первый взгляд вроде бы и не такой уж красавец писаный, но было в нём что-то, заставлявшее учащённо биться женские сердца. А как присмотришься, так и понимаешь: красоты у него тоже хоть отбавляй. Особой, сибирской. К тому же молодой, неженатый. В гимнастёрочке военной, по роли положенной, ремнём подпоясанный. А песни как поёт — особенно свои, сибирские… Мечта, да и только!

Так получилось, что, на зависть подругам-соперницам, Нонне довелось более тесно общаться с этим актёром. Видно, приглянулась ему казачка, потому что из состава группы он её явно выделял. Мордюкова жила, как и все актёры, в сельской избе. Не одна, а со вторым режиссёром фильма — Клеопатрой Альперовой (не очень-то обычные имя и фамилия!). И повадился актёр по вечерам, после окончания съёмочного дня, приходить к ним в гости… А он, признаться, с первого взгляда как-то не приглянулся ей: роста небольшого, какой-то неброский, что ли. Жара, а он всё время в гимнастёрке и сапогах. Но уже через день-другой неблагоприятное первоначальное впечатление развеялось как дым.

Но не будем дальше интриговать читателя — назовём того, к кому всё больше тянулось израненное семейными неурядицами и вновь ощутившее зов любви Ноннино сердце. А был это Василий Шукшин.

Прежде чем продолжить рассказ о том, как развивались

отношения Нонны и Василия и чем в итоге закончились, напомним хотя бы основные вехи жизненного пути Василия Макаровича, с которыми он подошёл к моменту съёмок в «Простой истории».

По возрасту Василий был почти на четыре года моложе Мордюковой — родился он 25 июля 1929 года в далёкой Сибири, в селе Сростки Бийского округа. Пользуясь языком тогдашних анкет, происходил из крестьян. Отца, Макара Леонтьевича, в годы коллективизации расстреляли как «врага народа», а исполнился отцу-то всего двадцать один год. Женился Макар Шукшин рано и отцом тоже рано стал, да вот не по своей воле осиротил четырёхлетнего сына Васю и двухлетнюю дочь Наташу. Мать Мария Сергеевна была года на три старше мужа. После его ареста дала сыну свою девичью фамилию — Попов. Вскоре во второй раз замуж вышла.

Василий в 14 лет закончил в родном селе семилетнюю школу и затем более двух лет учился в автомобильном техникуме в Бийске. Но техникум не закончил — пришлось возвращаться в родной колхоз. Правда, уже на следующий год Шукшин (фамилию отцовскую себе вернул, когда паспорт получал) уехал из Сростков. Было это в 46-м году. Перебрался с сибирских просторов в европейскую часть России, пару лет работал слесарем на заводах в Калуге и Владимире. В 49-м призвали служить, причём на флот, где, как известно, срок службы был дольше, чем в армии. Довелось служить и на Балтике, и на Чёрном море. Освоил среди прочего и профессию радиста. Тогда же начал и первые рассказы сочинять, хотя ещё никуда их не отсылал, разве что сослуживцам в кубрике в свободное время читал.

Так получилось, что весь срок не отслужил. В 53-м был демобилизован с флота — медики обнаружили у матроса язву желудка. В молодые годы, во время мотаний по стране, что греха таить, выпивки не чурался, вот и сказалось теперь: приступы периодически повторялись. Вернулся в Сибирь, сдал экстерном экзамены за среднюю школу и сразу же стал работать учителем русского языка. Правда, не в обычной школе, а в местной вечерней школе сельской молодёжи. Даже директором школы некоторое время довелось побыть. Тогда же и женился на односельчанке — Маше Шумской, тоже учительнице.

Однако ощущал в себе новоявленный директор школы тягу к другим занятиям. Во-первых, к литературе — очень уж нравилась писательская профессия. А во-вторых, к кино. Впрочем, одно другому — не помеха. Кинокартины тоже ведь по сценариям снимаются. А сценарии кто пишет? Правильно, писатели. И в 54-м году Василий отправился в Москву — поступать во ВГИК. Мать

не в большом восторге была от такого намерения: ведь поездил уже по России, а всё равно назад вернулся. Как бы снова не пришлось несолоно хлебавши возвращаться. К тому же, чтобы оплатить дорогу сына до Москвы, пришлось матери скрепя сердце продать корову.

Василий с некоторыми приключениями (удивив преподавателей в приёмной комиссии, с одной стороны, приметным уже тогда талантом, а с другой — незнанием некоторых довольно элементарных вещей из школьной программы по литературе) в институт поступил. Правда, в последний момент перевёлся со сценарного факультета на режиссёрское отделение. Попал в мастерскую именитого режиссёра Михаила Ромма. Пока учился, продолжал писать прозу. По совету своего педагога послал произведения в московские журналы, и в 1958 году в молодёжном издании «Смена» увидел свет его первый рассказ. Во время учёбы и в партию вступил. Начал получать эпизодические роли в кино — самая первая из них была, между прочим, в «Тихом Доне» у Сергея Герасимова, куда Нонна так и не смогла попасть. Хотя какая там роль — мелькнул в кадре какой-то матросик, мало кто его и приметил. Однако уже через два года Шукшин исполнил свою первую главную роль — в фильме Марлена Хуциева «Два Фёдора». Как раз одного из двух Фёдоров и сыграл.

А про жену его, про Марию, почему мы забыли? Да развелись они. В пятьдесят седьмом прислал письмо в Сростки: мол, не поминай лихом, но прошла любовь, так что расстанемся по-хорошему…

Шестидесятый год, когда под Москвой шли съёмки «Простой истории», для Шукшина был наиболее важен тем, что он как раз заканчивал ВГИК. Как сценарист и режиссер поставил свой дипломный фильм — «Из Лебяжьего сообщают», где сам и главную роль исполнил…

Но вернёмся в избу, где любил гостить у Нонны Мордюковой полюбившийся ей сибиряк. Приходя по вечерам, пил с хозяйками чай из самовара — прихлёбывал из блюдца с куском сахара вприкуску, при свете керосиновой лампы. И часто засиживался допоздна. Нонна с Клеопатрой в таких случаях стелили ему прямо на полу. А Василий и непривередлив был. Положит голову на подушку — и быстро засыпает. За день намаялся, наработался… А по утрам потчевали его женщины завтраком. Клеопатра рано поднималась, успевала пышек напечь, яичницы с салом нажарить, самовар вскипятить. Василий садился за стол и ел за милую душу… А потом снова до вечера исчезал. Только и увидишь его во время съёмок, если ваши с ним сцены совпадут по

времени.

Проникнувшись к Нонне явной симпатией, Шукшин не раз обещал написать сценарий для неё. А что? Не боги горшки обжигают. Опыт уже имеется. А там и фильм сам поставлю, а тебе главную роль дам.

В то время у Василия ещё не было изданных книг (первый сборник рассказов вышел только тремя годами спустя), но отдельные его произведения уже публиковались в журналах. А некоторые свои рассказы Шукшин читал по вечерам Нонне с Клеопатрой. Например, «Беседы при ясной луне». И любил порассуждать, как можно было бы экранизировать этот рассказ, да и другие тоже. В «Беседах», скажем, на женскую роль он пригласил бы Татьяну Пельтцер — точно такая старушка была бы, какой виделась автору.

Любил Василий поговорить о литературе, о будущих своих книгах и фильмах. Не только по вечерам за чаем сидели — случалось, что и прогуливались по окрестным полям да перелескам. Интересно Нонне с ним было. Энергетика у него добрая, светлая, лучистая. Душой Нонна отдыхала. Забывала про семейные обиды и неурядицы, успокаивалась, тоже светло и радостно начинала мир воспринимать… Настоящим подарком судьбы вошёл в её жизнь молодой сибиряк.

Как только наступал вечер, начинала прислушиваться. Вот он, знакомый скрип Васиных кирзовых сапог (тех самых, где за голенищем тетрадочка с записями). Клеопатра поглядывала сбоку, словно невзначай улыбалась потихоньку. А Нонна вслушивалась уже не в приближающиеся шаги, а в биение собственного сердца. Вспоминался душевный подъём в дни её любви к Вячеславу Тихонову, когда старалась очаровать своего избранника во время съёмок в Краснодоне. Хотя, наверно, теперь, когда уже гораздо больше пережила и испытала, полюбила не так, как тогдашняя наивная ещё девчонка-студентка. Полюбила зрело, по-женски…

В один из вечеров, вспоминала спустя годы актриса, Василий, поставив на стол опустевшую чашку, вдруг весело подмигнул ей: пошли, мол, подруга, на свежий воздух, нечего весь вечер в избе сидеть. Сердце замерло. Как ни ждала Нонна этого момента, как ни надеялась, что он произойдёт, но вот испугалась. Что он скажет? Что за свидание такое при луне? Знает же ведь, что у меня муж есть, сын… И тут же, казалось бы, вне всякой логики, вдруг остро и горько пожалела, что есть муж, что год за годом продолжается изрядно опостылевшая уже семейная жизнь.

Вышли на крыльцо, сели рядом. Шукшин вытащил неизменную папиросу. Закурив, тут же полез в сапог и достал

свою знаменитую тетрадку. У Нонны, с одной стороны, отлегло от души: вроде бы «тот» разговор, самый главный между мужчиной и женщиной, которые нравятся друг другу, пока откладывается. Но одновременно кольнула обида, разочарование: значит, о другом он говорить собирается?

А Василий между тем хлопнул тетрадкой по голенищу: вот, книгу думаю писать. Не рассказы, как раньше, а большую вещь, целый роман. О Стеньке Разине, казачьем атамане с Дона. Из тех мест, что с тобою по соседству, между прочим…

Шукшин вошёл во вкус рассказа, с увлечением посвящая Нонну в свой творческий замысел. А та молчала, особо и не вслушивалась, только головой машинально кивала. Во-первых, всё больше терзала обида, что не о том он начал говорить, не нашёл единственно верных и нужных в этот момент слов. А во-вторых, не очень-то верилось в его замыслы. Ну ладно, пишет рассказы, есть и очень интересные, но на роман-то зачем замахиваться? Хватает и без него писателей — в книжных магазинах полки трещат. И он туда же собирается?!

А Василий словно и не замечал Нонниного молчания. Начал говорить о том, что сейчас больше всего волновало и интересовало его: о песнях для будущей книги. Дескать, текстов их в романе будет предостаточно — ведь Дон и Волга песнями славятся. Отложив тетрадку в сторону, Шукшин вдруг запел. Негромко, но как завораживающе! Голос хрипловатый, но идёт из груди, словно от сердца. Как будто это сама душа поёт! У Нонны слёзы подступили к глазам, перехватило дыхание. Поняла, что сейчас сама нарушит все собою же придуманные запреты и прильнёт к Васиной груди, сожмёт его в объятиях. Сил больше нету терпеть, притворяться, скрывать чувства, которые переполняют душу! Сделала невольное движение к Шукшину, но всё-таки каким-то чудом пересилила себя. Встала и, едва дождавшись окончания припева, бросилась в дом, что-то невнятно сказав на прощание. Дела, мол, срочные. Так что извини, Вася, в другой раз допоёшь. А книгу про Стеньку Разина пиши, у тебя обязательно получится… Василий, приподнявшись с крыльца, немного растерянно посмотрел вдогонку, но ничего не сказал, не окликнул.

Прилегла в доме на свою кровать. Прислушивалась, ожидая услышать всё тот же ставший уже родным и близким скрип сапог. Неужели так вот возьмёт и уйдёт? Но на крыльце было тихо, Шукшин никуда не уходил. Сидел, о чём-то думал. Правда, и в избу больше не вошёл. Истомившись от переживаний, Нонна и не заметила, как уснула. А когда проснулась через некоторое время, на крыльце уже никого не было. До утра пролежала почти без сна,

уткнувшись в подушку. Временами душили слёзы, но старалась их заглушить, незаметно вытереть, чтобы ничего не заметила и не услышала всхлипываний соседка…

Очень нелёгкими были эти дни и недели для Нонны. Шукшин по-прежнему с симпатией и вниманием относился к ней, но в то же время никак не показывал своего особого отношения (да и есть ли оно, терялась в догадках актриса). Хотелось почаще видеться, а вот не очень-то получалось… Приходила на съёмочную площадку даже в те часы, когда сама не была там задействована. Наблюдала за Василием, жадно впитывала каждое его слово, каждое движение. А если уж выпадала совместная сцена — вся светилась, это был настоящий праздник для души. Играли слаженно, с полуслова, с полувзгляда понимая друг друга.

Случалось, что и пел Шукшин — не для одной Нонны, для всех. Хотя полушутя подарил несколько сибирских песен Нонне — пользуйся, казачка! А самой любимой из песен этих стало для Мордюковой «Колечко». Каждый раз, как сама запоёт или услышит, так и вспоминает те съёмки в подмосковной деревне.

Осознав, что вот-вот пройдёт оно стороной, заветное счастье, как-то поневоле опустила руки. Что-то в душе надломилось. И ведь не то чтобы строила слишком далеко идущие планы насчёт своих отношений с Шукшиным. Да и повода особого он не давал, но мечталось с горечью: кажется, всё бы отдала, чтобы только оставаться с этим человеком рядом, чувствовать его надёжное плечо, ощущать собственную защищённость… Такая вот платоническая любовь, да ещё односторонняя — посмеивалась в душе над собой. Хотя было не до смеха. Душа болела.

А как же семья, как сын, муж? Старалась об этом не думать, но всё тот же неотвратимый вопрос вновь и вновь всплывал перед мысленным взором. Старалась настроить себя в душе против чёрствого и эгоистичного мужа. Вспоминала все обиды и унижения, которые пришлось за совместно прожитые годы испытать по его вине… Расстаться, уйти к Василию? Но нужна ли я ему? Годами несёшь свой крест, честная и верная супруга — и кому-нибудь это нужно? А Володька — он-то как перенесёт этот разрыв между родителями? В сотый раз думала об одном и том же — и не находила ответа… Поневоле завидовала своей героине Саше Потаповой — женщине волевой, даже властной. Та бы сразу поняла и решила, что делать. Сашу с избранного пути нелегко было бы сбить. А тут… Ирония какая-то: не первый уже раз исполняешь роли женщин сильных, волевых, даже героических. И сама понимаешь, как далека от них, как мешает собственная слабохарактерность…

А между тем развязка оказалась ближе, чем ожидалось. Роль

Клыкова была сравнительно небольшая. Сыграв во всех положенных ему сценах, Шукшин засобирался в Москву. У него хватало работы, связанной с дипломным фильмом. К тому же в деревне, где размещалась киноэкспедиция, в один из дней вдруг появился Тихонов. С удочками в руках. И с сыном. Порыбачить и мамку заодно проведать, мол, решили. У Нонны сразу в груди ёкнуло: с чего бы это вдруг? Никогда ведь раньше не приезжали друг к другу на съёмки — как-то не принято это у них в семье было. Может, что-то почувствовал на расстоянии, засомневался в верности жены? А скорее, подумалось, какой-то доброхот его известил, чтобы проведал жену, а то как бы чего не вышло… У нас ведь охотников сунуть нос в чужие дела всегда хватает.

Шукшин после появления Ноннииного супруга помрачнел. Старался близко к ней не подходить в остававшиеся до своего отъезда дни. А потом и настал этот день…

Нонна с трудом могла вспомнить потом, как пережила она момент расставания. Вида старалась не показывать, а в голове кто-то невидимый словно кувалдой бил, отсчитывал ритм: вот и всё, вот и всё…

Уже спустя десятилетия актриса рассказывала в интервью, вспоминая свой неудачный платонический роман с Василием Шукшиным, что у них состоялось-таки объяснение в любви и что Василий даже сделал ей предложение уйти к нему, оставив мужа. А я, сказал, своей невесте уже признался, что тебя люблю! Ни с кем тебе счастья не будет, кроме как со мною — я же вижу. Но она не решилась на решительный шаг.

Насколько соответствует правде этот рассказ, сказать теперь трудно. Думается всё-таки, что решительного объяснения так и не последовало. Это уже потом услужливая память выбирала и выстраивала события прошлого так, чтобы всё выглядело более драматично. Актёрская профессия и тут невольно сказалась…

Глава 8

Зрительский успех фильма «Простая история» с Мордюковой в главной роли заметно упрочил её позиции в глазах режиссёров. Да и внимание начальства талантливая актриса привлекла. Причём начальства не только кинематографического, но и партийного. Вожди ведь тоже кино смотреть любят.

Поэтому через некоторое время Нонна Мордюкова с Вячеславом Тихоновым оказались в числе трёх актёрских семейных пар, которые были приглашены на неформальную встречу руководителей Советского государства и Коммунистической партии с творческой интеллигенцией. Двумя другими парами были Сергей Бондарчук с Ириной Скобцевой и Николай Рыбников с Аллой Ларионовой.

Встреча проходила в подмосковном Архангельском, на живописном берегу озера. К гостям вышли люди, известные большинству советских граждан только по фотографиям в газетах, кадрам кинохроники или в лучшем случае как едва различимые издали фигуры на Мавзолее во время праздничных демонстраций на Красной площади. Климент Ефремович Ворошилов, Семён Михайлович Будённый, Анастас Иванович Микоян… И, понятное дело, человек номер один в стране — сам Никита Сергеевич Хрущёв.

От высказанного организаторами встречи предложения поудить в неформальной обстановке рыбу в озере (вон даже и удочки подготовлены, черви в баночках стоят) Хрущёв пренебрежительно отмахнулся: мол, напустили заранее карпов в водоём, теперь они от этой тесноты сами на крючок прыгать будут. Видимо, вождь хорошо был знаком с нравами подобных рыбалок и охот… В общем, в скором времени хозяева и гости перешли к обязательному виду программы — банкету. Хрущёв поговорить, как известно, любил, поэтому сразу же завладел общим вниманием и начал длинный монолог-тост. К общему испугу, в этот самый момент Николай Рыбников, уже слегка приложившийся к рюмочке в ожидании высокого начальства, перебил оратора: дескать, уважаемый Никита Сергеевич, а как там дела на Кубе обстоят? Душа болит за Остров Свободы, где революционеры во главе с Фиделем Кастро строят социализм и отражают натиск американского империализма. Хрущёв от такого нахальства даже опешил, но сдержался и сравнительно спокойно посоветовал актёру читать газеты: там всё написано, а ко мне с подобными вопросами не лезь.

Впрочем, выходка Рыбникова никаких ощутимых последствий

не принесла. Вожди, видно, сочли: что с актёров требовать? Недаром же их в старину комедиантами именовали. Да и министр культуры, знаменитая по тем временам Екатерина Фурцева, имевшая на вождя влияние, постаралась сгладить возникшую неловкость. Так что банкет продолжался по-простому. Хотя, когда повеселевшая интеллигенция, рукоплеща всё более горячим речам Никиты Сергеевича, решила подойти поближе к Хрущёву, Нонна была довольно бесцеремонно остановлена одним из охранников — тот локтем жестковато оттолкнул женщину: не увлекайтесь, гражданочка, сидите, где положено. И на легендарного маршала Ворошилова, которого под белые рученьки помощники повели к выходу, тоже не слишком-то пялтесь. Плохо стало человеку, не понимаете, что ли? Актёры между тем поначалу решили, что у Климента Ефремовича приступ, и только потом смикитили, что знаменитый полководец просто не рассчитал дозу… Впрочем, отправили по домам актёров честь честью — на машинах «ЗиС» из правительственного гаража. Рыбникову по его просьбе местная прислуга втихомолку даже мешок наловленных в озере раков с собой дала.

Подобное общение с вождями, если честно, не прибавляло у Нонны симпатий к начальственным особам. Старалась по возможности держаться подальше от подобных встреч. По-прежнему жила в душе та гордость, которая не позволила во время учёбы во ВГИКе вступить в партию, какую бы карьеру это ни сулило. А ведь и потом набиравшую известность актрису всё настойчивее приглашали стать членом КПСС. Партийные секретари приглашали на доверительные беседы: мол, искусство у нас принадлежит народу, а партия — авангард этого самого народа, так что подумайте над нашим предложением, уважаемая Нонна Викторовна. Отмалчивалась в ответ…

Другое дело, что растущая актёрская слава супругов Тихоновых помогла наконец-то им улучшить жилищные условия — получить отдельную квартиру, уехать из опостылевшей за десять с лишним лет проходной комнаты в коммуналке. Так что «спасибо партии родной»… А квартира, между прочим, досталась в высотном, ещё сталинских времён здании на Котельнической набережной, так что сбылась всё-таки спустя многие годы мечта юной абитуриентки пожить в таком приметном здании. Пусть не на верхних этажах, а всё равно приятно. Дом из добротного кирпича, а не из входивших уже в строительный обиход панелей. Две комнаты. Высоченные потолки — метра четыре, чтобы не соврать… В подъездах — шикарные резные двери. Не дом, а дворец какой-то, думалось, особенно поначалу. Хотя долго проживать здесь, как оказалось, довелось не всем новосёлам…

Кому-то начало шестидесятых запомнилось в первую очередь гагаринским полётом в космос, кому-то — денежной реформой в СССР, когда рубль был деноминирован в десять раз, кому-то — Карибским кризисом, во время которого Советский Союз и Соединённые Штаты оказались на грани ядерной мировой войны, или выносом тела Сталина из Мавзолея, где тот покоился рядом с Владимиром Ильичом… Но это всё события, так сказать, из большой истории, а между тем в каждой семье были свои собственные радости и горести.

Настоящим горем стал для Нонны уход из жизни её матери Ирины Петровны. Онкологическое заболевание было выявлено уже довольно давно, лечение и операция в итоге не смогли предотвратить неизбежную кончину. Мама до последнего верила в лучшее, надеялась на выздоровление. Хвалила дочери больничные порядки, чистоту и уход, к которому простая станичница была непривычна за свою долгую трудовую жизнь… Перед смертью шёпотом попросила, чтобы зажгли в комнате свечи и поставили иконы — пусть будет, как у людей, хотя всю жизнь её, коммунистку, воспитывали в других традициях.

Вот и осталась Нонна полной сиротой (отчим, который ушёл из семьи ещё в сорок четвёртом, давно уже умер). А через пару дней после похорон Ирины Петровны в семье Тихоновых произошло то, чего давно подсознательно ожидали оба супруга — Нонна и Вячеслав расстались после полутора десятков лет совместной жизни. Красивейшая пара советского кино приказала долго жить. Похоже, что Нонна решила: сейчас или никогда! Вспоминала, как нравился покойной маме её зять, как та всегда защищала Вячеслава, отговаривала дочь от развода. Но теперь Ирина Петровна уже не могла повлиять на ход событий…

После смерти родного и близкого человека Нонна была словно сама не своя. К горечи утраты примешивалась ставшая уже привычной тягучая боль из-за не сложившейся семейной жизни. Неужели и дальше из года в год тянуть ту же опостылевшую лямку? А ведь могло ещё совсем недавно и у неё сложиться женское счастье — с Васей Шукшиным, — если бы не висел над душой груз замужества. Вроде бы немного начала зарубцовываться полученная во время съёмок «Простой истории» душевная рана, но сейчас горечь и обида вновь наполнили душу. И кто знает, может, как выражаются юристы, именно в тогдашнем состоянии аффекта Нонна решилась на ранее небывалый для себя поступок?! Хотелось как-то взорвать, всколыхнуть застоявшуюся семейную идиллию, заставить Вячеслава наконец-то проявить чувства, снять извечную маску молчальника. А там будь что будет!

Тихонов в эти дни после похорон, как нарочно, был в отъезде — в Гаграх. Затем с коллегой Григорием Чужим (тот в своё время был директором фильма «Чрезвычайное происшествие», в которой снимался Тихонов) вернулся в Москву, чтобы на следующий день вылететь в Чехословакию. Вячеславу нужно было взять дома заграничный паспорт, необходимые вещи, переодеться… Оба собирались переночевать у Тихоновых. Но Вячеслав забыл в Гаграх ключи от квартиры, а на звонки в дверь никто почему-то не реагировал. Выглянувшая соседка по площадке подтвердила, что Нонна дома, у неё гости. Тихонов побледнел, черты лица стали ещё более напряжёнными. Сидели с Григорием на ступеньках лестничного пролёта, курили, когда за спиной щёлкнул замок в двери и на пороге показался какой-то мужчина, провожаемый Нонной, набросившей на обнажённые плечи шаль. Прощальный поцелуй, однако, был прерван, когда Нонна увидела на площадке мужа и его спутника. Лицо её залила бледность. Отстранив жену, Тихонов прошёл в квартиру и тут же стал собирать вещи. Затем ушёл — чтобы больше никогда не возвращаться сюда. Заявление на развод отвезла через пару дней в ЗАГС сама Нонна. В голове неотвязно крутилась мысль: «А всё-таки это я от него ушла, а не он от меня. Я сумела наконец-то сделать этот шаг…»

До сих пор мы в основном смотрели на многолетний брак актёров глазами Мордюковой. Между тем многие друзья и знакомые оценивали их супружескую жизнь иначе. Подруга Мордюковой Людмила Хитяева (с которой Нонна познакомилась на съёмках фильма «Екатерина Воронина», где Хитяева играла главную роль), например, утверждала, что, хотя оба супруга вышли не из аристократических семей, Вячеславу гораздо в большей степени была присуща интеллигентность и душевная мягкость, чем его жене. Помните, как жаловалась Нонна, что муж не любил в компании её частушки и байки? Но ведь зачастую они были чрезмерно приправлены ненормативной лексикой… А сестра Мордюковой уже после смерти актрисы высказала в интервью явную симпатию к Тихонову: мол, это был в некотором роде человек из элиты, которого нельзя было вот так просто потрепать по щеке (и в прямом, и в переносном смысле). Нонна, между тем, постоянно пыталась это делать…

Ставили под сомнение общие знакомые и многолетнюю верность супругов друг другу. Во всяком случае, отношения на эту тему супруги (даже при свидетелях!) выясняли неоднократно. На протяжении почти четырёх лет в артистических кругах обсуждался роман Тихонова и Дзидры Ритенберг (которая, правда, в конечном счёте, предпочла Вячеславу другого

популярного актёра — Евгения Урбанского, выйдя за него замуж). Нонна, будучи женщиной ревнивой, возможно, чрезмерно преувеличивала слухи. А иные зловредные подруги посмеивались и над ней самой — тоже, мол, не без греха… Так или иначе, оба ведь ходили на грани соблазнов, которых хватает в артистическом мире.

Да, вроде бы и хотела Нонна развода, не раз мечтала о том, чтобы стать свободной, а стресс, конечно же, пережила. Как назло, и ролей в кино в это время почти не предлагали, где можно было бы отвлечься, забыть о своих проблемах. Разве что в 62-м сыграла роль Натальи в кинокартине «Павлуха» — проходную, по правде говоря. На 1963 год припала одна из наиболее значительных ролей как театральной актрисы — в родном театре-студии сыграла Дарью в спектакле «Суровое поле». Впрочем, многие зрители хорошо помнили и исполнение ею роли Катерины в спектакле «Гроза».

Отвлечься от горьких воспоминаний помогал сын, хотя и сам он тяжело переживал развод родителей. В шестой класс уже ходил, всё понимал. В Володе души не чаяла — до сих пор хорошо помнила, сколько пришлось с ним повозиться с первых же месяцев жизни, как на руках носила его на работу и с работы, перепелёнывала на лавочках или прилавках киосков. Раньше подолгу жил в Павловском Посаде, у бабушки с дедушкой, родителей Вячеслава — занятые на съёмках родители редко его и видели. И вот подрос, в школе учится… Волновалась, понятное дело, чтобы не связался с какой-нибудь хулиганской компанией, чтобы не пошла дорожка по наклонной. Материнское беспокойство — это ведь дело объяснимое, даже святое. Когда сын без отца остался, постаралась ещё больше контроль усилить: где, с кем общается? Хотя на друзей сыновых грешить нечего — приятные мальчики, вежливые, культурные, всегда поздороваются. Особенно с Петей и с Сёмой сын сдружился. Сидят где-нибудь во дворе на лавочке, на гитаре играют, беседуют негромко. Без криков, без матерщины. А когда к Нонне подруги в гости приходят, сын всегда поможет пальто снять…

Много позже стала укорять себя за чрезмерную, гипертрофированную опеку над мальчиком. Особенно не давал покоя случай, когда пришёл он ещё второклассником к ней и гордо заявил, что будет с другими школьниками подрабатывать на почте — письма после уроков разносить. Нонна тогда взвилась: даже и не думай! Можно подумать, я тебя не смогу прокормить и одеть-обуть?! Не в деревне живём, где все мальцы с ранних лет в работу запряжены, так что радуйся — учись, отдыхай. И угас Володин порыв…

Ну а как обстояло дело с личной жизнью? Полученная во время съёмок «Простой истории» душевная рана из-за не сложившихся отношений с Василием Шукшиным вроде бы к этому времени в основном зарубцевалась. Понимали оба, что дважды в одну реку не войти. В столице поговаривали, что талантливый прозаик, чьи рассказы то и дело появлялись в престижных изданиях (выходили и книги), был в любовных отношениях с поэтессой Беллой Ахмадулиной. В 63-м году начал жить гражданским браком с Викторией Софроновой, дочерью писателя из партийной номенклатуры Анатолия Софронова. Потом зарегистрировал брак с актрисой Лидией Александровой, но прожили вместе недолго — жене не нравились его алкогольные возлияния и неверность, в том чисел продолжавшийся роман с Викторией, которая родила ему в 65-м дочь, и начавшиеся отношения с другой Лидией — актрисой Федосеевой. Поневоле можно было запутаться. В итоге всё-таки к концу шестидесятых Василий Макарович определился в своём выборе, оставшись с Лидией Федосеевой, родившей ему двух дочерей — Машу и Олю.

В общем, складывалось всё так, что Нонна любила Шукшина уже только за его талант, за произведения, яркие режиссёрские и актёрские работы. Странным казалось, что пережила несколько лет назад настоящую драму. Что ни говори, а всему, видно, своё время…

Вообще-то артистический мир в силу самой природы профессии актёра не случайно испокон веков ассоциировался у широких зрительских масс с любовными взаимоотношениями не только на сцене или съёмочной площадке, но и за её пределами. Некий налёт греховности сопровождал многих артистов и в личной жизни, по крайней мере, на первый взгляд. К тому же притчей во языцех были многочисленные романы между актёрами, когда у некоторых число официальных и неофициальных браков исчислялось чуть ли не десятками…

У Нонны, впрочем, к этой теме был собственный подход. Как поступать, если ты видишь, что отношения с партнёром по съёмкам могут перерасти в нечто большее? Нельзя сказать, чтобы Мордюкова напрочь отвергала подобное развитие событий — ведь сколько людей, столько и жизненных ситуаций. Хотя бы вспомнить собственную любовь к Шукшину, пусть и платоническую… Да и играть с коллегой, к которому по сюжету ты испытываешь любовь, тоже ведь легче, если между вами на самом деле существует симпатия. Хотя приходилось Нонне иногда видеть и обратное: на площадке мужчина и женщина — сама взаимная любовь, а чуть выйдут из кадра — сплошная

ненависть, даже не разговаривают между собой… Изображать через силу в кадре эмоции, которых у тебя в помине нет, нелегко даже для профессиональных артистов. Поэтому Нонна против лёгкого флирта с коллегами не возражала. Когда глаза у партнёров по съёмкам горят, это очень в работе помогает… Тут, правда, как утверждала впоследствии актриса, тоже имелись свои табу. Во-первых, Нонна всячески избегала мужчин женатых. Наверно, со станичной молодости укоренился в душе известный принцип, что на чужом горе своего счастья не построишь. Во-вторых, всячески открещивалась от каких-либо эротических отношений с режиссёрами. Тут ведь ещё и гордость казачки свою роль играла — будут потом говорить, что взяли её в фильм не за талант, а за то, что шуры-муры крутила с постановщиком кинокартины… А в-третьих, предпочитала Нонна свои влюблённости ограничивать рамками съёмочной площадки. Сыграла — и домой либо, если речь шла о выездных киноэкспедициях, к месту расквартирования.

Такая внезапная холодность многих артистов, которые на Нонну глаз положили, надо признаться, нервировала. Письма любовные ей не раз сочиняли, цветы присылали с записочкой в букете — а ей хоть бы хны! Неудачливые ухажёры подчас, стараясь сделать хорошую мину при плохой игре, распускали потом слухи, что Мордюкова — дура набитая: к ней с любовью, а она драться лезет с кулаками! Хотя о драках на самом деле речь не шла, а просто тем, кто никак не хотел понимать, что ничего им не светит, Нонна прямолинейно заявляла: никаких чувств, помимо предписанных сценарием, к тому или иному деятелю не испытывает. Тут уж у некоторых поклонников галантность вообще испарялась. Пару раз доходило до того, что отвергнутые набрасывались на Мордюкову с кулаками, пытаясь хоть так самоутвердиться. Случалось, что по лицу били. Противно было, но Нонна не пыталась давать сдачи, начинать шумный скандал. Поворачивалась и уходила.

Многолетний семейный опыт, признаться, поначалу тоже не слишком стимулировал желание завязывать отношения с мужчинами. Признавалась иногда себе в глубине души: может, потому и не изменяла Тихонову столько лет, что он своим поведением, душевной чёрствостью сумел вызвать у неё неприязнь ко всему мужскому полу. А когда попробовала изменить, тоже взрыва страстей у теперь уже бывшего мужа вызвать не сумела.

У Нонны к тому же с молодости были свои требования к мужской красоте. Одно из главных условий — мужчина должен быть статным, высоким. Всяких замухрышек не воспринимала.

Как и дрожащих под пятой своих супруг женатиков, которые, вырвавшись во время съёмок на относительную свободу, пытались клинья подбивать. В общем, невзрачные или слишком зашуганные, чрезмерно домашние — это был явно не её выбор.

Впоследствии гордилась, что сразу могла просветить того или иного мужчину насквозь, будто рентгеновскими лучами: завяжутся ли отношения, понравлюсь ему или нет? Понимала, что показывать собственную заинтересованность первой никогда нельзя. Мужчина должен добиваться своей избранницы, даже если у него в итоге и не окажется на это шансов. Даже если самой кто-то сильно понравился, но видишь, что не твоя судьба, порывала с таким отношения в самом начале — совсем безболезненно для себя.

А что касается сексуальных отношений, если даже вы друг другу нравитесь и постепенно ваша связь всё более крепнет, то и тут всегда отдавала инициативу мужчине, чтобы потом иметь возможность выбора: соглашаться или нет. Всяких похотливых попрыгунчиков, которые с первой же встречи не прочь уложить тебя в постель, не воспринимала — это несерьёзные мужики! Поэтому к сексу подходила сама и незаметно подводила своего избранника постепенно, не форсируя событий, после многих встреч, красивого ухаживания… Решительно отвергала даже малейший намёк на животную страсть, чистую похоть: мы же люди, поэтому и любить друг друга должны красиво, по-человечески.

Подобные моральные принципы и табу сейчас многие сочли бы (да и тогда кое-кто считал) чрезмерно жёсткими и завышенными. Только вся беда в том, что страдала в итоге от них в первую очередь сама Мордюкова. Казалось, что фраза Саши Потаповой персонажу Ульянова (дескать, «не орёл» он) наполнилась какой-то мистической силой. Вроде и попадались соответствующие всем требованиям — красивые, молодые, а в итоге ничего путного из этого не получалось. Обжигалась не раз, начиная с первого своего брака с Тихоновым, но вот сидело внутри какое-то подсознательное чувство: а вдруг на этот раз повезёт? Но не очень-то везло…

В некоторых своих интервью, уже ближе к закату жизни, Мордюкова утверждала, что первые попытки наладить семейную жизнь предприняла только спустя много лет после развода с Тихоновым. Вольно или невольно, но слукавила. На самом деле достаточно быстро у привлекательной женщины начался роман с человеком, который показался ей настоящим подарком судьбы. Вот у этого подлинные эмоции, сразу видно, что не какой-нибудь тюфяк. Помимо яркой мужской красоты, избранник Нонны

обладал ещё целым рядом качеств, нравившихся вышедшей из простого народа актрисе. Манерами, образованностью (как у Высоцкого в песне: «И Шиллера читал без словаря», предпочитая, правда, немецким классикам английских). И наконец — князь, настоящий аристократ! Официально в Советском Союзе таким происхождением гордиться ещё вроде как не следовало, но на практике установки довоенных годов насчёт «буржуев недорезанных» давно были забыты. Наоборот, княжеский титул, пусть неофициальный, придавал некую загадочность и пикантность.

Борис Андроникашвили — так звали человека, который завоевал Ноннино сердце. Но прежде чем продолжать рассказ об их отношениях, выскажем крамольную версию. Упоминавшийся нами коллега Тихонова Григорий Чужой, который был свидетелем драматической сцены в подъезде, когда Вячеслав убедился в измене жены, упомянул как-то, что выходивший из квартиры мужчина был кавказской наружности. Не Борис ли, рискнём предположить, хотя за давностью лет доказательства нужные привести уже непросто. Или именно такой типаж мужчин уже тогда нравился Мордюковой?

Так или иначе, но вскоре после развода Нонна уже находилась в романтических отношениях с Андроникашвили. На девять лет моложе, чем она, Борис (1934–1996) родился в столице СССР в семье популярного в тридцатые годы писателя Бориса Пильняка и актрисы Киры Андроникашвили. Спустя три года отца арестовали (шёпотом говорили, что Сталин не простил ему повести «Свет непогашенной луны», где намекалось на причастность вождя к загадочной гибели Михаила Фрунзе). Киру спустя некоторое время тоже репрессировали (в отличие от расстрелянного мужа, ей посчастливилось выжить после многих лет пребывания в ГУЛАГе). Перед арестом мать успела отослать Борю к бабушке в Тбилиси. Та усыновила своего же внука и дала ему фамилию Андроникашвили.

Поучившись некоторое время в мореходном училище в Батуми, Борис в начале пятидесятых уехал в Москву и поступил во ВГИК — на сценарно-киноведческий факультет. К началу общения с Нонной он благополучно закончил это учебное заведение и успел уже побывать женатым. И не на ком-нибудь, а на самой Людмиле Гурченко, что о многом говорило, потому что популярная артистка отбоя в поклонниках не имела и в мужчинах разбиралась. Но именно Людмила была первой очарована внешностью своего будущего мужа, тогда ещё студента. Узрев красавца в актёрской столовой, выронила из рук поднос… В 59-м у супругов родилась дочь, которую назвали Марией. Но уже в 62-

м брак Андроникашвили и Гурченко «приказал долго жить». По устоявшейся версии, примерно к этому времени и относится начало романа Бориса и Нонны, который длился пять лет.

Не только мать-княжна (а она уже пару лет как умерла — лагеря подорвали здоровье женщины), но и многие другие родственники Бориса в Грузии имели отношение к театру и кино, были среди них режиссёры, народные и заслуженные артисты Закавказской республики. А вот творческая биография самого Андроникашвили складывалась как-то странновато, хотя очарованная его красотой Нонна долгое время не могла этого понять. Познакомившись с ним в компании общих знакомых, подобно Людмиле Гурченко, поначалу потеряла дар речи.

Как он умел ухаживать! И вообще, покорял женские сердца одним мановением руки или взглядом. Сразу видно было, что аристократ: руки дамам целовать умеет, Байрона наизусть целыми страницами читает, романсы под гитару поёт… Нонна из-за сына-школьника стеснялась приглашать Бориса в свою квартиру в высотном доме. Сама бегала к нему на свидания — и в однокомнатной квартире Андроникашвили разыгрывалась поистине романтическая, как казалось, любовь. Покрасила волосы в светлый цвет, потому что Боре больше нравились блондинки…

Летала в это время, словно на крыльях. Всё, что ни происходило в жизни, воспринимала весело, с юмором. Как-то под Новый год смешная история (в духе позднейших рязановских комедий) приключилась, о чём позже написала в своих мемуарах. Отыграв вечером накануне праздника роль в спектакле Театра-студии, поймала такси и устремилась в Кузьминки, где жил её избранник. Было это ещё в начале их отношений, поэтому бывала здесь всего пару раз, в архитектурном хаосе кварталов из одинаковых панельных домов как следует не разобралась. А таксист, как назло, по каким-то причинам не смог довезти до самого дома. В туфлях на высоком каблуке и модных чулках начала блуждать под светящимися окнами, откуда доносился шум весёлых компаний. Позвонила в одну из квартир, чтобы спросить, где нужный дом. Открывший двери мужчина показал рукой на телевизор, откуда уже неслись слова новогоднего поздравления: мол, голубушка, давай отметим это дело, а потом будем искать твой дом. У меня как раз жена в командировке… Делать нечего — чокнулись фужерами с шампанским. Начала звонить Борису, объяснять, почему задержалась и где находится. А князь впал в амбиции, ревность взыграла: видеть тебя не желаю! С помощью случайного знакомца Нонна всё-таки нашла нужный дом и квартиру. Андроникашвили некоторое время не желал с ней разговаривать. Но, как говорится, милые бранятся —

только тешатся. Так и вышло в этот раз…

Нонна восхищалась не только внешностью своего избранника, но и его недюжинным умом. Не было темы в литературе, кино, искусстве или философии, на которую он не мог бы рассуждать: остроумно, со всеобъемлющим знанием темы. А если рядом ещё оказывалась приятная компания друзей, то Борису просто удержу не было. Разумеется, что происходило всё на фоне культурного застолья, на которые горский князь был большим мастером.

Красивый роман с Борисом, разумеется, грел сердце Нонны, но, к досаде Мордюковой-актрисы, у неё в начале шестидесятых по-прежнему были немалые перерывы в съёмках: по картине в год, а то и вообще без фильма… Приходилось, как и раньше, чтобы заработать на жизнь, мотаться по стране с творческими вечерами и концертами в составе актёрских бригад. И только в шестьдесят четвёртом году Нонне удалось сняться в двух достаточно ярких ролях. Во-первых, режиссёр Константин Воинов снял комедийный фильм «Женитьба Бальзаминова» по мотивам трёх пьес А.Н. Островского: «Праздничный сон до обеда», «Женитьба Бальзаминова (За чем пойдёшь, то и найдёшь)» и «Свои собаки грызутся, чужая не приставай». Сюжетные коллизии строились вокруг мечтаний мелкого чиновника Миши Бальзаминова о выгодном браке по расчёту. В чём сына горячо поддерживала его мамаша. Не совсем понятно, чем руководствовался режиссёр, отдавая роль 25-летнего главного героя Георгию Вицину. Понятно, что Вицин — великолепный комедийный актёр, думали многие, но ведь он почти в два раза старше своего персонажа! И старше своей так называемой мамаши (роль которой, кстати, исполнила Людмила Шагалова, уже знакомая нам по фильму «Молодая гвардия»). Перед съёмками Вицина так усиленно гримировали, чтобы он выглядел моложе, что сам актёр посмеивался: я не Бальзаминов, а забальзамированный… Но в целом фильм получился удачным: и Вицин, и остальные актёры играли хорошо, с фантазией и огоньком, представляя своих сатирических персонажей в гротесковом виде. Съёмки велись не в Москве, а в Суздале, где удалось подобрать «антураж» XIX века. Актёрский ансамбль подобрался отменный: кроме уже упомянутых, Людмила Гурченко, Лидия Смирнова, Николай Крючков, Ролан Быков, Жанна Прохоренко, Надежда Румянцева, Инна Макарова (ещё одна «молодогвардейка» в прошлом). Нонне дали роль богатой купчихи, измученной вдовством не старой ещё женщины — Домны Евстигнеевны Белотеловой. К этому времени уже забылось, как не любила она во время учёбы во ВГИКе играть

костюмированные роли, как путалась в платье Анны Карениной под смех однокурсников. Роль Белотеловой актриса исполнила с природным юмором. Купчиха в её исполнении вышла женщиной и суровой, даже мрачной, с низким, баритональным голосом, и в то же время с этакими томными замашками — словом, не позавидуешь её избраннику. А для самой Нонны «Женитьба Бальзаминова» стала одним из самых любимых фильмов, хотя по роли у неё не было ни одного более-менее значительного монолога, играть приходилось в общих сценах с другими актёрами. Но при всём том образ купчихи зрителям понравился и запомнился, а её реплики на некоторое время даже стали афоризмами.

В том же году Нонне выпало сниматься ещё в одной кинокартине — на этот раз не по мотивам классических пьес, а из современной жизни. Алексей Салтыков пригласил её в фильм «Председатель». Сюжет в некотором роде перекликался с «Простой историей», только здесь главная роль была мужская. Фронтовик Егор, роль которого блестяще исполнил Михаил Ульянов, вернулся в родной колхоз и, возглавив его, стал поднимать разрушенное хозяйство. Как признавался сценарист, в основу сюжета легла подлинная история белорусского партизана Кирилла Орловского, который остался после войны инвалидом, но вывел свой колхоз в число преуспевающих хозяйств. Главная роль в «Председателе» стала крупным актёрским успехом Ульянова и принесла ему не одну награду: звание лучшего актёра года и Ленинскую премию (а сам «Председатель» был признан лучшим фильмом года).

Нонне выпало играть роль Дони Трубниковой. Согласно сценарию, персонаж этот в каких только грехах можно было бы обвинить: спекулянтка, привыкшая всё брать на горло, на скандал, жена мужика-единоличника, не пошедшего в колхоз, к тому же нажившая ребёнка во время войны, да не от кого-нибудь, а от немецкого солдата. Мордюкова сыграла роль, как обычно, убедительно, насытив образ сочными, яркими красками. И в то же время отдельными штрихами — когда взглядом, когда жестом — постаралась наметить где-то в глубине, на заднем плане роли, в подтексте всю горькую участь Дони, изломанной жизненными обстоятельствами. Да, нехороший человек моя героиня, словно бы хотела сказать актриса, но только ли она виновата в своей судьбе?

Любопытные воспоминания о съёмках фильма сохранила актриса Кира Головко, исполнявшая главную женскую роль. Мордюковой, чья Трубникова являлась персонажем второго плана, поначалу обидно было, что главную роль доверили не ей.

Ведь прошло уже четыре года после «Простой истории», а главных ролей пока повторить не удалось. Целую неделю Нонна мрачно и осуждающе смотрела на Киру, но в конце концов не выдержала. Подошла к Головко с бутылкой и предложила выпить на брудершафт: мол, надоело тебя ненавидеть, так что давай будем дружить. И примирение состоялось — к особой радости Киры, постоянно ощущавшей до того психологический дискомфорт и чувство вины. Даже слёзы навернулись у неё на глаза — таким искренним и трогательным показался ей этот поступок Мордюковой.

Открытое «Женитьбой Бальзаминова» амплуа комедийной актрисы Нонна успешно продолжила годом спустя, снявшись у Георгия Данелии в фильме «Тридцать три». Правда, роль была далеко не главная — заведующей областным отделом здравоохранения Галины Петровны Пристяжнюк. Слово «чиновница» тогда было не в моде, носило сугубо отрицательный смысл, но именно такую хваткую и бездушную чиновницу воплотила Нонна на экране. А ещё в 1965-м актрисе присвоили звание заслуженной артистки РСФСР. Одна из первых наград после казавшейся уже призрачной и полузабытой Сталинской премии 1949 года.

В том же шестьдесят пятом году Сергей Бондарчук начал съёмки своей знаменитой эпопеи «Война и мир» по роману Льва Толстого. Одна из главных ролей досталась в картине Вячеславу Тихонову, сыгравшему князя Андрея Болконского. Роль Мордюковой была во много раз скромнее, однако в структуре фильма сцена с её участием весьма немаловажна. Сергей Фёдорович подобрал для Нонны столь любезную её сердцу роль простой русской женщины. Она сыграла Анисью Фёдоровну, красавицу-экономку в имении дядюшки-помещика, у которого гостили младшие Ростовы. И национальный, народный дух «Войны и мира» удалось воплотить в фильме во многом благодаря этому и подобным ему эпизодам, на которые режиссёр оказался большим мастером. Так что в грандиозном успехе получившего «Оскар» «Войны и мира» есть и вклад Нонны Мордюковой.

Всё это замечательно, но как же тем временем развивались отношения актрисы с Борисом Андроникашвили? Увы, постепенно ореол очарования, который заставлял Нонну некритически воспринимать даже явные недостатки своего суженого, начал развеиваться. Мордюкову возмущало, что Борис, дипломированный сценарист, заявляющий о себе и как о писателе-прозаике, имевший также небольшой опыт съёмок в кино (правда, ещё в годы студенчества во ВГИКе), вёл себя как

избалованный ребёнок. Работать он явно не собирался, хотя всё время говорил о каких-то своих грандиозных замыслах. Сибаритствовать в красивом халате, романсы петь, раскладывать пасьянс рядом с пишущей машинкой, где заложенный лист бумаги за долгие месяцы покрылся пылью, как некогда страницы книги у Обломова, — судя по всему, такой был жизненный идеал отпрыска княжеского рода. Да ещё и ревновал всё сильнее — безо всякого повода. При этом не стеснялся брать деньги на жизнь и на застолья у Нонны — ты же, мол, известная актриса, тебе зарабатывать намного проще. За все пять лет их отношений только однажды (в 66-м году) Борис сыграл эпизодическую роль — в фильме «Игра без ничьей», но какой с этого заработок, горько рассуждала Нонна. И где гонорары за будущие книги?

Так что отношения с красавцем грузином постепенно шли к своей развязке, так и не завершившись официальным браком. Добавим ради справедливости, что когда через несколько лет Андроникашвили во второй раз женился — на художнице Русудан Хантадзе — и у них родились сын и дочь, князь быстро образумился. Начиная с 1973 года начали выходить его книги с рассказами, повестями и даже романами (уже после смерти Андроникашвили был издан двухтомник его сочинений), киностудии ставили фильмы по его сценариям, а иногда он и сам играл небольшие роли.

А Нонне оставалось разве что сокрушаться, почему её судьба складывается так несуразно…

Глава 9

Тем временем четырёхсерийная эпопея «Война и мир» была завершена после трёх лет съёмок в 1967 году. Годом ранее Нонна ещё сыграла в фильме «Дядюшкин сон», который снимал уже знакомый нам по «Женитьбе Бальзаминова» режиссёр Константин Воинов, роль Софьи Петровны Карпухиной.

А 67-й год, широко разрекламированный в Советском Союзе как год 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции, запомнился Нонне участием в одном из самых драматичных фильмов в её актёрской карьере.

Поначалу, правда, ничего не предвещало каких-либо особых осложнений. И роль Мордюковой досталась главная. Режиссёр Александр Аскольдов начал съёмки фильма «Комиссар» — о Гражданской войне и о влиянии исторических катаклизмов на человеческие судьбы. Как раз комиссара Клавдию Вавилову Нонне и предстояло играть. Человека, в значительной мере созданного как личность Октябрьской революцией (как тут не вспомнить настоящее имя Нонны — Ноябрина?), но этой же революцией и растоптанного — если считать изначальной, самой главной женской сущностью продолжение человеческого рода, радость материнства. Комиссар Вавилова, оказавшись беременной, не может следовать за своим полком (его командира, кстати, сыграл Шукшин) в походах и боях. Она остаётся на время в рядовой еврейской семье, рожает ребёнка, переносит тяготы и опасности белогвардейской оккупации, а после возвращения красных уходит вместе с боевыми товарищами воевать за светлое будущее, отказавшись от своего ребёнка… «И опять эта проклятая тема одиночества», — размышляла Нонна над выпавшей ей ролью. Как сговорились, что ли, режиссёры? Никогда нет у её героинь человеческого и женского счастья…

Но работа над ролью захватила актрису. Если подходить к образу прямолинейно, в духе партийных установок, то Вавилова была героиней Гражданской войны, которая пожертвовала всем личным ради общего счастья, ради боевых соратников… А если коснуться этого образа с позиций общечеловеческих, гуманных? Тогда не героиня предстаёт перед нами, не живой человек, а сухая идеологическая схема. Конечно же, образ женщины-комиссара был более многогранен, сочетал в себе разные элементы характера. Вот их-то и старалась выявить, раскрыть Нонна во время съёмок, проходивших вдали от Москвы — под Херсоном. А Аскольдов, поручив эту роль именно Мордюковой, видел в ней необычное сочетание неженской силы духа и в то же

время женской мягкости и доброты, которую проявляет Вавилова после рождения ребёнка и до своего окончательного рокового решения.

Кстати, ещё на стадии кинопроб к фильму Нонне пришлось овладеть новым для себя занятием — верховой ездой (какой же комиссар в Гражданскую войну, да пешком?). Закончила соответствующую школу при Центральном клубе Советской Армии. Вообще-то лошадей с детства не боялась, могла управиться с конём при необходимости. А сейчас, выходит, стала специалистом в этой области.

Повезло Нонне с партнёрами по фильму — сыгравшие супругов-евреев, укрывавших у себя комиссара, Ролан Быков и Раиса Недашковская подчёркивали своей милосердной человечностью, что никакие высокие цели и идеалы не могут в конечном итоге оправдать отказ женщины-матери от своего ребёнка.

Между тем драматические события развернулись и помимо сюжета фильма. У Александра Аскольдова нашлось немало «доброжелателей», которые сделали всё, чтобы похоронить картину, не отвечавшую духу партийных установок, проповедовавшую ложный гуманизм. Съёмки несколько раз приостанавливали, Аскольдову строили разные явные и тайные пакости. Приезжало руководство киностудии разбираться, вмешивалось в процесс работы. Режиссёр извёлся, издёргался. А фильм в итоге до зрителя не дошёл — ещё не озвученный, он на два с лишним десятилетия был положен на полку. Аскольдова уволили из штата киностудии, завели против него уголовное дело. Повод был явно надуманный. Поскольку события фильма происходили во время войны, на экране то и дело появлялись конные воинские части. Такое множество лошадей требовало за собой ухода, в частности, коней нужно было подковывать. Конюхи, которым поручили это дело, предпочитали пьянствовать, в итоге у неподкованных лошадей постоянно стирались копыта, животных приходилось выбраковывать, что увеличивало расходы и убытки киностудии. Виновным в итоге решили сделать режиссёра. Актёрам, в том числе Нонне, Ролану Быкову, Владимиру Басову в числе других свидетелей пришлось регулярно являться на судебные заседания, давать показания. К счастью, адвокатам всё же удалось отстоять своего подзащитного и доказать, что режиссёр не обязан был лично отвечать за состояние лошадей. Однако суд, имевший скрытый политический подтекст, своё недоброе предназначение всё-таки исполнил — талантливый фильм оказался надолго недоступен зрителю. А мог бы и навсегда быть потерянным, если бы не…Сергей Герасимов.

Тот, несмотря на партийную дисциплину, не выполнил указания из ЦК КПСС, предписывавшего ликвидировать, то есть смыть все негативы объявленного антисоветским фильма. Герасимов, понимая, что речь идёт о незаурядном произведении киноискусства, сберёг для потомков одну из копий фильма, которую обнаружили в его сейфе много лет спустя, уже после смерти именитого режиссёра.

Нонне казалось тогда, что четыре месяца жизни потрачены впустую — ведь съёмки фильма завершились крахом. Но «киношные» и судебные неурядицы вскоре отступили на второй план на фоне личной трагедии, которая пришла в семью актрисы. 17-летний сын Владимир во время съёмок оставался в Москве — без присмотра кого-либо из родных и близких. Занятая работой над ролью, мать не приезжала в столицу даже на пару дней, хотя, конечно, при желании могла бы вырваться домой. Аскольдов, человек душевный и интеллигентный, несмотря на собственные проблемы и неурядицы, приобретавшие всё более острый характер, несколько раз предлагал исполнительнице главной роли съездить отдохнуть в Москву. Но актриса отказывалась — не хотела бросать режиссёра и остальных коллег в такое трудное время. Да и кто же знал, что дома происходит? А вернувшись в столицу, Мордюкова нашла сына в больнице. Но ещё больше была потрясена и шокирована, когда узнала диагноз — наркотическое отравление. Володю к этому времени, правда, врачи уже откачали, он выглядел веселым, улыбался, хоть и виновато, пытался шутить. Бросилась к нему с расспросами. Неохотно, но признался, что Сашка-дружок принёс таблеток с пивком. Клялся, что это в последний раз… Нонна колебалась, верить ли. Поверила — очень уж хотелось верить, что это просто недоразумение, которое не будет иметь никакого продолжения.

Хотя сомнения всё-таки мучили. Вспоминала тихую и вежливую компанию Володиных друзей с гитарой во дворе. С ужасом вспомнила, что один из них, Семён, уже умер — в десятом-то классе! И как раз от наркотиков! А второго приятеля сына, Петю, встретила не так давно — и не узнала, настолько он изменился, на себя был не похож (тогда не знала ещё, что скоро и Пётр уйдёт в иной мир). Кто виноват? Казалось, что чья-то злоумышленная рука подбрасывает молодёжи соблазнительные наркотики, старается развратить… Но её-то Володя — разве он такой? Он же совсем другой — хороший, душевный, матери отрада… Вспыхивала в душе и злоба против бывшего мужа — ведь Тихонов с сыном после развода виделся очень редко, участия в его воспитании не принимал. И тут же задавала себе самой резонный вопрос: а ты с Борисом? Не слишком ли увлеклась ты

своей любовью, которая тоже ни к чему хорошему не привела, зато сына упустила! Но ведь не всё потеряно, успокаивала себя — Володя твёрдо обещал «завязать»…

Это, как говорится, наиболее известная, устоявшаяся версия произошедшего. Но есть и иные свидетельства. По некоторым из них, уже в пятом классе Володю Тихонова поставили на учёт в детской комнате милиции, поскольку мальчик с друзьями баловался алкоголем и таблетками. И пусть потом это призабылось, но не такой уж сенсацией должен был стать для матери новый срыв сына на прежний путь…

А её актёрская карьера между тем продолжалась. В 68-м году актрисе Нонне Мордюковой достались две роли. Одна из них — управдома Варвары Сергеевны Плющ в комедии Леонида Гайдая «Бриллиантовая рука». Гайдай к этому времени уже зарекомендовал себя как один из лучших советских режиссёров-комедиографов, сняться у него считалось честью (хотя многие из его классических кинокомедий были в то время ещё не сняты). Начальство на сатирические картины Гайдая косилось, кое-что заставляло при сдаче фильма «вырезать», но не могло противостоять оглушительному успеху этих фильмов у зрителя. Причём кинокартины Гайдая оставались популярными десятилетия подряд, из поколения в поколение, а многие фразы его персонажей народ расхватывал на афоризмы.

Гайдай не был диссидентом в прямом смысле этого слова, но не мог мириться и с безобразиями советской действительности, высмеивал их зло и язвительно. Управдомша Плющ, как и её коллега Бунша из фильма «Иван Васильевич меняет профессию» — ярчайшие образцы так называемых активистов-общественников, на самом деле же — циников и демагогов, прикрывающихся громкими словами об общем благе… И Нонна великолепно справилась со своей ролью. А её тирады про лучшего друга нашего человека, каковым является управдом, про билетов пачку и водокачку, про подозрительные поездки Семёна Семёновича Горбункова на такси в булочную сделали бессмертным созданный актрисой и волею режиссёра образ.

Ещё одной ролью Мордюковой в том же году стала птичница Глафира Огрехова в фильме «Журавушка». Роль второго плана (главная досталась Людмиле Чурсиной), да и сценарист, по мнению Нонны, явно схалтурил, не наделил персонажа какими-либо яркими чертами, позволявшими тому запомниться зрителям. Мордюкова вообще собиралась отказаться от съёмок, но неудобно было отказывать другу-режиссёру, Николаю Москаленко. Можно сказать, уговорил её. Знал, как подольститься: ты, мол, удачу приносишь, с тобой я за судьбу

фильма буду спокоен. Ладно, согласилась, но поставила условие, что сама дополнит образ птичницы чем-нибудь более интересным. Полезла, как нередко уже случалось перед съёмками, в памятный пакет с записями разных случаев из жизни. И откопала-таки кое-что занимательное… Ноннина героиня по сюжету на птицеферме яйца воровала, потом дома варила и лопала от души, целиком глотала. Нонна нашла своеобразное дополнение к этому образу. Когда милиция приехала за проворовавшейся птичницей, чтобы отвезти её в город и посадить под арест, героиня Мордюковой расфуфырилась, как могла: туфли на шпильках, чулочки, в руках лисий мех. Мол, не куда-нибудь еду, а в город, понимать надо, бабы деревенские! А что в тюрьму, так это дело второстепенное…

В шестьдесят девятом году Нонна сыграла в одном фильме — «Гори, гори, моя звезда», исполнив там небольшую роль подвыпившей дамочки. Правда, на этот год припадает и некоторое повышение в актёрской табели о рангах: Мордюковой было присвоено звание народной артистки Российской Федерации (заслуженной артисткой РСФСР, напомним, она стала четырьмя годами раньше). В следующем году режиссёры предложили ей сняться в своих картинах дважды. В фильме «Случай с Полыниным» сыграла Дусю Кузьмичёву, а у режиссёра Юрия Швырёва в «Балладе о Беринге и его друзьях» пришлось примерить на себя костюм XVIII века. Так далеко в прошлое за свою карьеру ещё не забиралась и так высоко не взлетала, потому что играла не кого-нибудь, а саму императрицу Анну Иоанновну. Звучит громко, но роль, если вдуматься, далеко не главная.

А с другой стороны, всё больше Нонна начинала осознавать, что кинематографическая молодость уже фактически миновала, что с каждым годом подобрать подходящую роль для неё всё сложнее. Нередко приходилось довольствоваться тем, что предлагали. Случалось и такое, что с самого начала не нравился режиссёр — понимала, что не сработается с ним. В подобных случаях приходилось под каким-либо предлогом отказываться. А иногда всё же в силу тех или иных причин снималась и у таких режиссёров. Понимала, что гнать бы надо такого постановщика-бездаря как можно дальше с киностудии, но смиряла себя. Добросовестно отрабатывала свой хлеб, пусть и не всегда с огоньком…

Что скрывать: постоянно следила как за актёрской карьерой, так и за личной жизнью бывшего супруга. Если исполнение им князя Болконского в «Войне и мире» критики расценивали по-разному, то учитель Илья Мельников в «Доживём до понедельника» (1968) Станислава Ростоцкого был оценён выше и

через два года принёс актёру Государственную премию СССР. В том же 68-м году Вячеслав Тихонов женился на 25-летней преподавательнице французского языка Тамаре Ивановне. Познакомились на озвучивании французского фильма «Мужчина и женщина», где она как сотрудница Союзкиноцентра помогала актёру. Тамара была замужем, но ради актёра ушла из семьи. Возрастная разница в 15 лет супругов не смутила. А в 1969 году у них родилась дочь, которую назвали Анной. Тамара Тихонова напоминала мужа своей сдержанностью и молчаливостью. Но, как говорили те, кто знал взаимоотношения супругов, сумела подчинить его своей воле, контролировала его жизнь, к тому же была весьма ревнивой…

В 1971 году Нонна сыграла в фильме «Молодые» роль Дарьи Васильевны (где сыну Мордюковой доверили роль Вадима), но гораздо более памятными и существенными оказались для актрисы съёмки в другом фильме того же года — «Русское поле». Да и как иначе, если режиссёр Николай Москаленко собрался снимать этот фильм именно в расчёте на свой талисман — Мордюкову. Играла в картине Евфросинию Угрюмову, а Владимир Тихонов исполнил роль сына героини — Филиппа Угрюмова.

По сюжету сын Угрюмовой погибал. В гробу сниматься — нехорошая примета, невольно подумалось Нонне, когда познакомилась со сценарием. Но тут же постаралась настроить себя на оптимистический лад. Вспомнила собственную юность в кино, роль Ульяны Громовой, которая тоже ведь погибла… А теперь у сына есть такая прекрасная возможность проявить себя, достигнуть славы, которая для артиста немаловажна! Так что не стоит заморачиваться на суевериях, решила для себя в итоге.

Мать и сын сыграли свои роли замечательно, а трагический уход из жизни молодого Угрюмова вызывал слёзы у зрителей, которые сразу полюбили картину. Кинокритики же окрестили её народной драмой. Нонна настолько органична была в своём образе простой русской женщины, достигла такой подлинности в воплощении образа, что многие при просмотре фильма и не разделяли её с героиней. Не случайно в 1972 году Мордюкова была признана лучшей актрисой года по опросу популярного журнала «Советский экран».

А в реальной жизни как складывались отношения с сыном? Как раз в 71-м Владимир закончил Театральное училище имени Б.Щукина. В «Щуку», а не во ВГИК, где некогда учились его родители, Нонна посоветовала сыну поступать вполне осознанно: за многие годы работы в кино убедилась, что люди со специализацией театрального актёра всё-таки более

востребованы, чем штампуемые из года в год мальчики и девочки из ВГИКа. Разностороннее подготовлены, что ли, как ни горько было это признавать. Владимир, отличавшийся незаурядной красотой (ещё бы, при таких-то родителях!), учился довольно успешно — на одном курсе с Юрием Богатырёвым, Константином Райкиным, Натальей Гундаревой… Ещё во время учёбы начал сниматься в кино (всего фильмов в его актёрской карьере будет 18, а не 12, как иногда неправильно пишут, но не станем забегать вперёд). В недоброй памяти 67-м году Нонна, чтобы отвлечь сына от пагубной привычки, посодействовала, чтобы его задействовали в фильме «Путь в „Сатурн“» — на военную тему, о советских разведчиках. Потом были фильм «О любви» и уже упоминавшиеся кинокартины, где сын играл вместе с матерью, — «Журавушка» (в роли Сергея Лунина), «Молодые», «Русское поле». Участвовал Тихонов-младший и в переозвучивании старого фильма «Сын полка» (снятого в первый послевоенный год).

После училища Володю призвали в армию, хотя, понятное дело, молодого талантливого актёра и там использовали по назначению — он играл в Театре Советской Армии. Между тем в армию отправился уже женатый мужчина — летом семьдесят первого года Владимир Тихонов заключил брак с актрисой Натальей Варлей, знаменитой по комедии Гайдая «кавказской пленницей». Почти на три года старше Владимира, Наталья в детстве поездила по стране (отец был моряком), пока семья не осела в Москве. Закончила училище циркового и эстрадного искусства, устроилась в Московский цирк. В 66-м получила главную роль в «Кавказской пленнице», через год сыграла Панночку в «Вие» по Гоголю. Уже известной актрисой училась в «Щуке» в одной группе с Тихоновым-младшим, а после окончания училища поступила на работу в Театр имени Станиславского. Володя давно пытался завоевать любовь Варлей, но долгое время — безрезультатно. А затем вдруг она сама явилась к нему на съёмки «Русского поля»… Весной 1972 года у молодых супругов родился сын Вася. Только вот брак их, по сути, продержался всего несколько месяцев… Сразу многие заговорили, что ребёнок — не Тихонова. В качестве настоящего отца называли Николая Бурляева или Константина Райкина. Очевидцы вспоминали, что на съёмках «Русского поля» Варлей устроила Владимиру скандал: я жду от тебя ребёнка, одна рожать не собираюсь! И Тихонов поступил как джентльмен… А после скорого развода был вынужден платить алименты. Мордюкова в этом конфликте много лет была на стороне сына, а не Варлей и своего внука от неё не признавала.

А уже в июле 72-го, во время гастролей с театром в

Челябинске, Владимир познакомился с 18-летней Натальей Егоровой, танцовщицей Московского балета на льду, тоже гастролировавшей в уральском городе. Сразу заявил друзьям, что она, мол, будет моей. Егоровой же Владимир поначалу не понравился, сочла его пустоватым пижоном, да ещё сынком прославленных родителей, о чём тут же нашептали подружки. Много позже решила всё-таки позвонить по оставленному Володей номеру телефона. Впечатления получила уже приятные, хотя более тесно общаться стали не сразу — мешали постоянные гастроли. Владимиром Наталья очаровывалась всё больше — красив, умён, начитан… Встречались поначалу тайком от Мордюковой, в том числе на её квартире, когда актриса бывала в отъезде. Позже Наталья всё же познакомилась с матерью своего избранника — вечер просидели втроём на кухне, беседовали.

В 1973 году Владимир Тихонов отслужил своё и устроился в Театр-студию киноактёра, где уже более двух десятилетий работала его мать. Нонна очень надеялась, что хотя бы служба в армии вынудила сына отказаться от привязанности к наркотикам… Увы, как оказалось, надежды не оправдались. Владимир разве что старался поначалу скрывать свои пагубные пристрастия и плохие компании от матери. А паузы между его запоями становились с каждым годом всё меньше… Мордюкова пыталась как-то воздействовать на сына, но всё более убеждалась: безнадёжное дело.

Зато после годового перерыва в съёмках 1973 год подарил (как компенсацию, что ли?) сразу четыре роли — явление довольно редкое для Мордюковой. Снялась в короткометражке «Страдания молодого Геркулесова», в «Двух днях тревоги» сыграла Мавру Григорьевну (а сын Володя — корреспондента Дмитрия Дягилева. Кстати, как показывают несложные подсчёты, мать и сын сыграли вместе в пяти фильмах, а не в двух, хотя эта ошибочная цифра кочует по ряду изданий), в советско-чехословацком фильме «Завтра будет поздно» — Кузюрку. В картине же режиссёра Алексея Салтыкова «Возврата нет» Мордюковой досталась роль донской казачки Антонины Кашириной. Наконец-то казачка казачку сыграла, подумалось. И актёрский дуэт с Владиславом Дворжецким получился удачным, это потом все признавали. Фильм тоже снимался в жанре народной драмы, как и недавнее «Русское поле». А судьба Кашириной, которую муж оставил ради невестки, вызывала сочувствие у подавляющего большинства кинозрительниц… Только вот всё равно поневоле вспоминалось, как мечтала когда-то другую казачку сыграть — Аксинью в «Тихом Доне»…

По совокупности заслуг — за несколько ролей в фильмах

последнего десятилетия в 1973 году Нонна Викторовна была отмечена Государственной премией РСФСР имени братьев Васильевых (вообще-то говоря, создатели фильма «Чапаев» режиссёры Георгий и Сергей Васильевы были однофамильцами, но людская молва так прочно связала их имена в качестве родственников, что они сделали слово «братья» своим коллективным псевдонимом).

В 74-м сыграла Раису Сурмилову, далеко не юную уже актрису-примадонну, в фильме «Лев Гурыч Синичкин». Поначалу не совсем лежала душа к предложенной режиссёром Александром Белинским роли, а в итоге, как ни странно, оказался этот образ одним из самых памятных за несколько лет. Снимался «Синичкин» по заказу телевидения — как телефильм, но какой-либо особой специфики Нонна, признаться, не ощутила. А 13 марта этого же года актрисе было присвоено звание народной артистки СССР — высшее в тогдашней официальной актёрской иерархии. Вячеславу Тихонову такое же звание присвоили тоже в 74-м. Как же иначе — после ошеломляющего успеха сериала «Семнадцать мгновений Москвы» годом ранее. За роль Штирлица Тихонов в 76-м году получил уже имевшуюся у Нонны Госпремию имени братьев Васильевых. Тогда же и в партию вступил… Охотно или нет, кто знает, но зато известно, как не хотел сниматься «экс-Штирлиц» в трилогии по книгам одного из руководителей КГБ Цвигуна («Фронт без флангов», «Фронт за линией фронта» и «Фронт в тылу врага»), толкать пламенные речи в образе майора Млынского. Ан нет, пришлось… Хотя куда органичнее был для актёра образ писателя и охотника Ивана Ивановича в фильме «Белый Бим Чёрное Ухо» (1977), отмеченный через три года Ленинской премией. Но вернёмся, однако, к Нонне Мордюковой…

Год семьдесят пятый, если честно, запомнился ей из двух сыгранных ролей не Марией Петровной Ивановой, персонажем картины «Семья Ивановых». Событием кинематографического года стал фильм «Они сражались за Родину» — очередная эпопея Сергея Бондарчука, на этот раз не по Льву Толстому, а по шолоховской прозе, где Нонне выпало играть солдатку Наталью Степановну.

Собственно говоря, это на экраны фильм вышел в 75-м году, а снималась в нём Нонна осенью семьдесят четвёртого. Съёмки проходили на Дону. Нонна понимала, что роль интересная, что хорошо бы съездить с экспедицией в соседние с родной Кубанью казачьи места, но поначалу собиралась отказаться от роли. А то ведь: «все актёры по парам, только я одинока»! Иначе говоря, большинство артистов ехали на Дон с семьями (Вячеслав

Тихонов, между прочим, там тоже снимался), а Нонне не хотелось блистать перед коллегами своим на тот час одиночеством. Однако уговорить её, что поначалу не сумел сделать Бондарчук (не только земляк и приятель, но, между прочим, уже профессор ВГИКа и секретарь правления Союза кинематографистов СССР), удалось Шукшину, который играл в картине одну из главных ролей. Позвонил в Москву и пообещал, что актёрских жён Бондарчук под благовидным предлогом отошлёт по домам.

Роль Натальи Степановны небольшая, но фильм этот стал очень памятным и дорогим для Мордюковой. В последний раз здесь она сыграла вместе с Василием Шукшиным. Киношники вообще-то люди ко многому привычные, их чем-то удивить трудно, но здесь все, кто был на съёмочной площадке, смотрели на актёрский дуэт как на диво дивное. Давно не приходилось видеть такой удивительной слаженности в игре — до малейшей мелочи. Сложные сцены снимались с первого дубля. Казалось, что Нонна и Василий не играли свои роли, а по-настоящему жили в избранных образах. На какое-то время Нонне даже показалось, что возвращается прежняя её любовь к Шукшину. Хотя чётко осознавала, что это лишь иллюзия. Но всё равно играть было радостно и приятно, как давно уже не игралось за долгие годы. Это была настоящая магия любви…

А через несколько дней, 2 октября 1974-го, киноэкспедицию потрясла страшная новость о смерти Василия Макаровича. Уже неживым своего друга обнаружил в каюте теплохода «Дунай», на борту которого квартировала группа, Георгий Бурков. Все были словно в трансе. Только повторяли друг другу, что нет больше Васи с нами. Нонна плакала навзрыд и не стеснялась своих слёз. Ушёл из жизни светлый человек, бывший когда-то её единственной отрадой и надеждой. Судьба поставила в их отношениях свою роковую точку…

1975 год, когда фильм «Они сражались за Родину» появился на экранах страны, был для Нонны юбилейным — полтинник как-никак стукнул, веха в жизни. Кроме поздравлений от друзей и родных, была и очередная награда от власть имущих — артистке вручили орден «Знак Почёта».

В 75-м решили узаконить свои отношения сын Володя с Натальей Егоровой. Сыграли свадьбу. Вячеслава Тихонова на ней не было, а вот Нонна для невестки даже платьем свадебным разжилась необычным — с киностудии. Только вот детей у молодых всё не было — Наталья сильно себя корила, что ещё 18-летней сделала аборт от Владимира. Даже в церковь ходила много раз — замолить грех. Свекрови в содеянном не признавалась, а ссылалась на специфику работы — вечно на

холоде, на льду… Молодые супруги были красивой и внешне вполне счастливой парой, постоянными гостями на различных мероприятиях в актёрской (и не только) среде. Вот только супругом Владимир оказался весьма ревнивым. Как говорили знающие люди, в маму пошёл…

А у самой Нонны личная жизнь всё никак не складывалась. Хотя поклонников, лет на 10, а то и 20 моложе её, вроде бы всегда хватало (как правило, из артистических и околоартистических кругов), но не воспринимала их как настоящих мужчин. Неудачников не любила с детских лет, а как иначе относиться к тем, кто вечно жалуется на своё невезение, на нехватку денег, кто поглядывает на твой кошелёк?

Но такими ли уж примитивными типами были все красавчики-альфонсы? Скорее всего, это более позднее и не совсем справедливое обобщение. Того же Гелия Коновалова к явным неудачникам не отнесёшь — родившийся в обычной русской семье, но обладавший негроидной внешностью (тёмная кожа, курчавые волосы, белоснежные зубы), этот артист умел эксплуатировать не только свою необычную внешность. «Советский негр» был участником популярных концертов, мастерски читал со сцены стихи.

Или возьмём Юрия Каморного, отношения которого с Мордюковой в своё время наделали шуму среди богемной публики. В более поздних публикациях артиста по возрасту записывали чуть не во внуки Нонне. На самом деле разница в возрасте составляла 19 лет. Юрий родился в 1944 году в Свердловской области. Успешно снимался в фильмах, работал в Ленинградском театре юного зрителя. Во время съёмок в военном фильме «Зося» (1967) из-за преждевременно взорвавшегося заряда был контужен, долго лечился. Кстати, озвучивал его в «Зосе» Вячеслав Тихонов, на которого Каморный был похож и внешне. Эффектный и обаятельный красавец, Юрий не знал отбоя от поклонниц и женским вниманием охотно пользовался, что привело к быстрому разводу с женой — тоже актрисой (у них уже была дочь). Девицы караулили его у выхода из театра, пытаясь привлечь внимание… А сам Каморный после одного из творческих вечеров Мордюковой упал перед ней на колени с признанием в любви. Узнав Юрия по его ролям в кино, Нонна перевела разговор на актёрские темы. Но и в дальнейшем Каморный искал с ней встреч, говорил о чувствах. Даже маму свою просил поговорить с Мордюковой. А однажды появился у актрисы дома (та была в это время с сестрой), достал пистолет и выстрелил себе в руку, доказывая силу и искренность чувств… По словам сестры, перебинтованного поклонника Нонна отправила

восвояси. У Каморного началась депрессия, пошатнулось здоровье. Выйти из жизненного кризиса не помогли многочисленные романы, второй брак… В ноябре 1981 года в его же квартире милиционер застрелил Каморного. Милицию вызвали соседи: в руках у артиста были ножи, а рядом громко кричала очередная подруга…

Были у Мордюковой в разные годы романы с актёрами поярче Каморного. Скажем, молва одно время связывала её имя с Владиславом Дворжецким, с которым они снимались в фильме «Возврата нет»… А Андрей Миронов, партнёр по съёмкам в «Бриллиантовой руке»? Сама Нонна позже в интервью говорила, что они сильно сдружились, что она ходила на все его спектакли в Театре сатиры… Но однажды в интервью для журнала «Советский экран» разоткровенничалась и призналась в более близком общении с Мироновым (правда, то интервью по каким-то причинам так и не было напечатано). Так вот, разве можно было бы назвать талантливейшего Миронова молодым неудачником (притом даже, что он был на 16 лет моложе Мордюковой)? Конечно же, знаменитый артист под такую категорию не подпадал…

А тем временем опять пошли у Нонны перерывы в актёрской карьере — хорошо, если одна роль в год доставалась. В 77-м году сыграла в фильме «Инкогнито из Петербурга» (по гоголевскому «Ревизору») Анну Андреевну, в 79-м — тётю Паню в кинокартине «Верой и правдой». Но между этими двумя фильмами, в семьдесят восьмом году, выпала роль гораздо более необычная, весьма даже колоритная. Речь о Матрёне Быстровой из фильма «Трясина», который имел и второе название: «Нетипичная история». Создателем картины был Григорий Чухрай, о котором впоследствии актриса отзывалась как об одном из самых любимых своих режиссёров. И сценарист у «Трясины» оказался неординарный — Виктор Мережко, талантливый кинодраматург. Только вот роль поначалу вызвала у Нонны неприятие. Слишком не соответствовала она тому образу, который укоренился в зрительском сознании за нею благодаря фильмам последних двух десятилетий. Обычно ведь Нонна если снималась не в комедиях или исторических фильмах, то играла простых русских женщин, с нелёгкой судьбой, вопреки всему не утративших чувства собственного достоинства. Даже в Доне Трубниковой, отрицательном персонаже из фильма «Председатель», сумела найти какие-то положительные, вызывающие интерес и сочувствие чёрточки. Образ же Матрёны Быстровой, при некоторой внутренней схожести с Трубниковой, всё-таки не походил на те роли, которые Нонне приходилось играть ранее.

Слепая, не рассуждающая любовь матери к своему сыну по сюжету обернулась совсем другой стороной: сын во время войны становится дезертиром, а потом, после унизительного существования вдали от людских глаз, гибнет. И в гибели этой главная вина именно матери.

Роль Быстровой Нонна исполнила профессионально, но, как отмечали многие, без обычного своего азарта. Ощущалось, что не лежит душа к этому образу, что не смирилась она со своей героиней. А ещё хуже, что после «Трясины» в некотором роде повторилась ситуация десятилетней давности. Как и в случае с «Комиссаром», «Трясину» бдительные идеологи сочли посягательством на нравственные устои советского человека и очернительством темы героизма нашего народа в годы войны. И картину на годы положили на полку, а самой Нонне несколько лет мало кто отваживался предлагать сняться в кино.

Сын Володя в 78-м сыграл наиболее известную из своих ролей — Ужимцева в фильме «Версия полковника Зорина». Потом роли ему предлагали всё реже, раз в несколько лет. В 1983 году, правда, Тихонов-младший ещё получил звание заслуженного артиста РСФСР… Но всё больше и больше погружался он в наркотическо-алкогольный мир. Жизнью был недоволен, не раз говорил друзьям и жене, что прославленные родители сломали ему судьбу: пришлось идти по их актёрским стопам, тогда как у него с детства лежала душа к профессии юриста. Тяготился, что почти все воспринимают его как сына Тихонова-старшего и Мордюковой, а не самодостаточного артиста…

Глава 10

В 1981 году Нонне была предложена главная роль в фильме Никиты Михалкова «Родня». Играть ей предстояло Марию Коновалову. Неприятности с «Трясиной» за эти годы уже подзабылись (сценарий «Родни», кстати, сочинял всё тот же Виктор Мережко — и опять в изначальном расчёте на игру Мордюковой, хотя многое в образе Коноваловой, как потом признавался, позаимствовал у собственной тёщи). Жанр определили как трагикомический. Сюжет: простая женщина-крестьянка приезжает в большой город, где живёт семья её дочери, и оказывается втянутой в целую вереницу разнообразных жизненных ситуаций, как смешных, так и печальных. Старается наладить семейную жизнь дочери, то и дело невпопад вмешиваясь в события, смысла которых до конца не понимает… А в итоге вышло так, что не только Коноваловой, но и самой актрисе съёмки в этом фильме запомнились как комическими, так и драматичными эпизодами. Но обо всём по порядку…

Собственно говоря, как и в случае с фильмом «Простая история» 20-летней давности, Нонна Викторовна была причастна к созданию сценария картины с самых первых шагов. Устав от трагической роли в фильме «Трясина», однажды полушутя предложила Виктору Мережко, чтобы он написал под неё какой-нибудь сценарий посмешнее. Идея захватила кинодраматурга, тем более что сдружившаяся с ним актриса каждый раз, приходя в гости, любопытствовала: скоро ли? Готовый сценарий Мережко передал Мордюковой для ознакомления. А следующей ночью его разбудил телефонный звонок. Спросонья не сразу понял, кто звонит и почему с первых же слов именует его гением. Хотя в том ночном разговоре нашлось место не только для похвал, но и для критики. Решили совместно поискать хорошего режиссёра. Нонна в этом вопросе оказалась оперативнее и заручилась согласием Никиты Михалкова. Разумеется, исполнение ею главной роли под сомнение не ставилось ни на мгновение.

Мордюкова, считая себя главной не только по сценарию (ведь это же был «её» фильм!), сама воплотила в жизнь внешность своей героини: платье, каблуки, завивка. Михалков, однако, с самого начала решил показать, что командовать здесь будет он. Причёску переделал, платье заменил на майку, на зубы прилепил фольгу, изображавшую металлические коронки. Нонна вспылила, предложила подыскать другую актрису (например, Маркову, которую сгоряча назвала «Римкой», хотя с Риммой дружила уже много лет), но затем согласилась на изменения. Ей очень

хотелось сыграть эту роль…

Михалков не сразу решил, в каком городе будет снимать «Родню». В конце концов остановились на идее, подброшенной братом сценариста Юрием Мережко: Днепропетровск. В летние дни 81-го съёмочная группа прибыла на берега Днепра. Катаясь по городу на переполненных с самого утра трамваях, режиссёр со своими помощниками на каждом маршруте выбирал красочные места для будущих съёмок. Один из вокзалов, довольно затрапезный на вид, Михалков выбрал для финальной сцены, когда Мария Коновалова бегает по перрону, разыскивая своего бывшего мужа. И вот тут-то между режиссёром и актрисой разыгрался острый конфликт. Михалкову хотелось, чтобы лицо героини выражало страдание, тем более что снимали Мордюкову крупным планом. По мнению Никиты Сергеевича, актриса не прониклась задачей, более того, халтурила, не настраивалась на сцену, сидя с подругой-актрисой Риммой Марковой в бытовке за стаканчиком винца. Михалков приказал положить в чемодан Марии Коноваловой побольше тяжёлых камней, чтобы актриса с трудом тянула свою ношу: может, хоть тогда появится страдание на лице?! Немолодая уже артистка с измученным видом таскала чемодан по перрону, но всё равно её игра не устраивала режиссёра. Разозлившийся Михалков, эффектно, словно голливудский кинополководец, восседавший на специальном кране над съёмочной площадкой с микрофоном в руках, начал издеваться над подчинённой: может, тебе ещё кирпичиков подложить? Халтуришь, бабуся! Не тебе такие роли играть! И ещё добавил несколько хлёстких фраз по поводу народной артистки СССР, да во всеуслышание, при полном вокзале народа. Так сказать, прибегнул к опыту некоторых зарубежных коллег: разозли артистку, доведи до слёз, тогда она и выдаст тебе искренние чувства в кадре…

У Нонны взыграла казачья кровь. Швырнув на перрон опостылевший чемодан, направилась к бытовому вагончику. Режиссёр преградил ей дорогу, став в дверях бытовки. Тоже, видно было, разозлился не на шутку. Так сказать, нашла коса на камень… Рассвирепев, Нонна стукнула его кулаком по широкой груди — хоть бы хны! Тогда рванула на себя модную заморскую рубашечку Никиты Сергеевича — только пуговички посыпались. Больно пнув его напоследок ногой в колено, прорвалась в вагончик. Михалков, сжав кулаки, постоял пару минут в дверях, но затем молча ушёл… А Нонне пришлось вызывать «Скорую», делать укол. Общаться с «этим козлом» (так в порыве гнева обозвала обидчика) актриса отказалась… Некоторое время переговоры велись через оператора Павла Лебешева, но

примирение состоялось только спустя несколько часов в номере гостиницы, куда уехала с площадки актриса. Михалков, войдя в номер, сел и заплакал: я виноват, но позволь хотя бы объясниться… Отходчивая Нонна тоже всхлипнула, обняла Никиту за шею: ладно, всяко бывает. Выпили коньяка из стоявшей на столе бутылки.

Что бы там ни говорилось, но Михалков был одним из любимых режиссёров Мордюковой, и об этом она не раз говорила за свою жизнь громогласно. Уважала его как талант, как профессионала — и ощущала ответное уважение. Иногда после окончания съёмок какого-нибудь эпизода Никита Сергеевич сидел молча, «переваривал» увиденное, а потом спрашивал, почему актриса сымпровизировала именно таким образом, откуда появилась у неё такая фраза? Ощущал масштаб актёрской личности…

Самое обидное, что финальную сцену «Родни» цензура заставила сильно сократить. Почему это у вас, товарищ Михалков, на перроне толпа новобранцев-призывников? На Афганистан намекаете? Не пройдёт такой номер, даже не рассчитывайте!

Цеплялись цензоры к самым неожиданным вещам. Узрели в городской панораме, за которой наблюдают из окна герои картины, корпуса секретного оборонного предприятия — вырезать эти кадры (пришлось потом переснимать их уже в Киеве). И вообще: какие-то несоветские люди показаны в фильме. Песни «не наши» слушают на своих магнитофонах, книги только для украшения на полки ставят в квартирах, курят импортные сигареты… У главной героини бывший муж — алкаш, дочка с внучкой тоже выглядят какими-то ненормальными. Тенденция, однако, негативная, граждане создатели фильма. Родня-то родня, но не наша (кстати, примерно с такими заголовками после появления фильма вышли некоторые газеты, опубликовавшие разгромные рецензии)…

Между тем роль Маруси Коноваловой оказалась одной из самых органичных в творческой биографии Мордюковой. Настолько узнаваем был для зрительского сознания образ простой женщины, которая в силу своего характера просто не может, чтобы не опекать кого-то, не воспитывать, зачастую настырно, вопреки желанию того, кому помогает. И тонкий намёк на применяемые Коноваловой методы, заключённый в её фамилии, не совсем оправдывал себя. Ибо хотя героиня Мордюковой и воспринималась как назойливый в своих нравоучениях, нелепый персонаж с громогласным хохотом и дурацкими выкриками, но в то же время она была живым

человеком, который искренне интересуется жизнью иных людей и пытается им помочь. Что на фоне растущего в обществе всеобщего равнодушия, особенно среди вырванных эпохой урбанизации из привычной деревенской среды новоявленных горожан, не могло не подкупать душу зрителя. С Коноваловыми рядом жить бывает невыносимо, но без них, пожалуй, будет намного хуже…

Почти весь фильм героиня Мордюковой проводит в городе, но есть в «Родне» и сцена её отъезда из родного села. Снимали этот эпизод в посёлке Сурское под Днепропетровском. Сельчане воспринимали народную артистку как свою. При каждом удобном случае тащили ей на съёмочную площадку продукты собственного изготовления, чаёк. Пытались и самогоночки предложить. Нонна за еду благодарила, но просила накормить в первую очередь технический персонал — операторов, осветителей, которым вечно некогда перекусить за работой. Качество овощей бывшая станичница оценивала со знанием дела, хвалила рачительных огородников, а над некоторыми и посмеивалась.

Колоритно выглядел в фильме Вовчик — экс-супруг Коноваловой, которого сыграл Иван Бортник. Пьянчужка, хоть и с претензиями на достоинство… На самом же деле актёр во время съёмок не пил. Друг Владимира Высоцкого, Бортник незадолго до смерти актёра и поэта поспорил с ним, что бросит пить. И слово держал даже перед уже покойным другом, хотя разные доброжелатели то и дело провоцировали, пытались подпоить.

А ещё Нонна Викторовна оказалась причастна к актёрскому дебюту в «Родне» Олега Меньшикова, тогдашнего студента театрального училища. Высмотрев его среди множества претендентов, рекомендовала Михалкову.

Колоритной оказалась и сцена примирения Марии Коноваловой с зятем Стасиком (его сыграл Юрий Богатырёв). Искромётные танцы тёщи и зятя снимали в гостиничном ресторане. В эпизодах задействовали даже технический персонал съёмочной группы, а одну из ассистенток режиссёра Михалков нарядил парнем — мужчин для эпизода не хватало. Сам же сыграл официанта. Сцена в ресторане была заключительной по ходу съёмок, поэтому все совмещали приятное с полезным — поглощая яства и напитки, заодно отмечали окончание совместной работы… Нонна дотанцевалась до того, что с сердечным приступом попала в кардиологическое отделение городской больницы. Правда, слегка отойдя, тут же принялась развлекать соседей и персонал всяческими байками, на которые была большой охотницей.

А у режиссёра после окончания съёмок только начался долгий процесс вывода фильма на экран. Изрядно урезанную цензурой, «Родню» на год положили на полку — как бы чего не вышло. Впрочем, для Нонны подобные истории стали уже привычными. И неудивительно: снималась ведь не в штампованной, но идеологически правильной на все сто процентов халтуре — вот ту бы сразу на экраны выпустили!

82-й год «ознаменовался» для актрисы двумя фактически эпизодическими ролями — в рязановском «Вокзале для двоих» она сыграла «дядю Мишу» (причём Рязанов признавал, что пусть во время своего эпизода, но Мордюкова будет на съёмочной площадке главной, с чем режиссёрам нужно заранее смириться), а в короткометражном «Этюде для домино с роялем» — доминошницу. А Вячеславу Тихонову в том же году присвоили звание Героя Социалистического Труда. И поручили брежневские «Воспоминания» читать по телевизору в траурные дни после смерти генсека ЦК КПСС…

В восемьдесят втором Нонна вторично стала бабушкой: у Владимира и Натальи Тихоновой наконец-то родился сын. Назвали Володей, как папу… Этого внука актриса полюбила, нянчила на руках — в отличие от предыдущего. Но что скрывалось за фасадом семьи Тихоновых, знали немногие. И никакая «Мария Коновалова», пожалуй, уже не смогла бы наладить жизнь сына и невестки. Через некоторое время Владимир Тихонов фактически потерял работу: его перестали снимать в кино, брать с театром на гастроли. Пил он всё больше, нажив себе серьёзные проблемы с сердцем и сосудами (и через некоторое время — два инсульта). Скандалы в семье вспыхивали с печальной регулярностью. Наталья не раз порывалась развестись, но каждый раз жалость заставляла её отказаться от такого решения. Вынужденная содержать семью, постоянно гастролировала, месяцами не видя мужа и сына (которого, когда подрос, отдали в школу-интернат). Например, в 84-м году, когда Вове было чуть больше двух лет, на полгода вынуждена была уехать на гастроли в Латинскую Америку. Владимиру на киностудии, где он числился, немного платили, но эти деньги уходили на алименты ребёнку от брака с Натальей Варлей. Своеобразная гордость не позволяла ему обращаться за финансовой поддержкой к родителям, но легче семье от этого не становилось — наоборот…

После трёхлетнего перерыва в 85-м году зрители увидели Мордюкову на экранах в новом фильме «От зарплаты до зарплаты» (в роли Плисовой). В этом же году в честь 60-летия именитой актрисы ей был вручён орден Дружбы народов. А на

следующий день после своего юбилея узнала печальную весть — умер Сергей Герасимов.

В 87-м актриса сыграла в двух фильмах: чрезмерно любопытную вахтёршу Зинаиду Яковлевну в телефильме «Доченька» и хирурга Татьяну Ивановну в кинокомедии Константина Воинова «Ссуда на брак». В следующем году — лишившуюся крова вдову Авдотьину в фильме Николая Губенко «Запретная зона» (сюжет повествовал о разрушительном смерче в одном из городов и его последствиях), а в 89-м была небольшая роль в фильме «Зима в раю». Но с 1988 годом в первую очередь для актрисы было связано триумфальное возрождение из небытия кинокартины «Комиссар». Времена в стране изменились, перестройка с гласностью набирали ход, и чудом (а точнее, мужеством Сергея Герасимова) спасённая антисоветская картина наконец-то вышла на экраны. И начала своё победное шествие по странам и континентам. Горбачёвская эпоха перемен в Советском Союзе вновь пробудила в мире интерес к загадочной русской душе, поэтому фильм пришёлся весьма кстати. Более того, оказалось, что за два десятилетия он не утратил ни художественной, ни моральной ценности, а его гуманистическая идея представала как никогда злободневной. «Комиссар» собрал в итоге множество призов и премий на различных кинофестивалях. Только в Западном Берлине получил четыре приза, затем был успех в Сан-Франциско… Режиссёра Александра Аскольдова и исполнительницу главной роли приглашали в самые разные страны, картиной заинтересовался даже президент США, в Японии и Австралии зрители стоя аплодировали создателям фильма. Так что Нонне выпало попутешествовать по миру, а всевозможные подарки актрисе трудно было даже подсчитать. Не раз с горечью вспоминала она трудное лето 67-го, удивляясь, как резко может перемениться судьба одного и того же человека. И одного и того же фильма…

На самом закате существования Советского Союза на творческом счету Мордюковой прибавилась роль бабы Зины в фильме «Бегущая мишень». Фильм снимала казахская киностудия, режиссёром выступал Талгат Теменов. Согласно сюжету скрывающийся от властей участник студенческих волнений Санжар находит убежище в доме пожилой русской женщины (её и сыграла Мордюкова). В этом же году ушла на пенсию из Театра-студии киноактёра, с которым была связана вся её артистическая жизнь начиная с далёкого 1950 года, когда пришла сюда молодой выпускницей ВГИКа.

Это в фильме баба Зина на какое-то время обрела словно бы сына. В реальной же жизни как раз в это время актриса навсегда

потеряла самого близкого ей человека. Незадолго перед тем, весной 90-го, уступая настоятельным просьбам сына, разменяла свою квартиру в высотке на две: однокомнатную в обычном панельном доме — для себя, вторую — для сына. Наталья Тихонова, которая в эти дни была с балетом на репетициях в Ленинграде (а фактически уже в разводе с мужем), вспоминала, как Владимир позвонил ей, на время стряхнув с себя привычные дурман и депрессию. Собирался поскорее прописать сына в своей новой квартире близ метро «Щукинская». Наталье показалось, что муж образумился. Хотя подсознательно чувствовала беду, особенно увидев Владимира во сне горько рыдающим. О смерти Тихонова узнала не от кого-нибудь из родственников, а от знакомых артистов, дозвонившихся по межгороду. Умер актёр в той самой новой квартире. Как сказал ей позже один из собутыльников, Толик, Тихонова оставили после застолья в бессознательном состоянии, а утром застали мёртвым…

Иные, ещё более трагические подробности гибели Владимира стали известны спустя много лет. В 2010 году умерла Валентина Кушлянская, известная в артистических кругах Москвы «тётя Валя». Сама бывшая наркоманка, а затем работница советской торговли с её вечным дефицитом и блатом, Валентина ценилась многими любителями кайфа за то, что торговала наркотиками (среди прочих, как говорят, снабжала Владимира Высоцкого и Олега Даля). Потеряла на этом деле собственную дочь, но зато жила припеваючи в материальном плане… Тихонов тоже был среди её постоянных клиентов. В тот роковой день, уже после ухода собутыльников, Пети с Толиком, позвонил «тёте Вале» с просьбой срочно привезти дозу. Кушлянская со своим дружком приехала к нему на квартиру и застала актёра в полубессознательном состоянии: язвы на теле и явные признаки сепсиса, заражения крови. Всё-таки по просьбе Владимира сделала ему укол — и увидела, что тот вот-вот погибнет от передозировки. Позвонила домой Мордюковой, но та, по словам Кушлянской, устало ответила, что никуда не поедет, у неё своя жизнь… Вызвав «Скорую», «тётя Валя» со своим приятелем скрылась из квартиры до её приезда.

Нонну вызвали в больницу, когда сын уже лежал в реанимации. В прошлом ей уже не раз приходилось прибегать сюда по таким же вызовам (вспоминала позже в своей книге, как однажды бежала по улице босиком, потеряв в спешке туфли). На этот раз подсознательно ощутила: всё! Но верить жутким мыслям не хотелось. Гладила лежавшего на кровати старика, в которого превратился её 40-летний сын, целовала его ноги. А он ещё успел попросить, чтобы похоронили его на родине отца, в Павловском

Посаде.

Умер Владимир Тихонов 11 июня 1990 года (иногда ошибочно называют апрель). Врачи поставили диагноз: сердечная недостаточность из-за передозировки наркотиков. А в крови, как говорили, их следов не нашли (или просто не афишировалось тогда наличие в Советском Союзе наркомании?)… Похоронили Володю на Кунцевском кладбище. Среди родных и близких был и Вячеслав Тихонов (хотя потом иногда в прессе писали, что похороны прошли без него). Разумеется, пришли и обе невестки Мордюковой со своими сыновьями. А когда уезжали, произошёл скандал: Нонна не допустила в автобус Наталью Тихонову с Володей, зато туда вошла Варлей с сыном Василием, которых ранее Мордюкова много лет не признавала…

Мордюкова долго не могла преодолеть связанный с гибелью сына стресс. Отказывалась от предложений сняться в кино, выступить в концерте… Но между тем именно начиная с 1990 года довольно долго её имя связывали с молодым певцом Юлианом. Познакомились они на гастрольном концерте в Череповце уже после смерти Владимира Тихонова. По словам Юлиана, Нонна Викторовна была в сильнейшей депрессии и, чтобы хоть как-то выйти из неё, стала по-матерински заботиться о молодом артисте. Шефствовала над ним во ВГИКе, где тот учился, особенно же в студенческом общежитии, требуя от администрации не обижать Юлиана. Постоянно подкармливала вечно голодного студента, приглашая к себе на обеды и ужины. А во время одного из новогодних «Огоньков» заявила, что собирается с молодым избранником пожениться. Пошутила, как потом объясняла, однако повод для догадок и версий был создан надолго…

Глава 11

Хотя и говорила позже актриса в своих интервью, что обычно её поклонники были на много лет моложе, случались в этом списке и исключения. С одним из коллег по артистической профессии Мордюкова даже сочеталась законным браком — вторым в своей жизни после брака с Вячеславом Тихоновым. Между тем был её новый муж только на 4 года моложе Нонны. Речь о Владимире Сошальском, за пару лет до того ставшем народным артистом Российской Федерации.

Владимир Борисович (1929–2007) родился в Ленинграде в актёрской семье. Носил отцовскую фамилию — Феодосьев, но затем избрал для сценической карьеры более звучную — материнскую (собственно говоря, его мать, впоследствии народная артистка СССР, именовалась ещё более красиво — Розалион-Сошальская, но иностранная приставка в послевоенные годы, когда в СССР разворачивалась очередная кампания борьбы с низкопоклонством перед Западом, была сыном благоразумно отвергнута). Играть роли в Ленинградском театре юного зрителя Володя начал ещё школьником. Закончив студию при театре, официально стал актёром ТЮЗа. Блистал в роли Ромео, волнуя многочисленных поклонниц. Девушки стайками преследовали молодого красавца даже на улицах… Когда пришла пора служить в армии, его, как и многих других актёров, определили в Центральный академический театр Советской Армии, которому Сошальский в итоге остался верен до конца своей жизни. Сыграл десятки ролей, а с 20-летнего возраста успешно снимался и в кино, хотя преимущественно в ролях второго плана (в «Тарасе Шевченко», кстати, вместе с Вячеславом Тихоновым). Не пренебрегал и другими заработками — озвучивал героев фильмов, даже персонажей мультфильмов (и Бегемот в одном из выпусков «Ну, погоди!» говорит именно его голосом).

Сошальский был достаточно уникальным человеком даже в актёрской среде с её лёгкими нравами. Только официально за свою жизнь женился семь раз. Нонна Мордюкова в этом матримониальном списке носила номер шесть… Так или иначе, но у Владимира заметна была тяга к коллегам женского пола. Первой его супругой стала такая же юная в те годы, как и он, Ольга Аросева. Второй — известная ленинградская актриса Нина Ольхина, приёмная дочь писателя Анатолия Мариенгофа. Это произошло ещё до призыва в армию, а в дальнейшем Сошальский находил своих избранниц в своём же театре: Нелли Подгорная, Алина Покровская, Мария Скуратова… Нелли, кстати, ушла к

нему от своего мужа-актёра Никиты Подгорного.

Нонна Мордюкова, однако, в Театре Советской Армии не работала — тут Сошальский, так сказать, поступился принципами. Было, как видим, в нём какое-то всепобеждающее обаяние, которое очаровывало, пусть и на время, повидавших уже жизнь, избалованных славой и поклонниками актрис… И Нонна, махнув рукой на опыт предшественниц, решилась — а вдруг?!

Увы, прожили супруги совсем недолго — каких-то полгода. Как впоследствии с юмором вспоминал актёр, всё это время Нонна расширяла жилплощадь в своей тесной квартирке, разбирая стенку между комнатой и кухней. Метраж от этого не увеличился, разве что иллюзия большего простора возникла. Пусть хоть иллюзия, думала Нонна, которой не очень нравились многочисленные дружеские компании, то и дело приходившие в гости к её супругу. Не нравились ей, когда присмотрелась к Сошальскому поближе, и слишком легкомысленные его манеры. Человек уже немолодой, но к вещам относится небрежно, всё разбрасывает или оставляет не на своих местах. Мелочи, но всё-таки… Правда, с Сошальским скучать не приходилось, что весёлой и задорной по натуре Нонне в общем-то нравилось. Ещё какие минусы? Неупорядоченная какая-то жизнь. Бывает, супруг до утра спать не ложится, а потом выпьет наспех кофе — и бегом в свой театр. Да и если бы только кофе пил, ещё бы полбеды…

Расстались Нонна и Владимир легко, без претензий и даже с некоторой долей самоиронии: ну, попробовали — не сложилось. А Владимир вскоре приступил к поиску очередной супруги. В седьмой раз женился на Светлане, не актрисе, но сотруднице родного театра. И уже в 70-летнем возрасте стал отцом — в семье родился сын Володя. Прожили Владимир Борисович с супругой более полутора десятков лет — рекорд для Сошальского. Только смерть актёра разлучила их. А почтить его память в согласии и без каких-либо взаимных обид пришли все семь официальных жён артиста. Что о многом, согласитесь, говорит… Так что — светлая память!..

В 1992 году Редакционный совет британской энциклопедии «Кто есть кто» признал Мордюкову одной из десяти самых выдающихся актрис XX века. В том же году получила своё имя малая планета «Нонна Мордюкова» (номер астероида в астрономических справочниках Солнечной системы — 4022, а диаметр — 39 километров). Актриса, которой подарили карту звёздного неба, гордилась, что теперь там есть и «её мир». Не такая уж и маленькая планета, много народа разместить можно, шутила при случае.

В том же 92-м Мордюкова сыграла роль тётки Алёны в

фильме Павла Лунгина «Луна-парк», затем был очередной перерыв до 1995 года, когда ей предложили исполнить роль работницы ЗАГСа в фильме «Ширли-мырли». Режиссёр этого фильма Владимир Меньшов прямо сказал Мордюковой, что какой-то особенной роли для неё не сочинили, но она со своим опытом и характером, безусловно, сможет придумать что угодно, даже играя в эпизоде. Зато картину своим участием украсит. Нонна после довольно долгих размышлений согласилась сыграть — как признавалась потом, в значительной степени из-за гонорара, поскольку нужны были деньги. И всё-таки опытом участия в подобном финансовом кинопроекте осталась недовольна: продавать талант в следующий раз уже не хотелось.

В год своего 70-летия Нонна Викторовна была впервые награждена не советским, а уже российским орденом — «За заслуги перед Отечеством» четвёртой степени. Правда, награда в сравнении с юбилеем запоздала на два дня — указ был обнародован 27 ноября (судя по всему, на оперативность соответствующих служб повлияла какая-то путаница в бумагах с датой её рождения). В 95-м году актриса была отмечена ещё одной наградой — ей вручили премию «Золотой Овен» в номинации «Человек кинематографического года». А в следующем году Мордюкова стала лауреатом премии «Кинотавр» в номинации «Премия президентского совета за творческую карьеру».

Приятной неожиданностью тех лет стало и изменение жилищных условий актрисы. Разменяв, как мы уже рассказывали, незадолго до смерти сына квартиру на две, Мордюкова ютилась в однокомнатной квартирке. Самое обидное, что вторая квартира — Владимира — после его смерти отошла к государству (Наталья и Вовка там прописаны ещё не были). Мордюкова, в принципе, за прошедшие годы как-то уже смирилась со своим «жилищным вопросом». Но однажды на телешоу у Урмаса Отта, взбодрившись предложенной водочкой, полушутя заявила в эфире, что напишет в ЮНЕСКО: пусть полюбуется, как живут народные артисты России и СССР. Тогдашний премьер-министр Виктор Черномырдин, тоже смотревший телевизор, к чести его, быстро среагировал — связался с находившимся тогда во Франции Никитой Михалковым. И машина завертелась… В итоге Нонна Викторовна вскоре переселилась в трёхкомнатную квартиру на первом этаже 16-этажки близ метро «Крылатское».

Жила вместе с младшей сестрой Натальей. Некогда помогала всем своим меньшим братьям и сёстрам перебраться в столицу (и как мы помним, все они прошли через её с Тихоновым комнату в коммуналке, пока не стали на ноги, не получили собственное

жильё), а теперь, на закате жизни, радовало, что родные люди недалеко, что помогут в случае чего. В различных интервью Мордюкова не раз с гордостью перечисляла своих ближайших родственников: кто чем занимается. Брат Василий — сотрудник служб гражданской авиации, самолётный мастер в Быкове. Сестра Анна — библиотекарь. Людмила — портниха на фабрике спортивной одежды. Геннадий — офицер госбезопасности в отставке (им старшая сестра особенно гордилась, ведь ещё со школьных лет Гена отличался своей эрудированностью, аналитическим умом, особенно в сфере политики, так что даже кубанские лекторы и прочие партийные работники не считали для себя зазорным обратиться к подростку за консультацией).

А наиболее тесно, как мы уже упомянули, оказалась Нонна в последние годы жизни связана с сестрой Натальей. Тоже человек из мира кино. Во-первых, вышла замуж за Петра Катаева, сына писателя Петрова (того самого, что с Ильфом «Золотой телёнок» и «Двенадцать стульев» написал. Петров — это ведь псевдоним, который в своё время писатель Евгений Катаев взял, чтобы отличаться от старшего брата, тоже писателя — Валентина Катаева). Пётр Катаев снимал в качестве кинооператора фильмы режиссёра Татьяны Лиозновой, в том числе знаменитые «Три тополя на Плющихе» и «Семнадцать мгновений весны». Рано ушёл из жизни, к сожалению… А сама Наталья стала художником по костюмам в объединении «Экран». Участвовала, кстати, в съёмках фильма «Возвращение Будулая» на Дону, в местах, где за десять с лишним лет до того Нонна играла казачку Каширину в кинокартине «Возврата нет». Не без доли ехидства поведала Мордюкова в одном из интервью, что местные жители приходили посмотреть на её младшую сестру, угощали всякой всячиной, а исполнительница главной роли Клара Лучко была этим сильно недовольна…

Но вернёмся к кинокарьере Мордюковой. А в ней после «Ширли-мырли» — опять перерыв почти на четыре года, до главной роли (мамы Полины) в фильме «Мама» Дениса Евстигнеева (1999 год). Фильм вызвал у критиков в основном негативные отклики, но игру Мордюковой многие из них всё-таки оценили положительно. Если коснуться философского подтекста картины, то очевидно, что «мама Полина» символизирует Родину, которая искалечила судьбы своих детей, хотя, осознав это, и попыталась потом вымолить прощение за грехи. В некотором роде роль Мордюковой повторяла Быстрову из фильма «Трясина», тоже погубившую сына-дезертира сначала как человека, а потом и на самом деле. И, как в том фильме, актриса вновь не смогла до конца пересилить своё неприятие, отторжение от навязанного ей

образа, что так или иначе, но сказалось на качестве игры. Образно говоря, выдающаяся актриса века двадцатого уже не вписывалась в установки кинематографа нового тысячелетия. И ведь сама почувствовала это, ещё когда только читала сценарий. Особенно не нравились ей сцены угона самолёта. По её требованию в него были внесены значительные правки, только тогда согласилась приступить к работе. А когда участвовала в съёмках и после выхода картины на экраны, защищала евстигнеевское детище, как могла, в том числе и перед позвонившим ей с недоуменными вопросами Эльдаром Рязановым. Увидела в фильме даже традиции прежней эпохи — с человеческими отношениями в семье, без крови ради крови и грязи ради грязи.

Со слабым сценарием Нонну Викторовну примирило к тому же задействованное в фильме целое созвездие молодых талантливых актёров, среди которых были Владимир Машков, Олег Меньшиков, Евгений Миронов… Тем более, что киношные дети и по жизни стали называть её мамой, тянулись к ней. С удовольствием вспоминала, как стойко и одновременно с юмором переносил Меньшиков в пустяшной, почти летней одежонке сильный холод, когда снимали одну из зимних сцен: настоящий артист, сразу видно! Не зря когда-то предложила ему через Михалкова дебютную роль в «Родне»… А Володя Машков, скрывать нечего, приглянулся как мужчина — недаром его секс-символом российского кино считают. Настоящий мачо — всё при нём! Другое дело, как категорически заявляла не раз Нонна Викторовна досужим журналистам, что она и не помышляла о каких-либо реальных отношениях. В её-то возрасте людей смешить! Ей, дескать, просто приятно, что она ещё способна платонически влюбиться в красивого мужчину. Эта энергия любви и во время съёмок помогала…

Кроме стимулов моральных, хорошим подспорьем для актрисы стал и гонорар за съёмки в «Маме». Мебель купила для квартиры, часть потратила постепенно на лекарства. Осталась ещё и подаренная режиссёром стиральная машина-автомат.

В том же 1999 году актриса стала лауреатом Премии деловых кругов России «Кумир» в номинации «За высокое служение искусству».

В 2000 году Нонна Викторовна снялась в документальном фильме Ренаты Литвиновой «Нет смерти для меня». Компанию ей составили такие известные актрисы, как Татьяна Окуневская, Лидия Смирнова, Татьяна Самойлова и Вера Васильева. На протяжении фильма каждая общалась с Литвиновой достаточно откровенно, поверяя нередко тайны своей жизни. Рената

смонтировала свой фильм так, что лица актрис крупным планом сменяли друг друга. Они словно спорили одна с другой — о том, у кого сложилась жизнь, а у кого нет; о том, кто какие жизненные ценности предпочёл в своё время и чем это обернулось. И о грядущей смерти говорили. А для Нонны, наверно, для самой неожиданным стало признание, что тоскует по Тихонову и до сих пор жалеет о своём разрыве с ним…

Нонна Викторовна, как ни странно, сдружилась с гламурной кинодивой. Хотя позже от участия в литвиновской «Богине» отказалась: прости, но не моё… А Литвинова сравнила Мордюкову с драгоценным камнем, способным украсить любой фильм. И сокрушалась, что далеко не все режиссёры в своё время сумели выявить это драгоценное сияние актрисы.

Одна из причин, по которым актриса практически отошла от кино, — нежелание играть роли старушек. Привыкла за творческую жизнь, что с её героиней почти всегда рядом в кадре мужчина. А некоторые нынешние предложения расценивала как грязные. Например, резко отвергла пришедшую в голову одного из режиссёров гениальную идею сыграть пьяницу и сутенёршу малолетних проституток. Вообще же к засилью секса и насилия на телеэкранах относилась негативно. Не воспринимала и сериалы — настоящий фильм не должен растягиваться на месяцы и годы, не должно в нём быть воды… Признавала, что многие российские режиссёры теперь снимают фильмы на уровне западных стандартов, но не очень приветствовала это.

В рекламе, правда, пару раз снималась. Однажды за съёмочный день заработала 5 тысяч долларов. Но такие сюрпризы были скорее исключением. Вообще же, не шиковала. Болезни перекрыли путь на концерты, где в своё время могла подзаработать. Хорошо ещё, что в еде особых разносолов не любила. Даже фрукты предпочитала российские заморским. Болезни, среди которых был и диабет, тоже накладывали свой отпечаток на образ жизни. Впрочем, слухи о нищете, в которой якобы жила актриса, сильно преувеличены. Квартира была комфортабельная и уютная, родственники и друзья помогали, сестра при необходимости тоже подрабатывала. А главное, что никакие болезни и лишения не могли лишить Нонну природной бойкости и весёлости. От её вечных прибауток и новых идей даже родственники порой уставали. Особенно любила посмеяться по любому подходящему поводу, заражая весельем окружающих: мол, наплакаться всегда успеете, это дело нехитрое…

К 75-летию актрисы был подписан указ о награждении её орденом «За заслуги перед Отечеством» третьей степени. В отличие от награждения пятилетней давности, на этот раз о

награде было объявлено заблаговременно — за два дня до юбилея. Забегая вперёд, скажем, что через пять лет таким же орденом, но уже второй степени, к 80-летию Мордюкова была награждена точнёхонько в день своего юбилея — готовившие наградные бумаги службы теперь сработали безукоризненно.

В 2001 году Нонне Мордюковой была присуждена премия Президента России в области литературы и искусства. Начало нового тысячелетия было ознаменовано для Нонны Викторовны и выходом её книги «Не плачь, казачка» (а через несколько лет увидела свет другая книга мемуаров — «Казачка»). Началось всё с воспоминаний, которые стала писать по просьбе одного из журналов. Писала, разумеется, от руки, безо всякой техники, как в старину. Увлекалась работой всё больше — не зря ведь с детства нравилось это занятие. И при этом невольно вновь и вновь возвращалась к ключевым моментам своей жизни…

О бывшем супруге Нонна Викторовна могла говорить хорошо или плохо, но никогда не говорила о нём равнодушно. То признавалась журналистам, что с сердечным трепетом следит за каждым его появлением на экране, то гневно опровергала это. Раньше, когда периодически встречалась с ним на разных мероприятиях, увидела, что на тёплую беседу за жизнь с воспоминаниями рассчитывать не приходится. Кивнёт головой, в лучшем случае задаст дежурно-вежливый вопрос: «Как дела?» — и пройдёт мимо.

Был и такой период, когда довольно часто беседовала по телефону с женой Тихонова Тамарой. С иронией намекала во время интервью, что Тамара Ивановна любит в рюмку заглянуть, а подшофе ей хочется общения. Вот и звонит Мордюковой, но та, дескать, во время разговора сама регулирует, сколько им общаться.

Хотя, видимо, и у второй жены Тихонова были свои козыри в общении. Вот Нонна раньше всё время жаловалась на неприспособленность Вячеслава к жизни, нежелание зарабатывать для семьи. А при Тамаре он и по концертам стал ездить, и дачу на два этажа возвёл, и много что ещё. Значит, нашла подход! «Мы уже столько десятилетий вместе, а его семейная жизнь с Нонной осталась далеко в прошлом», — не без некоторого превосходства делилась Тамара Ивановна с прессой.

А Нонне всё время казалось: она с Тихоновым так и не выяснили всё до конца, не договорили. Пару раз в телеинтервью она в открытую признавалась, что ждёт его звонка. С подругами была ещё откровеннее: жалею, что тогда расстались. Подруги (например, бывшая однокурсница по ВГИКу Тамара Носова) не всегда понимали: у него же давно другая жизнь, забудь наконец-

то о нём.

Если уж затронули тему подруг, то нельзя не сказать, что Нонна временами обижалась на некоторых: то поругаются, то журналистам, мол, насочиняют всяких фантазий. Ранили её иронические замечания в свой адрес со стороны Светланы Светличной и Галины Волчек… И другие подруги ради красного словца тоже не всегда жалели Мордюкову. Про её якобы пластические операции-подтяжки говорили прессе, и о сложном и строптивом характере, о тяге к молодым и привлекательным мужчинам… Хотя отмечали и широту души: готова с друзьями поделиться всем, что есть.

Но вернёмся к бывшему супругу Мордюковой. В 2002 году Вячеслав Тихонов перенёс инфаркт и с тех пор постоянно имел проблемы с сердцем. Хотя ещё несколько лет снимался в кино — до 2006 года, когда завершил актёрскую карьеру в фильме Эльдара Рязанова «Андерсен. Жизнь без любви». В 2005 году дочь Аня родила ему внуков, мальчиков-близнецов, Славу и Гошу… В прессу, впрочем, не раз попадала информация, что микроклимат в семье Тихоновых с каждым годом становился всё напряжённее — Тамара Тихонова то и дело устраивала скандалы. В конце концов Вячеслав Васильевич переехал в загородный дом на Николиной Горе. Правда, через некоторое время дом пришлось разделить на две половины — во второй поселилась Тамара. В обстановке фактического развода она всё больше искала забвения в вине, несколько раз пыталась покончить с собой. Дочь, периодически приезжая из Москвы, где занималась кинобизнесом, используя в том числе авторитет и наработки отца, старалась контролировать обоих родителей. А Вячеслав всё больше страдал от одиночества — друзья его к тому времени ушли из жизни… Несколько раз попадал в больницу, врачи оперировали его. Медики прямо говорили, что одиночество и отсутствие ухода приближает кончину великого артиста. Но Нонну Мордюкову Тихонов в итоге пережил более чем на год (скончался 4 декабря 2009 года) и похоронен был не рядом с сыном на Кунцевском кладбище, как просил, а на Новодевичьем…

Однако пока оба бывших супруга ещё живы — и заслуженно пользуются известностью. Так, в 2004 году Нонна Викторовна стала лауреатом Национальной кинематографической премии «Ника» в номинации «Честь и достоинство». Её появление на церемонии стало неожиданностью для многих — актриса уже мало выходила в люди. Многим запомнилось, как высмеяла какого-то журналиста, спросившего её о подготовке к такому торжеству: мол, всё время только и наводила маникюры да

педикюры! На самом же деле Мордюковой в то время было не до маникюров. В апреле 2004-го попала в институт имени Склифосовского с тромбозом артерии. Выписалась, не завершив весь курс лечения, следствием чего через некоторое время стал инфаркт. Из реанимации обычной городской больницы актрису перевели в кремлёвскую Центральную клиническую больницу, где пролежала довольно долго.

В следующем году почитатели её таланта смогли увидеть Мордюкову на праздновании 80-летия в Центральном доме кинематографиста. Как вспоминала подруга-актриса Людмила Хитяева, Нонну Викторовну, которая уже с трудом передвигалась и по дому, на сцену вывели под руки и усадили в кресло. Видеть её такой немощной многим зрителям было морально тяжело… Хотя такое впечатление тут же развеялось, когда актриса в своей обычной энергичной манере завладела залом на целых три часа — и рассказывала, и смеялась, и песни пела. А зрители стояли даже в проходах — столько народу пришло на этот вечер.

Надо сказать, что Мордюкова весьма негативно реагировала, если кто-то сообщал ей о смерти коллег-ровесников. С той же Хитяевой в 2005 году надолго поссорилась, услышав от неё о смерти Клары Лучко… Но вернёмся к её 80-летию. Одним из условий Мордюковой было, чтобы на вечере не присутствовали её невестки и внуки. Наталью Тихонову с Володей в итоге не пропустили, а вот Варлей на вечер попала. К слову, внуку Володе, оперному певцу, удалось продемонстрировать своё искусство со сцены в другой раз — на юбилее своего деда, Вячеслава Тихонова, который обнял его со слезами благодарности.

В юбилейные дни Нонне Викторовне в Кремле вручили очередной орден. Испытывавшая внезапные приступы слабости актриса во время церемонии чуть не упала, но Владимир Путин успел подхватить её — незаметно для окружающих. Надо сказать, что президент актрисе понравился своей офицерской струнко, ловкостью и энергичностью. Поневоле сопоставляла его с Борисом Ельциным, которого воспринимала не как государственного деятеля, а как простого парня с рабочей окраины. Ещё до избрания Ельцина президентом пообщалась с ним во время концерта творческой интеллигенции для демократической части депутатов Верховного Совета РСФСР — впечатление, в общем-то, осталось хорошее.

Раз уж зашла речь о политических деятелях, то их Нонна Викторовна оценивала в первую очередь с точки зрения собственной симпатии или антипатии. Или с благодарностью за сделанное ей добро. Черномырдину была благодарна за квартиру, Анатолию Чубайсу — за дорогой медицинский полис, который

позволил ей лечиться в «кремлёвке»… Думских депутатов в большинстве своём воспринимала как клоунов (причём Жириновский — хотя бы самый профессиональный). Зюганов на фоне настоящих коммунистов времён молодости её родителей вообще не котировался. В программы расплодившихся партий тоже никогда не вникала. Не любила олигархов, считая, что их место — за решёткой, а награбленные ими богатства нужно бы честно разделить среди народа. И тут же вздыхала: только честно сделать это никогда у нас не получится.

Свой день начинала утром с процедур и зарядки, потом с перерывами работала над очередной книгой. Много смотрела телевизор — могла, например, искренне радоваться победам российских футболистов или наслаждаться концертом Дмитрия Хворостовского. Гордилась, что ещё способна заочно влюбляться в красивых и талантливых мужчин, среди которых особенно ценила Фёдора Бондарчука, Дмитрия Нагиева, Николая Баскова… Вообще же современное телевидение не очень-то жаловала: за постоянный интерес к разнообразным душевным патологиям, засилье чернухи, обесценившуюся в кадре человеческую жизнь. Резко была против подражательства отечественного кино западному. Сериалы отвергала и не совсем понимала, как могут её коллеги-ровесники сниматься в таком «мыле». Разве что из-за денег? Но есть ведь среди них и не бедные… Неужели из-за актёрского азарта?

Отвечала на звонки почитателей таланта из других городов и даже стран. Получила приятное известие, что стала почётной гражданкой города Ейска. Журналистов у себя дома принимала, но редко: ведь к их приходу нужно было с сестрой прибраться в квартире, да и самой выглядеть получше.

В это непростое время, как вспоминала позже сестра Наталья, Нонне помогали, чем могли, не только родственники, но и друзья — Никита Михалков, Виктор Мережко, Александр Аскольдов, Раиса Недашковская, Бари Алибасов, Юлиан…

Отказавшись несколько лет назад по состоянию здоровья от участия в концертах, Мордюкова всё же выбиралась иногда с неизменной спутницей-тросточкой на телевидение — в киноклубе у Эльдара Рязанова даже песни пела. Участвовала в передаче у Владимира Молчанова, а Андрей Малахов в своём ток-шоу основной упор сделал на её взаимоотношениях с невестками и внуками.

А как тут разобраться в этих самых взаимоотношениях? Столько резких перепадов и поворотов было в них за эти годы! Наталью Варлей в качестве невестки в далёком уже 71-м восприняла недоброжелательно, к тому же столько нашёптывали

тогда, что сын её — не от Володи. Искала Нонна схожесть (вот вроде бы ушки, пальчики как у Владимира…), силилась себя убедить, а душа почему-то не лежала ни к невестке, ни к внуку. Но ради сына мирилась с Натальей, уговаривала её не уходить из дома, когда та не выдерживала запоев мужа. Хотя Варлей потом «отблагодарила» — в интервью рассказывала, что перед окончательным уходом от Тихонова позвонила его матери за советом, но та отказалась общаться: разбирайтесь, в конце концов, сами, а у меня своя жизнь…

Вторую невестку, Наташу Егорову, приняла гораздо лучше, как и внука от неё спустя почти десять лет. Видела, что Наталья любила мужа, тянула на себе семью. И понимала, что в разводе виноват сам Владимир… Но потом, после смерти сына, вон как всё обернулось. Сумела Варлей, с которой много лет не общались, найти подход к бывшей свекрови. В гости с внуком приходила, подарки приносила. А ко второй невестке Нонна охладела, ни с ней, ни с другим внуком не общалась. И на своё 80-летие не пустила. Позже внук Володя всё-таки позвонил. Стали иногда встречаться, вот и на телевидении вроде как помирились… Кое-кто из свояков даже нашептывать стал: уж не ради ли наследства твоя вторая невестка так активизировалась?.. А вообще, у невесток и внуков своя жизнь, а у неё — своя. Не Маруся же она Коновалова, в самом деле, чтобы нахраписто и беспардонно за всех всё решать…

Здоровье между тем всё ухудшалось. В ноябре 2006 года у Нонны Викторовны случился инсульт, опять долго лежала в ЦКБ.

В 2007 году на телеэкраны вышел фильм «Нонна Мордюкова. Неукротимая» (а последующие документальные фильмы об актрисе выйдут уже после её смерти, к 85-летнему юбилею в 2010 году: «Нонна Мордюкова. Как на свете без любви прожить», «Нонна и Слава. Жестокий роман», «Нонна Мордюкова. Такой её никто не знал»). Во время одного из появлений на телеэкране актриса заявила среди прочего: мечтаю, чтобы Тихонов попросил у меня прощения. Авторы вмонтировали вслед за этими словами эпизод из другого фильма с участием Вячеслава Васильевича, где тот просил у кого-то прощения. Мордюкова, не поняв подтасовки и обрадовавшись, позвонила бывшему супругу после четырёх с половиной десятилетий молчания. Тот, ясное дело, не мог понять, о чём идёт речь. Примирение в итоге завершилось ссорой, Нонна раскричалась в трубку. Позже была ещё одна попытка. И только накануне смерти актриса, позвонив, сама попросила прощения за то, что было в их жизни. Вспомнила молодость, покойного сына… Тихонов ответил, чтобы и она его простила. Присутствовавший при разговоре зять Тихонова утверждал потом,

что это было сказано по-христиански и просто по-человечески, но в чём-то виноватым Вячеслав Васильевич перед бывшей женой себя не считал…

Последние месяцы перед смертью Мордюкова провела в Центральной клинической больнице. Попала туда в марте 2008 года с последствиями инсульта (поражение мозга, по мнению медиков, привело к деменции — распаду психических функций). Через некоторое время была выписана, но 23 мая вновь оказалась в той же клинике. Лечение стоило денег, но, кроме родственников, участие в оплате принимали и другие люди, друзья-актёры, в том числе Никита Михалков. А поскольку Мордюкова никогда не принимала денег от посторонних людей, ей сказали, будто актрисе повысили пенсию. Нонна Викторовна была рада.

Умерла актриса около 22 часов в воскресенье 6 июля 2008 года. Днём у неё в палате гостили брат Геннадий с женой, а сестра Наталья звонила по телефону из дома. Нонна Викторовна чувствовала себя лучше, чем обычно. Вечером медсестра отлучилась за таблеткой, а когда вернулась, увидела, что пациентка не дышит. Усилия реаниматологов не помогли. Фактически умерла актриса во сне, как и мечтала, услышав как-то по телевизору о такой же кончине Аллы Ларионовой.

От прощальной церемонии с траурным караулом и речами Мордюкова категорически отказалась ещё при жизни, просила и не открывать гроб с телом — пусть люди запомнят её живой. Похоронили актрису через три дня, 9 июля, на Кунцевском кладбище, рядом с сыном. Отпели в кладбищенской церкви — и многим казалось, что у покойной подрагивают ресницы.

Год спустя вместо ранее стоявшего памятника Владимиру Тихонову был открыт чёрный гранитный мемориал сразу над обеими могилами. Выгравированы портреты матери и сына, а ниже колосья — как память о их совместном фильме «Русское поле».

А 14 августа 2008 года в Ейске, где некогда педагоги пугали строптивую девчонку страшным будущим, был открыт памятник знаменитой землячке — скульптура работы Ирины Макаровой (годом ранее она создала аналогичный памятник Сергею Бондарчуку). Нонна Викторовна видела его эскизы ещё при жизни и сама одобрила их. Изобразили её в виде присевшей отдохнуть простой кубанской казачки…

О чём думала Нонна Мордюкова в последние дни, часы, минуты своего земного существования? Как оценивала пройденный жизненный путь? Сама ведь признавалась, что из пяти-шести десятков сыгранных ролей только семь-восемь

стоящих. Дело не в арифметике, конечно — некоторые актёры себя и одной-единственной ролью прославили. А со славой, известностью у неё вроде бы всё в порядке — и не только про премии, звания и ордена речь, но и про зрительскую любовь. Искренне полюбили её россияне, она же чувствует. Потому что главным делом жизни было для неё служение своей профессии. Душой срослась с простыми русскими женщинами, с горестями их и радостями, с работой и весельем. Конечно, тысячи таких актрис, как она, не хватит, чтобы передать всю многогранность образа русской женщины, но что смогла, то воплотила на экране на десятилетия вперёд. С любовью воплотила, с чувством…

А сама? Как прожила отмеренные ей судьбой годы? Не раз говорила в последнее время подругам (вот хотя бы Наташе Крачковской), что добро нужно в себе самой нести и другим передавать, а надеяться на ответное добро не стоит, это уже расчётливость выходит, грех даже, если вдуматься… И несла ведь людям добро. Её часто воспринимали волевой, сильной, энергичной, а то и грубой, горластой, напористой — как сыгранных героинь на экране. А разве в этом её суть? Она ведь всегда больше терпеливой была, чем мужественной… Счастья хотела всю жизнь — простого, женского и человеческого счастья. Почему же не сложилось? Почему так неудачно прошли годы жизни с Тихоновым? Каким отрицательным он тогда ни казался ей, а теперь понимает, что лучшего-то и не было, другой семьи так и не получилось. До сих пор мысли о нём сердце согревают… А с другими мужчинами, встреченными на жизненном пути, что не так складывалось? Тоже ведь думалось: «Вот оно, на этот раз — уж точно моё…» Ан нет. «А сын, родная кровинушка? Перемолола тебя жизнь, а я уберечь не сумела. Прости меня, родной! Одна радость, что снова с тобой встретимся…

А вы, люди добрые, не обижайтесь, если что-то не так. И не судите слишком строго. Все мы живём по-разному — как получается у кого. И сами за свои ошибки платим… Пусть не такая была я, какой представляли вы меня с экрана, но всё-таки заставляла вас плакать и смеяться, переживать чужую жизнь, как свою. Запомните же меня такой, родные мои…»